
НИЛ ПОКОРЕН!
Новоселы Барса-Гельмеса
ДНЕВНИК МАРТИРОСА САРЬЯНА
ЭТО БЫЛО ПОД ВИННИЦЕЙ
ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
СССР-20232

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 22 (1927)

24 МАЯ 1964

Великий Нил покорен! Братство и единство советских и арабских людей, их трудолюбие и талант победили могучую стихию. Ликует народ Египта: сбылась его вековая мечта.

Фото А. Устинова.

Борис ИВАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Исторический момент перекрытия Нила. Асуан, 14 мая. 12 часов 37 минут. Н. С. Хрущев и Гамаль Абдель Насер нажимают кнопку пульта.

АП — ТАСС (передано по фототелеграфу).

АСУАН — ВЕЛИКОЕ СОБЫТИЕ

АСУАН НАКАНУНЕ

Год назад строительная площадка в Асуане напоминала эскиз большого полотна, на котором намечены только контуры будущей картины. Нас водили по стройке опытные инженеры и говорили:

— Вот здесь будет здание гидростанции. Выход тоннелей намечается тут. Надо вынуть столько-то кубометров гранита.

Будет, будет, будет...

Теперь, когда мы рано утром прямо с вокзала приехали в Садд аль-Аали, все стало реальностью.

Полностью закончено строительство каналов. По ним потечет Нил после перекрытия. Двадцатипятитонные «МАЗы» цвета ливийской пустыни кажутся на их дне игрушечными автомобильчиками. На стройке все прибрано, как в хорошем доме перед праздником.

Сделать это было нелегко. Два асуанских километра тоннелей по трудности равны двадцати километрам метро. И прошли их за 19 месяцев.

Тоннели подготовлены к приему воды. Как только проран засыплют, вода смоет временную песчаную перемычку, вытянувшуюся лентой у входа в верховой канал, и устремится в шесть тоннелей, которые выведут ее через электростанцию в низовой канал. Отсюда Нил снова потечет по своему старому руслу. Река станет почти на два километра длиннее, сделав на своем пути полукольцо, пробитое в скалах человеком.

Гигантское здание электростанции как бы срослось со стенками низового канала, образовав единый монолит. Оно чем-то напоми-

Отто Вильгельмович КУУСИНЕН

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС,

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают нашу партию, весь советский народ, братские коммунистические и рабочие партии, что 17 мая 1964 года после тяжелой и продолжительной болезни на 83-м году жизни скончался ОТТО ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧ КУУСИНЕН — член КПСС с 1904 года, член Президиума Центрального Комитета КПСС, секретарь ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, председатель Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР, верный ученик великого Ленина, видный деятель КПСС и международного коммунистического движения, Герой Социалистического Труда.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС
ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Колонный зал Дома союзов. У гроба О. В. Куусинена в почетном карауле (слева направо): товарищи А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, Л. Н. Ефремов, Н. М. Шверник, В. И. Поляков.
Фото Б. Ярославцева.

Вынос урны с прахом О. В. Куусинена из Колонного зала.
Фото Е. Умнова.

нает древнеегипетский храм Абу Симбела, только без скульптуры Рамзеса II.

В прошлом году увидеть плотину можно было лишь на макете, сооруженном специально для туристов. А теперь два широких полотна вытянулись навстречу друг другу, пересекая Нил. Остался узкий проран, первый камень в который на днях бросили Никита Сергеевич Хрущев и Гамаль Абдель Насер. Это и послужило сигналом к началу решительного наступления.

Как же была построена плотина за такой короткий срок?

Ответил мне на этот вопрос главный советский специалист по строительству плотины Александр Алексеевич Лысов. Он приехал в Асуан в апреле прошлого года с опытом Волгоградской ГЭС.

— Первое, с чего мы начали,— рассказывает Александр Алексеевич,— это пересмотрели всю схему работ. Не хватало сортированного камня. Экскаваторщики быстро научились при погрузке набирать камень нужной величины. Заметьте, ковшом отбирали, а не руками. Отказались от шестнадцати стальных мачт и опор на берегах и восьми канатов через Нил. Вместо этого громоздкого и дорогостоящего хозяйства поставили на реке обыкновенные буи. Они не хуже служили ориентиром и обеспечивали точность отсыпки. Далее вместо двух съездов сделали один прямой. И последнее: кроме барж с гидравлическим опрокидыванием, у нас было шесть простых барж. Сами понимаете, разгружать их — дело длинное, требующее много рабочих. Наши инженеры придумали механическое опрокидывание. И эти баржи служили не хуже тех, с гидравликой.

Александр Алексеевич рассказывает горячо, увлеченно. Голубые глаза его блестят, короткие, сильные пальцы плотно сжимают стакан с ледяной водой. Жарко в Асуане. В тени до сорока. Смотришь на этого русского человека (он родом из Горького, самозабвенно любит Волгу) и ясно представляешь его в военной форме с подполковничьими погонами на плечах. В Отечественную войну он был танкистом, мир встретил в Вене.

— Сколько я вам насчитал новшеств? Четыре. Мы их еще называем рацпредложениями. Скучное слово. Скулы от него ломит. Но эти новшества и двинули дело вперед. А кто их ввел? Люди. О них-то, конечно, и нужно было говорить сразу. Но инженера всегда вначале тянет на технику. Замечательные у нас на плотине ребята. Не знаю, кого и выделить. Все могут самостоятельно руководить участком на любом строительстве: и Николай Сапожков, и Мустафа Махрус, и Дима Вакалев, и Мухаммед Махмуд. Призмы отсыпались на глубину от 30 до 40 метров, бывало, при сильном ветре и высокой волне и точно, без отклонений. В общем, без срывов, нарушений и аварий! Ясно?

На стройке я заметил характерную деталь. С кем бы мне ни приходилось говорить, все сводилось к одному: «Работали по графику, ничего особенного не было». Или: «Непорядки быстро устранялись, простоев не было».

Однотипные ответы, а за ними огромный труд, организаторский талант, энергия, оперативность, ответственность, знания. И еще дружба. Ведь высотная Асуанская плотина строилась арабами вместе с советскими специалистами. Люди до конца понимали друг друга и горячо трудились рука об руку.

АБДУРАЗИК

Материалы на стройку высотной Асуанской плотины приходили не только по железной дороге, но и по Нилу. Десятки самоходных барж доставляли, как говорят снабженцы, «нестандартный груз»,— такой груз, который не разместишь ни на одной платформе.

Однажды, года три назад, на Асуанской пристани к нашим специалистам подошел худенький паренек в полосатой галабее и попросил взять его строить плотину. Тогда была пора начала работ, и люди требовались всюду.

— Откуда ты и сколько лет тебе, хлопец?— спросил у него Георгий Иванович Сухарев, заместитель главного советского эксперта.

Паренек неопределенно махнул рукой в сторону соседней деревни.

— Абдуразик,— назвал он свое имя, положив на грудь тонкую ладонь.

Просителю посоветовали обратиться к арабской администрации, рассказали, куда и к кому нужно пойти.

На следующий день Абдуразик появился на пристани в сопровождении нескольких феллахов. Они пришли засвидетельствовать, что их односельчанин хотя еще и очень молод, но смышлен и безусловно честен, как честны и трудолюбивы его мать и отец, все дяди и тети, дедушки и бабушки. В общем, были перечислены все его родственники и даны им самые лестные характеристики. При каждом новом имени руки феллахов вздымались к небу, а в свидетели призывался аллах.

— Да ниспошлет нам аллах засуху на землю, если мы говорим неправду.

Через неделю Абдуразика видели уже на строительной площадке. С группой подсобных рабочих он таскал электрический кабель за четырехкубовым экскаватором, расчищал от камней дороги.

Впервые я услышал о нем в прошлом году от инженера-горняка Гуго Губинадзе. Высокий, широкоплечий, в желтой защитной каске, стараясь перекричать грохот и лязг машин, он водил меня по второму тоннелю, рассказывая, как идет выемка скалы, сколько еще предстоит сделать взрывов, пройти погонных метров. Мимо нас с воем проносились груженные породой самосвалы, над головой вспыхивали огоньки сварки, трещали перфораторные молотки, зачищая стенки от оставшихся после очередного взрыва кусков гранита. Вдруг буквально из-под ковша экскаватора вынырнул черноглазый мальчуган с деревянным чемоданом, служившим ему лотком.

— Мистер, сигарет!

— Надо поддержать коммерцию,— сказал Губинадзе, беря пачку «Белемонта».— На стройке таких коммерсантов много. Торговля для них часто только предлог. С помощью сигарет устанавливают знакомство, потом устраиваются работать — и к рулю машины. Примером для них служит Абдуразик. Правда, сигаретами он не торговал. Но тоже два года назад был подсобным рабочим. Удивительно талантливый паренек. Очень быстро осваивает сложные механизмы. Все запоминает с ходу. Словом, светлая голова и золотые руки. Далеко пойдет. Познакомьтесь с ним обязательно.

Встретиться с Абдуразиком в прошлом году мне так и не удалось. Помешала краткость пребывания в Садд аль-Аали. Но имя это, однако, запомнилось, и во второй свой приезд на стройку я поинтересовался судьбой Абдуразика.

— Абдуразик-то? Как же, работает,— сказал мне экскаваторщик Николай Брацило,— мы у него машины ремонтируем. Классным механиком стал. Нарасхват. Поломка—все к нему, как к хорошему доктору.

Нашел я Абдуразика на ремонтной базе. Курносый, в красной клетчатой рубахе, он возился у четырехкубового экскаватора.

— Последняя доводка. На днях перекрытие...

Разговор наш продолжался в деревянной конторке, или, по-местному звучит более значительно, в «офисе», у большого алюминиевого бидона с ледяной водой. Абдуразика официально величают теперь полным именем: Абдуразик Махмуд Мухаммед. Но для своих друзей, как арабов, так и русских, он остался Абдуразиком.

— Где учился, спрашиваете? Здесь, на стройке, у Николая Сычева и Клементьева. Добрые товарищи. На всю жизнь они для меня пример. Мечтаю учиться дальше, образования маловато, всего четыре класса.

Мы нисколько не сомневаемся: Абдуразик, конечно, будет инженером. Теперь такие, как он, становятся хозяевами своей судьбы.

ШТУРМ

К этому дню готовились четыре года. Ни палящее солнце, ни гранит, который по крепости приближается к алмазу, не смогли помешать людям. Этот день настал.

«Свернул великий Нил со своего извечного пути, свершился поворот и в экономической, социальной, культурной судьбе всего египетского народа».

Я услышал эти слова от председателя комиссии Национального собрания ОАР по делам высотной Асуанской плотины Халеда Мохи эд-Дина.

— Считаю,— продолжал он,— что строительство плотины сыграет поворотную роль в экономическом, социальном и культурном развитии страны. Национальный доход республики увеличится на 234 миллиона египетских фунтов, что позволит нашему правительству провести новые реформы, даст возможность еще более энергично вести строительство социализма. Это не может не оказать влияния на весь арабский мир. День этот помечен в календаре 14 мая 1964 года, что является первым днем нового года по мусульманскому календарю — замечательное совпадение! Но прежде, чем рассказать о том, как совершалось чудо, хочется несколько вернуться назад. Сделать такой шаг просто необходимо. Почему? Сейчас поймете.

Утром 13 мая Никита Сергеевич и сопровождающие его лица прилетели из Каира в Асуан. Сразу же из аэропорта высокий гость вместе с президентом Гамаль Абдель Насером направился на пристань, где их ждал белоснежный речной пароход «Рамзес». И здесь, в Асуане, на полюсе жары, Никиту Сергеевича Хрущева встретили с огромной радостью и теплотой. К стотысячному населению города присоединились жители окрестных деревень, поселков строителей Кима и Садд аль-Аали. По обочинам шоссе стояли люди с зелеными ветками в руках. Ветки в пустыне, где на сотни километров вокруг пески и каменные холмы, от которых, если брызнешь водой, идет пар! Всенародное внимание, уважение к главе Советского правительства объясняется еще и тем, что слава о гуманности Никиты Сергеевича, о его большом уважении к простым людям волной прокатилась по всей стране.

— Он не чурается нас,— сказал водитель самосвала Аббас Хэфни,— он сам идет к нам.

Никита Сергеевич Хрущев посетил завод по производству медикаментов под Каиром, построенный с помощью Советского Союза, и сразу нашел с рабочими общий язык. По-отечески теплой была его беседа с работницей Бахча Абу эль Шахир. Юные музыканты устроили для советской делегации концерт. Оркестром умело дирижировала девочка-школьница. Вначале Никита Сергеевич слушал оркестр с балкона. Потом спустился вниз и расцеловал маленького дирижера. Дети сразу забыли о своих инструментах, доверчиво обступили его. Никита Сергеевич сфотографировался с ними, подарил каждому музыканту по значку.

Вечером высокий гость со своими спутниками осматривал пирамиды. Подсвеченные мощными прожекторами, сказочно выглядели они на фоне черного африканского неба.

В Каире хорошо знают Хефнауи Абделя Наби — мастера уникального вида спорта. Он за 7 минут взбирается на пирамиду Хеопса, высота которой 146 метров. Показал свое искусство Абдель Наби и Никите Сергеевичу Хрущеву.

Пущен секундомер, стройная фигура атлета замелькала на глыбах пирамиды. Шаг вправо, влево, вверх; шаг влево, вправо, вверх. Опора для ноги — чуть заметный уступ. Меньше, меньше кажется Наби с земли. Бегом, бегом почти по отвесной стене. И вот он уже на вершине пирамиды Хеопса. 70 белых голубей, по числу лет Никиты Сергеевича, закружились над головами гостей. Сколько же прошло времени? Чуть более четырех минут. Новый рекорд Наби. Еще две минуты — и спортсмен уже внизу. А как же его сердце? Не вылетит ли оно из груди отважного египтянина? Никита Сергеевич просит врача поинтересоваться. Пульс 120 в минуту. Отличное сердце. Никита Сергеевич дружески поздравил Абделя Наби, обнял его и подарил ему часы...

Зеленые ветки в руках встречающих Никиту Сергеевича Хрущева — выражение признательности, символ расцветающей жизни в пустыне, жизни, которую породила дружба меж-

Последние кубометры гранита идут в проран. Скоро Нил пойдет по новому руслу.

Фото В. Будана (ТАСС).

ду советским и египетским народами. Плод этой дружбы — Асуанская плотина, куда и направился высокий советский гость, чтобы присутствовать на торжествах, посвященных завершению строительства первой очереди.

...«Рамзес» подходит к прорану. Протяжный гудок парохода плывет над берегами Нила, и тут же в ответ басовитые и тонкие, отрывистые и длинные сигналы автомашин, восторженные крики десятков тысяч людей, усыпавших горячие скалы, забравшихся на стрелы кранов, на крыши зданий, контор и управлений. «Садд аль-Аали!» — скандируют арабские и русские строители. «Ура!» — разносится над великой рекой. Медленно входит «Рамзес» в проран. Никита Сергеевич Хрущев и Гамаль Абдель Насер бросают в воду по камню. Вес каждого камня 6 килограммов. На них имена гостей и надпись: «Сей камень сброшен в реку 13 мая 1964 года в ознаменование перекрытия Нила». С обеих сторон плотины сбрасывают свой груз 25-тонные самосвалы. Освобождаются от камней и самоопрокидывающиеся баржи. В воздухе стоит грохот и лязг. Замерли люди, повинуясь величию минуты. Ведь началось чудо, творимое не богом, а ими самими. Воздвигается памятник человеческого разума и воли.

Пройдет немного времени, и человек скажет Нилу: «Стоп, поворачивай, дружище, в другую сторону, дорога тебе приготовлена». Никита Сергеевич Хрущев и Гамаль Абдель Насер в сопровождении главного советского эксперта А. П. Александрова и министра строительства высотной плотины Сидки Солимана осмотрели верховой и низовой каналы, прошли пешком по тоннелю номер шесть.

Все приготовлено к приему воды. По дну канала словно прошлись метлой. Огромная труба тоннеля отделана будто для посещения туристов, ее подчистили и выровняли стенки. Особое чувство охватывает всех людей. Ведь глаз человека никогда больше не увидит ни этих камней, ни полос на бетоне, оставшихся от опалубки.

Осмотр окончен. А проран становится все уже и уже. Вздрагивает Нил, посуровели его голубые воды. Гранитный обруч давит, сжимает его тело... Завтра 14 мая!

Он пришел, этот день. Очень солнечный. Акварельное небо не ярко. Под ковровый шатер, раскинутый на платформе водоприемника, участники товарищеского митинга начали собираться с раннего утра. Те, кому не досталось места под шатром, заняли выгодную позицию на крутых откосах реки. Всюду флаги двух держав, сыны которых трудились вместе.

В гостиницу «Новый Катаракт», где остановился Никита Сергеевич Хрущев, приезжает Гамаль Абдель Насер. Никита Сергеевич встречает президента в нижнем холле гостиницы. Рядом с Никитой Сергеевичем Нина Петровна и спутники по поездке. Он обменивается приветствиями с присутствующими, улыбается, шутит. Гамаль Абдель Насер приглашает главу советской делегации в открытую машину. Рядом с ним садятся прибывшие на празднование президент Йемена Абдалла ас-Саляль и президент Ирака Ареф.

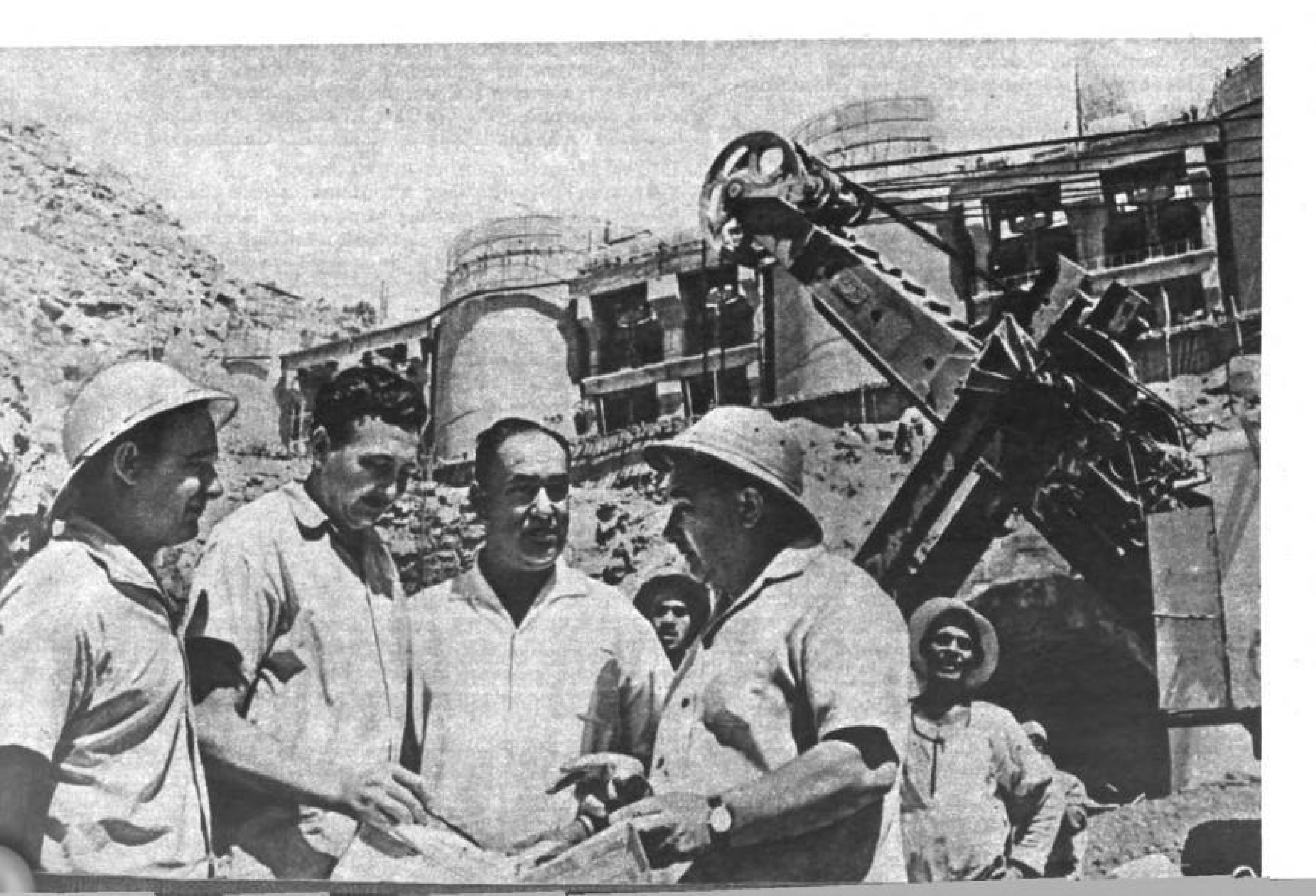
Около двух километров движется кортеж по живому коридору. Люди в лучших платьях. Радость на лицах. Безбрежный лес рук, поднятых в приветствии. Гул восторженных голосов. С каждым километром он все больше нарастает. Гром оваций сопровождает машины.

...Митинг открывает министр Сидки Солиман, затем выступает президент. Он говорит о героизме строителей. От имени арабского народа и правительства ОАР благодарит их. Президент отмечает особую роль Никиты Сергеевича Хрущева. Только его личное внимание позволило так успешно вести это строительство.

— Вы перебросили мост дружбы с народами Арабского Востока и Африки,— обращаясь к Никите Сергеевичу Хрущеву, сказал президент.

Казалось, вот-вот улетит шатер от бурных приветствий, когда на трибуне появляется Никита Сергеевич Хрущев. Речь его то и дело прерывается возгласами одобрения, громкими аплодисментами, криками: «Хрущев, Хрущев, Хрущев!» Никита Сергеевич зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Гамаль Абдель Насеру и маршалу Амеру звания Героя Советского Союза.

Время приближается к 12 часам 30 минутам. У небольшого пульта, на котором находится кнопка, сгрудились фотокорреспонденты и кинооператоры. Уже несколько часов нещадно палит их солнце, но они не замечают сорокаградусной жары. Вдали золотится пес-

Плотина — детище дружбы народов ОАР и СССР. На снимке (справа налево): главный советский эксперт высотной плотины дважды Герой Социалистического Труда А. П. Александров, начальник тоннельного управления Абдель Азым Сидки Турки, заместитель главного советского эксперта по производству Г. Ф. Масловский и электросварщик дважды Герой Социалистического Труда А. А. Улесов.

Фото А. Устинова.

чаная перемычка верхового канала. Недолго ей осталось жить. Ее разнесет взрыв, смоет Нил.

Не спеша подходят Никита Сергеевич Хрущев и Гамаль Абдель Насер к пульту. Взоры десятков тысяч людей устремлены к перемычке. Кнопка нажата. Столб песка взлетает к небу, и тут же тонкий ручеек коричневой змейкой устремляется через песчаный вал к каналу. Второй взрыв потрясает воздух. Это взрыв человеческих голосов.

Ручеек становится речкой. Она вначале неохотно разливается по каналу, как бы знакомясь с новыми берегами. Затем, ударяясь о них, закипает, пытается вырваться. Сползает песок с перемычки в неистовый поток. Вдруг вырастает серебристый гриб; он искрится и переливается на солнце всеми цветами радуги. В один торжественный гул сливается и шум воды и восторженный крик людей. Золотистая кипящая масса выше и выше поднимается к зрителям. Канал почти заполнен. Речной свежестью повеяло в лицо. Там, где только что была перемычка, образовался глубокий плес.

Люди смотрят на часы. С момента взрыва минуло 30 минут. Покорился человеку своенравный Нил. Свершилось!

Я спросил заместителя главного инженера строительства Г. А. Радченко, доволен ли он ходом только что закончившегося процесса. И совпадает ли практика с опытами, которые предварительно проводились неподалеку от Москвы в специальной лаборатории.

— Отличные результаты. Полное совпадение. Расчеты подтвердились. Все шло как по писаному... Мысли, рожденные в Москве, реально осуществились в Асуане. И точно! Цифра в цифру, минута в минуту!

Ничего нельзя упустить. Все надо рассказать. Такого больше не повторится. Это праздник невиданный. В нем как бы слились воедино труд и песня, героизм и слава, счастье и дружба.

— Мурашки бегают по коже,— услышал я на плотине в момент засыпки прорана.

Это бывает, оказывается, и от восторга, как бывают слезы радости.

Третьим днем праздника было 16 мая.

Никита Сергеевич Хрущев, Гамаль Абдель Насер, президент Алжира Бен Белла, президент Ирака Ареф с трехпалубного парохода «Лотос» наблюдали, как окончательно заделывался проран. Это продолжалось всего 15 минут. «МАЗам» «помогали» тысячи людей. Каждый хотел бросить свой камень. А потом люди ринулись навстречу друг другу, слились в объятии.

Вечером была открыта мемориальная доска. Она прикреплена к обелиску, установленному в честь начала работ на Асуане. На ней арабской вязью выгравировано, что доска открыта 16 мая в честь завершения штурма Нила.

Никита Сергеевич подошел к Гамаль Абдель Насеру и крепко дважды поцеловал его.

Машины въехали на плотину. По обеим ее сторонам выстроились сотни самосвалов. Около каждого — экипаж водителей. Это все участники штурма.

— Они хорошо поработали,— сказал Никита Сергеевич Хрущев.

Перед зеленой лентой, перекинутой через плотину, высоких гостей встречали девочка и мальчик: Абдель Монейма Гиши, дочь арабского специалиста, и Игорь Сапожников, сын советского инженера. Они преподнесли Никите Сергеевичу Хрущеву цветы, выращенные в Ливийской пустыне.

Гамаль Абдель Насер передает Никите Сергеевичу Хрущеву ножницы. Мгновение, и конец ленты неслышно падает на песок. Первая очередь высотной Асуанской плотины завершена.

Никита Сергеевич задушевно побеседовал с советскими рабочими и специалистами, пожал всем руки, поблагодарил их. В разговор вступил президент Гамаль Абдель Насер. Он спросил, как чувствуют себя посланцы севера на жаркой земле Африки. Ответ он услышал на своем родном языке.

...Посуху машины с гостями пересекли Нил. Каждый день отдаляет нас от великого события в Асуане. Из года в год шире и глубже будет Нубийское море. Где вода, там и жизнь, полная, цветущая.

ПО ПРИГЛАШЕНИЮ ЯПОНСКОГО ПАРЛАМЕНТА делегация Верховного Совета СССР, возглавляемая первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном, посетила Японию.

Посланцы Советского Союза встретились с японскими парламентариями, побывали в гостях у общества «Япония — СССР». Глава советской делегации вручил премьер-министру Хаято Икэда послание от Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева.

На снимке: Токио. Делегация Верховного Совета СССР во главе с А. И. Микояном посетила редакцию одной из крупнейших в стране газет — «Асахи».

Фото АП—ТАСС (принято по фототелеграфу).

ЕДИНСТВО, СОЛИДАРНОСТЬ, ВЕРНОСТЬ! Эти слова звучали в празднично украшенном парижском зале «Мютюалите» в дни, когда там проходил XVII съезд Французской коммунистической партии. По поручению ЦК КПСС член Президиума, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов передал съезду французских коммунистов Красное знамя. Знамя принимает Морис Торез. Слева — кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест.

Фотохроника ТАСС

СОВЕТСКО-КЕНИЙСКОЕ КОММЮНИКЕ подписано недавно в Москве. Правительственная делегация Кении, находившаяся в нашей стране с официальным визитом, заявила, что она высоко оценивает дружественную, бескорыстную поддержку, оказываемую Советским Союзом странам Африки, а также африканскому национально - освободительному движению.

На снимке: подписание Советско-Кенийского коммюнике.

Фото В. Соболева (ТАСС).

Памяти Антуана Табета

Скорбную весть принесли газеты: скончался Антуан Жорж Табет, выдающийся борец за мир и национальную независимость, председатель Национального совета мира Ливана, член Президиума Всемирного Совета Мира.

У Антуана Табета множество друзей в Советском Союзе. Он любил нашу страну, видел в ней подлинный оплот сил мира и прогресса. Советские люди и вся прогрессивная мировая общественность приветствовали присуждение в 1960 году Антуану Табету международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Никогда не будет забыто светлое имя Антуана Табета.

...На новую отметку.

Урудж Гаджиев — оператор подземного ремонта.

Пески Барса-Гельмес.

Каракумы. Выросли в пустыне соцгорода, заводы, рудники, нефтяные промыслы.

На тысячу километров протянулась голубая лента Каракумского канала. Десятки тысяч гектаров вновь обводненных земель зеленеют всходами хлопчатника.

И все же до самого последнего времени в юго-западных Каракумах было место, за которым прочно сохранялось название «Барса-Гельмес», что означает «Пойдешь — не вернешься».

Причудливые белые разводы солончаков неожиданно обрываются, уступив место огромным песчаным барханам. Порой высота их превосходит многоэтажные дома. Кругом мертво. Ничто не растет, никто не живет.

Курится песчаная дымка на гребнях барханов. Ветер и песок. Песок всюду. Им забиты глаза, уши. Он хрустит на зубах.

Природа, казалось бы, сделала все, чтобы скрыть от человека свою тайну — богатейшие кладовые черного золота.

Но на глубине 4—5 тысяч метров геологи нашли нефть.

...Вертолет приземляется в центре поселка, так и названного — Барса-Гельмес. Пока здесь не живут постоянно, а, как принято выражаться в нефтеразведке, несут вахту. Восемь дней вахта в песках, четыре дня дома с семьей в соцгородах Небит-Даге или Кум-Даге.

Конечно, это неудобно, просто тяжело, но все знают, что это — лишения временные.

Тянется нефтепровод. Приступили к возведению первого двухэтажного жилого дома, а жители поселка своими руками построили клуб и кинотеатр. Работают магазины, медпункт, столовая, почта.

А недавно сюда насовсем переехала контора разведочного бурения № 2; это хороший признак: значит, месторождение перспективное.

В Барса-Гельмесе пока нет еще добычи. Идет нефтеразведка. Бурят скважины на заданные глубины, когда получают нефть, закрывают, тампонируют их. Буровые вышки перетаскиваются на новые отметки, и так снова и снова.

Перед отъездом директор конторы бурения Меред Аннаклычев приглашает меня к карте.

— Вот наш Барса, а вот новый участок разведки — Чагаласор, он и вовсе на отлете: до ближайшего населенного пункта без малого двести километров. Когда наши ребята приезжают оттуда, то им даже наш Барса кажется столицей! Но там тоже ищут нефть.

Разведка месторождения продолжается. Заштриховано еще одно белое пятно на карте. Вырвана у природы еще одна тайна.

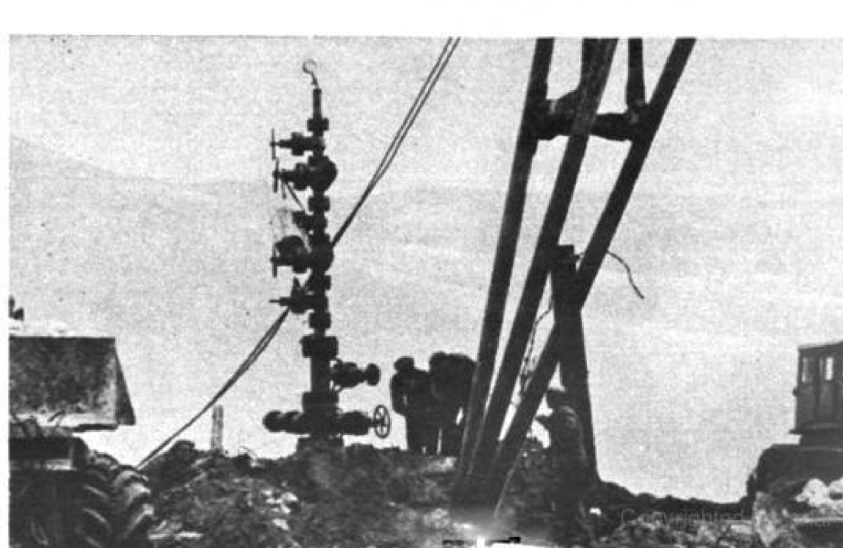
Д. УХТОМСКИЙ
Фото автора.

Западные Каракумы,
Туркменская ССР.

Поселок Барса-Гельмес.

Виктор Киселев — оператор по добыче нефти.

Установка новой буровой.

Как рассказывает сам Мартирос Сергеевич, свои записки и дневники он начал вести давно, когда путешествовал по Африке и по Европе. Потом это уже вошло в привычку—обдумывая сегодняшнее, писать о прошлом.

В настоящее время художник готовит свои записки к печати. Он познакомил нас с тем вариантом на русском языке, над которым еще продолжает работу. Мы публикуем отдельные отрывки из первой книги, используя также записи бесед с Мартиросом Сергеевичем Сарьяном нашего корреспондента Л. Осиповой.

БУДЬ СЧАСТЛИВ, ЧЕЛОВЕК, ВСЕ В ТЕБЕ!

Мартирос САРЬЯН

Фото Я. Рюмкина.

В доме Сарьяна всегда тесно. Вслед за группой студентов пединститута пришли туристы из ОАР; к вечеру просили разрешения зайти художники, приехавшие из Сибири.

Мартиросу Сергеевичу не хочется никому отказывать. Правда, роль экскурсовода в собственной мастерской довольно утомительна да и начатая работа ждет своего завершения... Но художнику доставляет удовольствие общение с людьми. Ему нравится по-художнически вглядываться в лица, обдумывать характеры.

И все сильнее, насущнее становится потребность делиться тем, что с такой ясностью открылось ему в жизни, в искусстве.

Задавая себе вопрос, был ли я счастлив в жизни, могу ответить вполне определенно: да!

Разве не счастье вступить в жизнь из небытия, осознать свое Я, увидеть свет, день, солнце и пользоваться бесчисленными благами, щедро, в изобилии предоставленными матерью-природой человеку? Ощущение жизни — это ощущение счастья...

Пробило шесть часов. Здесь, в Ереване, в одной из точек земного шара, кружащегося в бесконечном пространстве, утро... Особенно остро я ощущаю в эти часы, что мое Я — это весь мир. Бесчисленное количество Я — это пылинки единого грандиозного целого. И каждая заключает в себе все то, что есть в большом целом.

Жалко будет расставаться с солнцем и перестать жить — видеть, чувствовать. Хочется сознавать, что всегда жил и буду жить. Но в общем-то в смерти ничего нового нет, столько людей жило и ушло! Сколько плохого было в жизни, и все же хорошее победило и осталось. Это хорошее и делает человека счастливым.

* * *

В степях Приазовья, под Ростовом, недалеко от заросшей камышом речки Самбек, протекающей по зеленым лугам, немного выше берега, на бугорочке, отец мой сложил домик из сырцовых кирпичей и покрыл крышу камышом. Там мы и жили.

Простора для беготни сколько угодно, кругом горизонт. Вдали две мельницы размахивают крыльями.

На севере, за речкой, подымался высокий бугор, настолько крутой, что когда на нем паслись коровы, то казалось, что одна корова стоит на другой.

Солнечный день, тепло-тепло... Я убегал далеко и терялся в высокой траве; наши все в это время были заняты работой в поле и, лишь кончив работу, вспоминали обо мне.

Запомнилось мне первое ощущение счастья. Я лежу в степи. Подо мной земля — твердая, упругая, и все необъятное небо опрокидывается на меня.

Как много вошло вместе с детством в жизнь...

В армянском селении Чалтырь люди трудились день и ночь, и черная земля выращивала пшеницу, из которой делали самый вкусный хлеб в мире. Лица и руки у смуглых людей были коричнево-красные, волосы черные, глаза добрые, горящие. Когда мы, согласно обычаю, брали руки старших, чтобы поцеловать их, они напоминали кору дуба или ясеня, а мозоли на выпуклых частях ладони казались наростами, оставшимися от срезанных сучьев.

Сколько доброты и гостеприимства в простых, гигантского роста людях! Это друзья моего отца — Погос-ага и Варук-джа. Настоящие герои труда, такие же сильные и прекрасные, как сама земля. Нерасторжимо они были связаны с землей — всей своей жизнью.

Отец работал на току, а чаще плотничал. Я помню его человеком исключительной доброты, честности и трудолюбия. Мать весь день хлопотала дома по хозяйству, со всем справлялась одна. Доила коров, сбивала масло, варила сыр, пекла хлеб, готовила обед, кормила домашнюю птицу. И все споро, ладно. Нальет в кадушку воды, набросает ломтей черствого ржаного хлеба, и через несколько дней, черпая из кадки, мы пьем вкусный квас. В другую кадушку в соленый раствор наложит свежих огурцов, прикроет сверху дощечкой, придавит тяжелым булыжником, чтобы все это не всплывало наверх,— вскоре у нас уже малосольные огурцы. Поставит на печку котелок с водой, когда вода закипит, набьет туда яиц, немного масла, посолит — и вкусный суп готов. Обычной нашей пищей были борщ и пшенная каша, а по утрам горячие пышки.

Для нас, ребят, пожалуй, самой любопытной фигурой в селении был чабан. Вместе с ним мы уходили за стадом в степь и пропадали там целыми днями. Выглянешь из травы — стоит он неподвижно, опершись на герлыгу, взор его обращен вдаль; точно силуэт памятника. Любили мы чабана Тимошу; от него пахло землей, дегтем, махоркой, соленой рыбой... Мы знали, что через плечо висит у него торбочка, где всегда можно найти краюшку вкусного ржаного хлеба и другие нехитрые припасы.

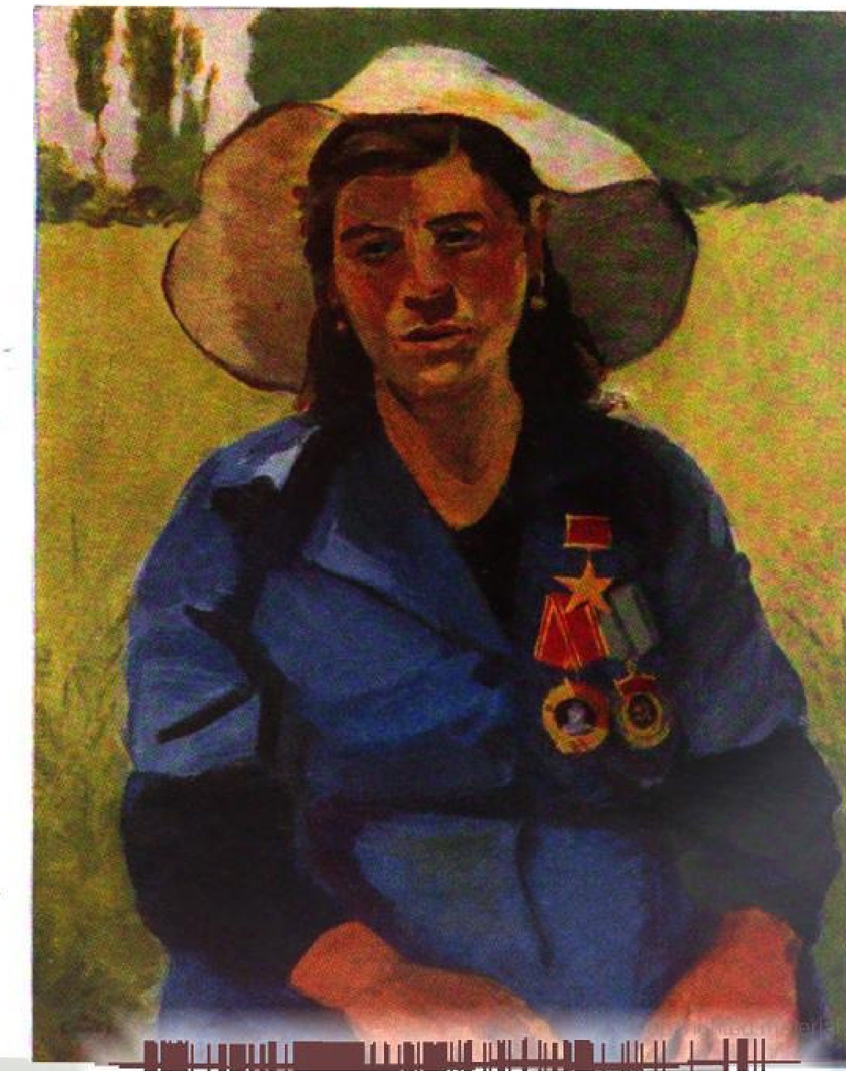
Вечереет. Идет Тимоша позади стада, подгоняет отставших, а на плечах у него охромевшая овца. Сенокос еще в полном разгаре; всюду на лугах слышен звон; широко размахивая косами, скашивают косари высокий луговой пырей. Длинными высокими рядами ложится по левую руку трава, наполняя воздух густым, душистым ароматом...

Уже после окончания Училища живописи, ваяния и зодчества, после поездки в Константинополь и Египет я снова встретился со степью своего детства.

Взор мой терялся в сине-зеленой дали горизонта, устремляясь на уходящую вдаль балку Сухого Самбека. Внизу раскинулись могучие вековые деревья: дуб, клен, ясень, пирамидальные тополя, окружающие пруд. В груди восторг; ничто меня не тревожит, и душе созвучны звонкие песни жаворонков, льющиеся с неба, как золотые струи весеннего живительного дождя!

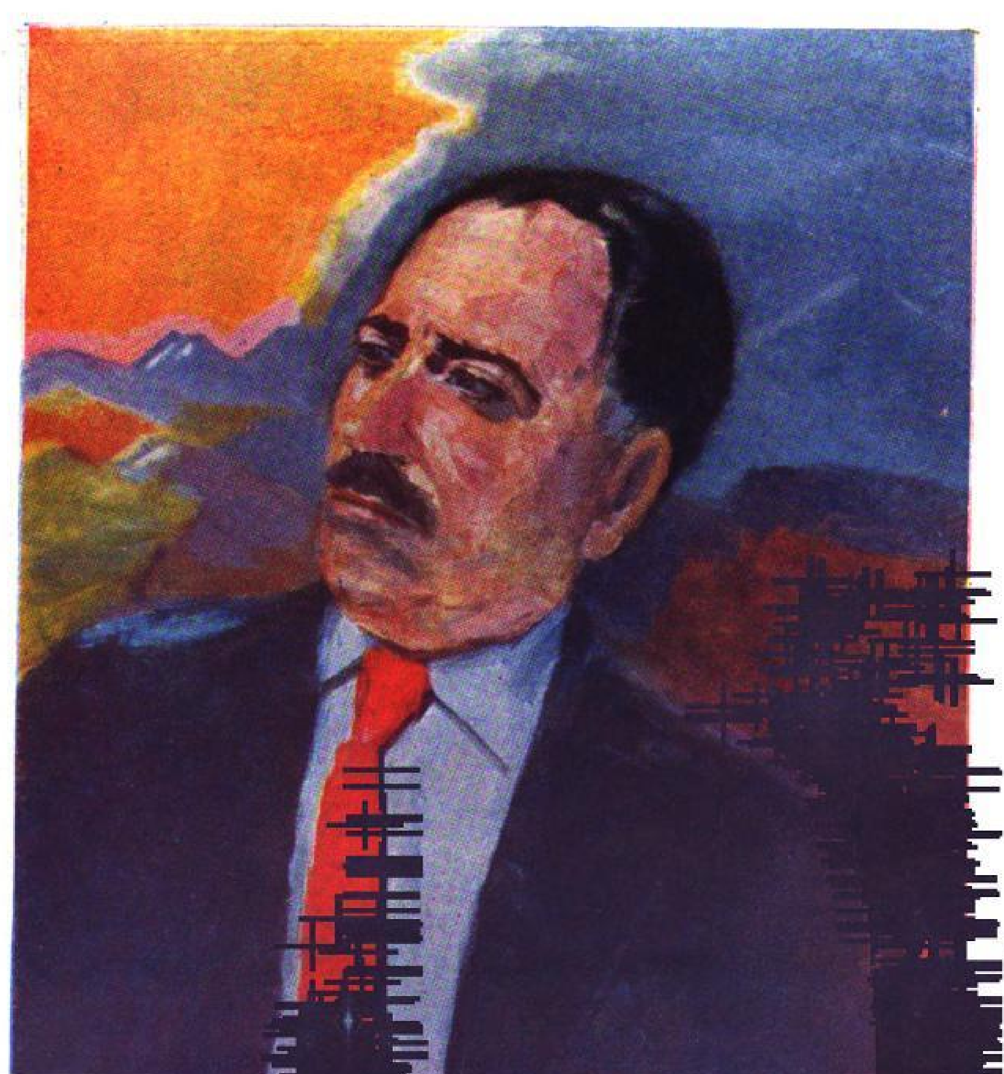
После долгой разлуки я увиделся с матерью. Мы сидим с ней молча и смотрим вдаль, как будто и говорить нам не о чем. В степи люди делаются молчаливыми: прислушиваясь к шуму ветра каждый день, встречая и провожая солнце, они становятся мудрыми, как сама природа.

М. Сарьян. В ГОРАХ ТУМАНЯНА. 1952 год.

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА Ш. СААКЯН. 1952 год.

М. **Сарьян.** ПОРТРЕТ ЖЕНЫ. 1941 год.

ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ УИЛЬЯМА САРОЯНА. 1960 год.

* * *

На службе в ростовской конторе, где принимали подписку на журналы и газеты, я чувствовал себя сначала неловко. Темный угол, высокая конторка и никакого приволья. Но потом мне понравилось вглядываться в человеческие лица. Много самого разного народу приходило сюда. Тихонько, чтобы не заметили, я начал делать зарисовки. Потом мне это так понравилось, что я рисовал каждую свободную минуту. Тогда заметили. Друг моего брата Амбарданов, человек культурный, усиленно поощрял мое призвание. А хозяину не нравилось: он хотел сделать из меня человека, полезного для своего дела. Однажды тайком, улучив момент, я нарисовал одного из сотрудников конторы, бородатого казака-старика, и нарисовал настолько удачно, что рисунок вызвал особенное одобрение моих поклонников. Старик же сидел молча и даже взгрустнул, а на следующий день занемог. Причиной своей болезни он, конечно, считал меня. Выйдя на работу, он пожаловался хозяину. Тот набросился на меня, схватил рисунок, в присутствии старика разорвал его на куски, бросил на пол и потребовал навсегда прекратить подобные глупости. Весть об этом происшествии дошла до моего брата Ованеса. Уступая советам Амбарданова, он решил наконец отправить меня в Москву учиться.

* * *

Товарищем Мартироса Сергеевича по московскому училищу живописи, ваяния и зодчества был К. С. Петров-Водкин. В своих мемуарах он рассказывает, что в Сарьяне тех лет поражал контраст: опаленная югом внешность... и спокойный, всегда ровный характер.

В этом спокойствии чувствовалась цельность характера, цельность мировоззрения.

Искусство в те годы как будто лихорадило. Чуть ли не каждый год возникали новые группировки, провозглашались новые лозунги. Сарьян в своих дерзаниях шел за веком. Но он не принадлежал ни к одной из группировок. За обнаженным ритмом его первых картин уже угадывалось спокойствие мастера, постигающего свою цель не рационально, не через логические выкладки, а скорее интуитивно, через ощущение единства своего с природой, с землей...

Первые годы XX века. В обществе модно говорить об искусстве. С появлением нового писателя или художника высказываются суждения самые крайние. Появляются новые меценаты, издающие книги, собирающие коллекции картин, каждый имеет свой взгляд на будущее искусства... При художественно-литературном кружке организовалось общество «Свободная эстетика», куда устремились артисты и любители искусства. На вечерах «Свободной эстетики» можно было услышать чтение поэтами и литераторами своих произведений, устраивались выставки. Но во всей атмосфере было что-то болезненное. Правда, здесь встречались художники, безусловно, прогрессивные, ищущие чего-то нового, свежего. И все же общество это, изолированное от жизни, носило несколько оранжерейный характер. Главной вдохновительницей его была красавица Генриэтта Леопольдовна Гиршман, в которую были влюблены все: и поэты и художники. В. А. Серов написал ряд великолепных ее портретов, исполненных большого мастерства. Самый выдающийся из них, у туалетного стола, можно поставить в ряд с лучшими работами художника: «Девушка, освещенная солнцем», «Девочка с персиками», «Портрет Мамонтовой».

В иные дни собирались мы у обаятельной Лосевой на Новинском бульваре. В ее особняке становилось оживленно, когда приходили молодые художники, уже получившие имя благодаря выступлениям на выставках «Мира искусства» и «Союза русских художников». Иногда разговоры о живописи переходили в споры, принимавшие неприятную форму.

Помню, как спор между Ларионовым, предлагавшим собственного изобретения «лучизм», не уступающий кубизму, и И. Крыловым перешел в драку, к счастью, правда, уже на улице, прекращенную энергичным вмешательством товарищей.

Сергей Иванович Щукин, у которого была знаменитая коллекция французской живописи — главным образом работы импрессионистов,— устраивал у себя в особняке в Большом Знаменском переулке вечера, где выступали лучшие музыканты. Исполняли Скрябина, Рахманинова, Метнера... Гости осматривали живопись Клода Моне, Ренуара, Эдуарда Мане, Сислея, Сезанна, Ван-Гога, Гогена... Сергей Иванович сам показывал свою коллекцию и с большой страстью рассказывал, объяснял.

Носовы в своем особняке на Введенской площади устраивали спектакли. Специально для этих вечеров Алексей Толстой и Михаил Кузмин писали пьесы, которые исполняли любители.

...Московская жизнь текла обыкновенно. Каждый год устраивались выставки, шумно проходили вернисажи, где художники встречались со своими друзьями. Под картинами вывешивались этикетки с надписью «Продано» или «Приобретено». Некоторые картины были куплены еще в мастерских, в каталоге отмечалось: «Собственность такого-то».

Жизнь внешне не менялась. Но на душе было неспокойно. Мучительно думалось: нужно писать иначе. Нужны произведения, по-настоящему волнующие людей. За дело брались и футуристы и другие «исты». Шуму было много, а толку мало. Публика чаще ахала не от восторга, а от возмущения.

* * *

Война продолжалась. На этот раз пожар войны распространился и на территорию Турецкой Армении. Было ограблено, уничтожено и развеяно по свету проживающее там миллионное армянское население, лишь небольшая часть бежала в пределы России. Армянская интеллигенция в Москве организовала помощь беженцам. Комитет возглавлял крупный общественный деятель Степан Мамиконян. Я не мог оставаться в Москве. Не без труда добрался до Эчмиадзина, куда стекалось большинство беженцев. Кругом душераздирающие вопли; гибель людей, перенесших мученические испытания...

Благотворительным обществам трудно было организовать быструю помощь сотням тысяч голодных людей при бессовестном и бессердечном отношении царских чиновников, всячески мешавших доставке муки и продовольствия. Среди многочисленных беженцев, расположившихся прямо на улице, я заметил мать с больными детьми. Одного ребенка, заболевшего дизентерией, я увез в детскую больницу. Через несколько дней он все же там умер. Однажды, проходя по той же улице, я с ужасом заметил, как мать, по обычаю армян, закутывала в патанк своего меньшого ребенка. Другие — тоже мертвые — лежали тут же рядом на земле. Последнего мать зашивала в свое платье, пользуясь вместо ниток своими длинными вырванными волосами. Это было страшнее сцен Дантова «Ада»...

Сколько раз черные тучи заволакивали горизонт армянской истории! Разве не тысячу раз прав был Туманян, восклицая:

Армянское горе — безбрежное море,
Пучина огромная вод;
На этом огромном и черном просторе
Душа моя скорбно плывет.

Да, это были минуты скорби и отчаяния. Я не мог работать, есть, спать...

* * *

Однажды Ашот Ионисиан, бывший в первые годы Советской власти народным комиссаром просвещения Армении, позвал меня к себе и, указывая на шкаф, сказал, что здесь хранятся антикварии. А затем многозначительно добавил: может быть, впоследствии я буду вспоминать этот шкаф как символ, потому что с него начнется армянский художественный музей.

Только-то и было там — несколько старинных вещей да черепки из раскопок...

Великая культура Армении, создававшаяся тысячелетиями и тысячелетиями попиравшаяся ногами различных завоевателей, ждала своего возрождения.

Надо было засучив рукава приниматься за работу. Из Тбилиси прибыла выставка: картины и коллекция археологических и этнографических экспонатов Ерванда Лалаяна. Все это он передавал в дар Армянскому музею. Мы поместили первые экспонаты в одну из комнат еще не законченного здания Дома культуры. Теперь можно было жить с гордым сознанием, что начало положено. Я списался с молодым искусствоведом Рубеном Дрампяном, который работал в Петрограде в Русском музее. Казалось естественным, что все, кто болеет за судьбу своего народа, должны забыть об удобствах привычно налаженной жизни и приехать на родину.

Дрампян, недолго раздумывая, вместе с семьей прибыл в Ереван. Потом он свыше 30 лет был директором Армянского музея и собрал по крохам одну из ценнейших в стране художественных коллекций. Сколько было азарта и горения!

Нарком Ионисиан привез для меня из Москвы корзину красок — подарок по тем временам бесценный. «Что же,— подумал я,— теперь Общество художников (оно только что было организовано) может развернуть самую широкую деятельность».

Краски я роздал художникам и обязал их работать. Иногда все вместе отправлялись на этюды в горы. Правда, удавалось это нам не часто.

Я помню, как несколько дней я ходил по городу, с жадным любопытством приглядываясь ко всем домам, выбирал помещение для художественной школы. Наконец остановились на одном. Из окон открывался прекрасный вид на Арарат, вокруг дома раскинулся обширный фруктовый сад. Я сразу представил себе в саду десятки ребят с этюдниками...

Пусть на первых порах у них будет мало бумаги и красок; может быть, и хороших учителей не сразу для них найдем, но им поможет солнце и Арарат. Поможет та вечная красота природы, которая самых простых, ни на что не притязающих людей способна превратить в поэтов и художников...

* * *

Среди картин, развешанных в мастерской в несколько рядов, внимание гостей останавливает не совсем обычный портрет, вернее, автопортрет: художник изобразил себя в трех возрастах: когда ему было немногим больше двадцати, потом уже за сорок и еще старше. Три человека на фоне далеких гор. В руках каждого палитра и кисть.

Зная заранее, что вопросы неизбежны, Мартирос Сергеевич объясняет: «Работалось это в 1943 году. От сына Зарика известия с фронта не приходили. О многом думал — о всей жизни... Вот в центре я — суровый, заросший щетиной. По старинному армянскому обычаю люди в горе не бреются...»

Художник, как всегда, говорит очень кратко, вот он уже отходит к другому полотну. Но нелегко посетителю оторваться от этого, оно притягивает к себе. Просто, сухо, даже несколько жестковато написаны лица, с чисто сарьяновским лаконизмом и легкостью. И в этой легкости, в композиционной цельности есть своя музыка. Да, как будто слышишь исполненный величавой красоты и возвышающей силы хорал Баха. Лица людей на портрете обращены к зрителю, но глаза смотрят куда-то выше и дальше. В юношески мягком и стариковски трезвом, суровом взгляде чувствуется покой, вера в жизнь. И весь портрет воспринимаешь как гимн человеческой цельности, человеческой вере и устремленности.

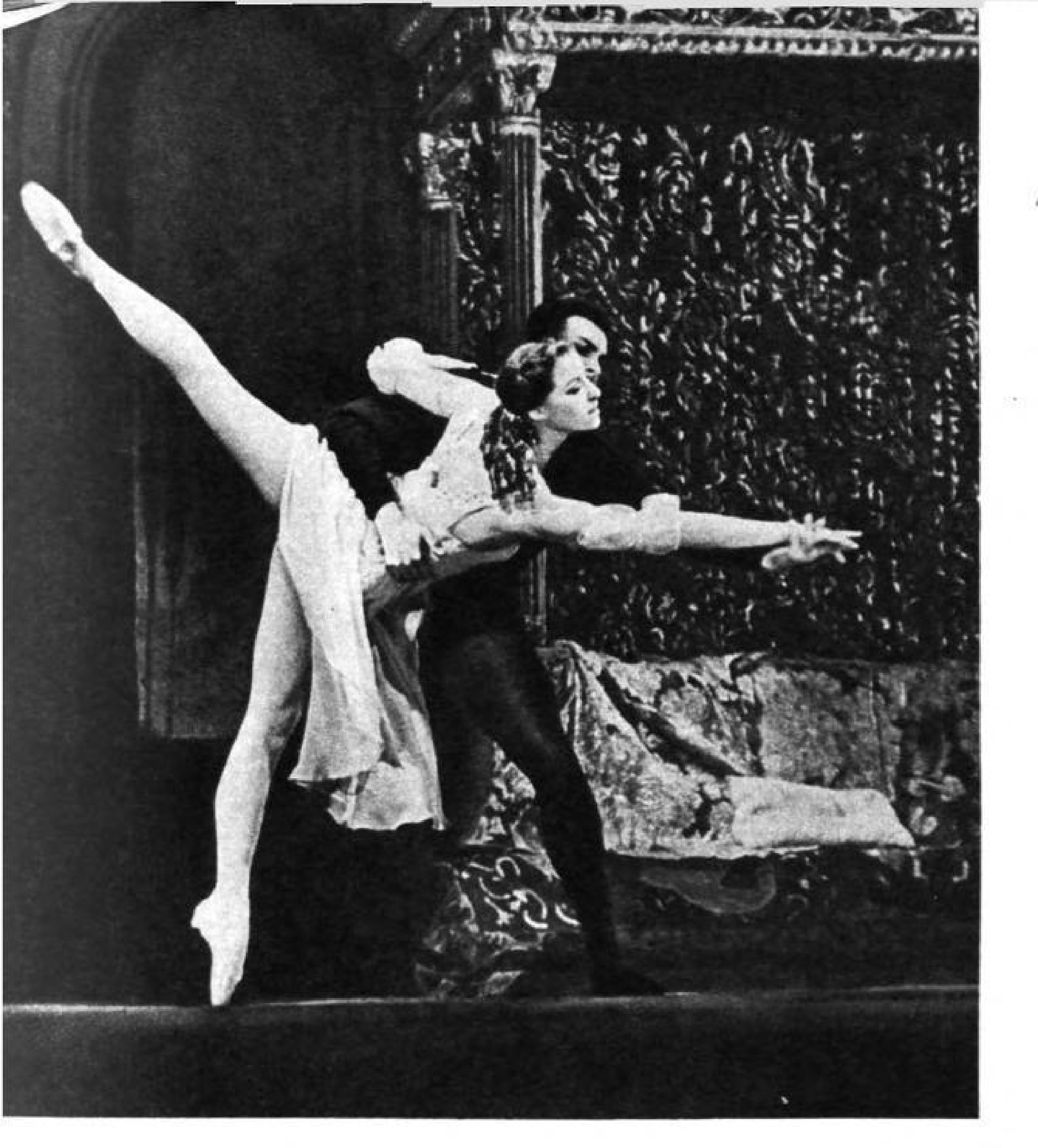
...Весна уже забралась в город и хозяйничает здесь вовсю. За несколько дней преобразила она знакомые улицы, бульвары. Впрочем, весне помогают люди. Можно подумать, что они соперничают с природой. Строители сдают новые дома. Что дома—новые кварталы! Только что посаженные деревья выпустили первые листики.

Интересно, сколько в этом году в Ереване появится новых улиц?.. Вот только жаль, названия старые меняют. Зачем?

Недавно Карапет Григорьевич Кафадарян — директор Исторического музея — рассказывал мне, что археологи нашли плиту с урартской клинописью, подтвердившую предположение, что город живет 2 750 лет.

Эту цифру воспринимаешь умозрительно. Город молодеет с каждым годом. Что ж, в этом есть своя закономерность: все истинное и в жизни и в искусстве подвержено закону вечной молодости...

Я часто думаю о своей работе. Меня не удовлетворяет то, что я делаю, не удовлетворяет то, что делают другие. Хочется добиться простоты, ясности. Чтобы смотревший на полотна чувствовал себя так, словно он вышел на свежий воздух после духоты. Я хочу постичь искусство, которое вызывает радостное чувство жизни, подымает человека, помогает

МОСКОВСК

Лауреат Ленинской премии Майя Плисецкая танцует Джульетту; Ромео — Н. Фадеечев.

Фото Е. Умнова.

Дружеские шаржи В. Черникова.

Ключ к сердцам слушателей всегда находит Мстислав Ростропович.

5 мая в 7 часов вечера в нашей стране родился новый международный фестиваль «Московские звезды» — музыка, песни, танцы, драматические и музыкальные постановки, цирковые представления. Главные действующие лица этого праздника — Большой театр Союза ССР, Ансамбль народного танца под руководством Моисеева, МХАТ, Малый театр, симфонический оркестр Московской филармонии, Театр имени Вахтангова и другие «созвездия».

Притяжение этой «галактики» заставило многих зарубежных гостей столицы проехать тысячи и тысячи километров, потому что хоть и много в мире фестивалей, но отнюдь не все они выливаются в настоящие праздники искусства, как это было в Москве. К сожалению, к некоторым фестивалям очень подходят строки из мемуаров Гектора Берлиоза: «Это слово (фестиваль.— **М. Д.**)... сделалось ходовым названием для самых нелепых представлений: теперь у нас имеются танцевальные и музыкальные фестивали,... в которых участвуют три скрипки, большой барабан и два корнет-а-пистона».

«Московские звезды» — радостный контраст. Здесь гостю фестиваля каждый день приходилось решать задачу со многими известными: выбирать между «Борисом Годуновым» в постановке Большого театра, мхатовским спектаклем «Три сестры» и симфонией Бриттена в исполнении Мстислава Ростроповича и Кирилла Кондрашина...

его восхождению по трудному жизненному пути...

Я знаю, что я не первый, далеко не первый в своих поисках и устремлениях.

Вспоминаю Египет, где побывал в 1911 году. В конце путешествия я поехал в Мемфис, чтобы увидеть знаменитого Рамзеса. Громадные обломки его фигуры валялись в песках под сине-зелеными ветвями пальм. Голова статуи, отбитая от фигуры громадных размеров, лежала в песке. Вокруг были возведены стены, на них можно было взобраться и созерцать сверху, со специально построенной площадки, низверженного гиганта. Голова Рамзеса лежала лицом вверх. Взор обращен в небо, в углах губ еле заметная улыбка. Тысячелетия сохранили для всего человечества эту гениально найденную египетскими мастерами благородную, утверждающую радость жизни улыбку. На русском пароходе, плывшем от берегов Африки, я смотрел на простор моря и вспоминал озаренное лицо египтянина.

А знаменитые армянские храмы, многие из которых были сооружены в средние века, в тяжелые и мрачные для народа годы!.. Их исполненная суровой простоты архитектура потрясла меня еще в первую встречу с Арменией. Аскетическая простота линий и изящество. Кто-то хорошо напомнил, что слово «изящный» — от слова «изъять»: изъять все лишнее. При виде купола храма, окруженного скалами, сердце сжималось от ощущения подлинной гармонии.

Эта гармония в проникновенной, возвышающей связи всех архитектурных линий со спокойной и неизменной красотой природы. Только любовью к земле, к земной жизни могло быть рождено такое вдохновенное мастерство.

Да, все великие художники, подлинно народные художники знали, что такое радость восхождения, но поднимались они над землей, чтобы лучше понять и оценить ее.

Я думаю, что искусство того времени, когда человек и человечество оторвутся от колыбели своей и помчатся навстречу новым мирам, будет согрето еще большей теплотой любви к земле. И эта любовь должна быть мудрой и радостной.

Иногда приходят ко мне в мастерскую молодые художники и с нетерпением и жаром начинают рассуждать о новых течениях в искусстве. Что ж, молодость всегда нетерпелива! И это хорошо. Но то, что некоторые принимают за новое, очень часто оказывается подновленным старым.

Иной художник думает, что все созданное им беспрецедентно, неповторимо. Но это только ему так кажется. Если он утратил чувство земли, чувство утренних зорь, если его не радует солнце, что может сказать он людям и можно ли называть его творения искусством?..

* * *

Ничто не может принести так много вреда, как дилетантизм! И когда я слышу среди молодежи разговоры о том, что школа портит художников, я не соглашаюсь. Она дает совершенно необходимый толчок художнику. Суметь овладеть техникой, чтобы передать сложный комплекс того, что видишь и чувствуешь,— это дело нелегкое, но обязательное на пути к мастерству. Свет, цвет, материал, форма, взаимоотношение находящихся рядом предметов — все это художником должно быть передано легко. Правда, легкость эта трудна, но она отличала крупных мастеров всех времен.

Уметь надо научиться.

Я помню, для нас в училище одной из самых сложных задач было овладеть работой кистью. Писать кистью — это значит одновременно и писать и рисовать.

Мы переживали пору увлечения различными мастерами. Сегодня поклонялись одному, и нашему восторгу не было конца, а назавтра, разочарованные, холодно расставшись со вчерашним кумиром, переходили к другому.

Мы вступали в жизнь, перед нами открывался тяжелый и трудный путь исканий и утверждений. Но на этом пути мы не чувствовали себя дилетантами. Многим обязаны мы своим учителям Валентину Александровичу Серову и Константину Алексеевичу Коровину.

Серов аккуратно посещал портретную мастерскую и молча следил за тем, как работали ученики. Вмешивался он только в исключительных случаях: меткими и остроумными замечаниями давал почувствовать ученику его ошибки. В этом скупом на слова человеке жил страстно увлекающийся мастер.

Коровин очень любил давать практические советы и вообще любил говорить, а о живописи, которую прекрасно знал и чувствовал, говорил с большим воодушевлением.

Мои картины, начиная приблизительно с 1904 года, носили несколько фантастический характер. То, что я изображал, было как бы сочетанием реального и фантазии: реального, поскольку я делал все это под впечатлением виденного, фантазии — потому что я синтезировал, менял, усиливал цветовую гамму, чтобы ярче выразить свои чувства, свой восторг от солнца, природы, окружающего мира.

Валентин Александрович всегда приходил на выставки «Золотого руна», где я выставлялся. Приходил до открытия, один, и внимательно все просматривал.

Каждый раз после осмотра он просил меня задержать распродажу отобранных им вещей, чтобы другие члены комиссии могли с ними ознакомиться и приобрести для Третьяковской галереи. Приходили остальные члены комиссии, но, по-видимому, его предложения не поддерживали. Это повторялось на каждой выставке вплоть до 1910 года. Меня очень трогало такое внимание Серова. Я любил его как замечательного, стойкого человека, крупного художника и одного из лучших моих педагогов.

С Коровиным мне пришлось впоследствии встретиться в Париже. В 1927 году я был командирован туда Советским правительством.

Я постоянно навещал моего дорогого учителя. Он постарел, поседел, но по-прежнему был красавцем, русским богатырем. Глаза горели и искрились, как у юноши. Он мечтал вернуться в Россию, но, увы, этому не суждено было осуществиться. Он умер, унося с собой мечту.

Е ЗВЕЗДЫ

В Концертном зале имени Чайковского выступает Ансамбль народного танца под руководством И. Моисеева.

Игорь Владимирович Ильинский — рыцарь отнюдь не печального образа.

Все эти события иногда заставляли по-новому взглянуть даже на классическое произведение. Профессор Филипс Фонер из США рассказывает, что творчество Мусоргского знают хорошо в его стране. Партию Бориса Годунова он слышал в исполнении многих певцов. «Однако только в Москве я понял, что всем им не хватало незаменимого русского колорита. В Большом театре мне удалось познакомиться в подлиннике с этой выдающейся музыкальной драмой. По-моему, Иван Петров сейчас лучший исполнитель Бориса. Мне как историку спектакль помог понять одну из самых сложных страниц прошлого России».

На Мариам Хэмпсон, президента Нового театра в Сиднее (Австралия), огромное впечатление произвела «Иркутская история» Арбузова у вахтанговцев, а доктор Паул Кинцер из Вены в восторге от «Лебединого озера» в Кремлевском Дворце съездов: «Спектакль превзошел все ожидания. О солистах, кордебалете, оркестре, исполнявшем великую музыку Чайковского, хочется говорить в самых лестных выражениях».

Любителей классического танца привлек также концерт Хореографического училища. Каждому приятно угадать будущую знаменитость.

В эти дни с фестивальных касс не снималась табличка «Все билеты проданы». Даже огромный Дворец съездов не мог вместить всех желающих.

Мих. ДАВЫДОВ

На московском небосклоне хорошо себя чувствуют звезды Омского хора.

* * *

Сегодня выезжаю на этюды. Утро. Пасмурно. Наши еще спят. Я вышел на свежий воздух, здесь так хорошо дышится. Начало проясняться: тучи отошли к северо-востоку, на западе показалось нежное голубое небо. И вдруг полил обильный, крупными каплями дождь. Продолжался он около минуты и так же внезапно кончился.

Но все предвещало неспокойный день. Я все же начал собираться. Народ подобрался неплохой — молодые художники,— и мы поехали туда, куда мне всегда хотелось попасть: на высоту перед Аштараком. Оттуда открывается чудесный вид на Аралер, каньон Касаха, Аштарак и на чудесный Арагац. Доехали хорошо. Я выбрал место и начал работать.

А в небесах было неспокойно. Вначале нависали тучи над Аралером, а затем и над Арагацем. Несмотря на неприятный ветер с северо-востока и накрапывающий дождик, я продолжал работать. Но писать становилось трудно, вокруг все менялось невероятно быстро. Мы вынуждены были свернуть наши работы. Но назло дождю я предложил моим попутчикам позавтракать на лоне природы. Надо сказать, что аппетит у нас разыгрался и все, что мы захватили с собой, казалось невероятно вкусным. Теплые капли дождя падали на руки, на лицо, но, попадая на сухую, затвердевшую, сероватую землю, они быстро впитывались в нее, оставаясь только на листочках мелкими капельками росы. Самым эффектным было небо, покрытое слоистыми, темными облаками, от которых вниз шли дождевые полосы.

На юге светилась часть вершины Арарата. Светлые, прозрачные облака, двигаясь и кружась над долиной, постоянно меняли облик пейзажа.

Природа для пейзажиста — это все. Только здесь, у живых источников, можно почувствовать всю волшебную силу солнечного света, вообще света, цвета, формы и материальности того, что видишь.

Непосредственная работа с натуры—пожалуй, самое большое удовольствие. Она усиливает творческую силу художника и помогает его действительно реалистическому творчеству.

Надо спешить, время летит быстро, формы остаются, но светотени меняют их характер, осложняя и необыкновенно затрудняя работу.

...Что я могу про себя сказать: я научился писать с натуры. Дело это трудное —в каких только условиях не происходит работа: палящее солнце, ветер, пыль, дождь... С большим напряжением сил я вырывал свои работы у природы.

* * *

Мартирос Сергеевич не делает тайны из самого процесса творчества. Иногда он разрешает присутствовать в мастерской в то время, как работает. И если замечает, что приглашенные сидят где-нибудь в углу, затаив дыхание и словно набрав в рот воды, подзывает:

— Что же вы молчите?

А иногда ему просто нужно, чтобы в мастерской завязался живой разговор. Это когда на лице портретируемого появляется выражение усталости или скуки. Ведь в разговоре человек становится самим собой, перестает позировать. А Сарьян не любит, когда ему нарочито позируют.

Скоро, торопливо, как будто небрежно и случайно ложатся на полотно мазки... В кресле, спинка которого покрыта пестрым платком,— Рубен Зарян, интереснейший человек, директор Института искусств Армении. Выразительное сухое лицо, глубоко запавшие сверкающие глаза.

Сходство найдено уже на первом сеансе, но на втором оно исчезает.

— Вы замечаете: мне мешают какие-то родственники Заряна, какие-то очень похожие на него люди, наверное, деды, прадеды. Как будто я их вызвал к жизни и они появляются на полотне...

Вы думаете, когда пишешь портрет, самое главное — сходство? Нет, это — самое легкое. Самое трудное — искусство.

Художник не должен бояться того, что у него волосы становятся седыми, страшна старость его искусства.

*

Что такое портрет? Как происходит процесс изображения человека и почему настоящий портрет начинает жить в веках независимо от портретируемого? Если художник-мастер вложил в него душу, работа приобретает исключительный интерес для человечества...

Какие задачи я ставил, работая над портретом?

Во-первых, поиски художественной формы как средства передачи характера и содержания. Во-вторых, углубленное понимание человека живого, творящего.

Я никогда не даю портретируемому позу искусственную, непривычную для него. Начинаю с ним говорить и постепенно подхожу к тому, что больше всего его в жизни интересует и волнует. В это время он сам невольно принимает свою привычную позу. Во время работы над портретом надо вовремя остановить свои искания, а то они могут стать бесконечными. Некоторые портреты я писал за один-два сеанса. ...Важно сохранить свежесть восприятия образа, и писать надо легко, просто.

В поисках же выразительных средств первостепенное значение имеет цвет. Если художник не чувствует его, от произведений будет всегда веять скукой. Чистоту, прозрачность и глубину цвета можно подметить только в прекрасном — в цветах, в оперении птиц или в изумительных плодах. Правда, цвет в природе приобретает иной характер, иную плотность. Художник должен любить свои краски. Он должен чувствовать силу каждой краски и смешивать их с большой осторожностью, по мере возможности избегая смешения цветов.

Художник на свою палитру должен смотреть как на цветник и срывать цветы бережно, осторожно, но, главное, любовно.

* * *

Жизнь — могучая сила счастья для тех, кто умеет видеть и чувствовать, она пуста и ничтожна для равнодушных.

Как я счастлив, что родился! Как я благодарен тебе, о великая моя мать — природа! Как радостно жить на свете, радостно работать, созидать!

О народ мой, о Родина моя!

Будь счастлив, человек, все в тебе!

Мы — новороссийцы.

командиром соединения сторожевых катеров капитан-лейтенантом Николаем Ивановичем Сипягиным и его товарищами. Не один раз коротали мы вечера в Геленджике. Сипягину всегда хватало работы. На своих катерах много раз он ходил под покровом южной ночи на Малую землю. В это время уже не было в живых Героя Советского Союза Цезаря Львовича Куникова — командира десанта на Малую землю. Журналист, сменивший перо на огнестрельное оружие, он погиб на Малой земле. Сипягин немногословно рассказывал нам о том, как была осуществлена высадка десанта, закрепившегося на Мысхако прочно до того часа, когда был назначен день решающего штурма Новороссийска. И вот этот день настал.

Огибая мыс Дооб, возвращались катера. Кто плыл саженками — это были моряки с разбитого прямым попаданием катера. На старой разбитой автомашине мы помчались в Геленджик. Один за другим подходили десантные суденышки, как их здесь называли — тюлькин флот. На берег выпрыгивали моряки. Здоровые помогали сойти раненым. Наконец показался катер Сипягина. Мы подхватили командира под руки.

— Новороссийск наш! — сказал он устало, черный, задымленный.— Потеряли много хороших парней...— И пошел к дому.

Мы ждали от него рассказа. Но он молчал и жадными глотками пил воду...

А через несколько часов мы шли по дымя-

А. СОФРОНОВ

Фото Н. Козловского.

НОВОРОССИЙСКИЕ

Передо мной фотография: четверо новороссийских ребятишек. Почти все они в этом возрасте курносы и улыбчивы. И все веселые, как могут быть веселы дети, которые еще не познали забот и большой ответственности. Вот они передо мной — три девочки и мальчик в школьной фуражке. Они живут в новом городе, городе, построенном заново на пепле и развалинах, городе, который был в течение года южным флангом протянувшегося на тысячи километров фронта. Они живут в городе, история которого уже известна многим, городе, стяжавшем славу подвигами героев. Новороссийск удивлял нас в годы войны, удивляет и сейчас какой-то особенно трудовой атмосферой, спокойными дымами морских транспортов, ошвартованных в гавани. Корабли под флагами сорока стран бросают якоря в Цемесской бухте, как бы символизируя этими флагами тот новый день, за который была пролита кровь в полукружье суровых кавказских гор, когда здесь шла жестокая битва на Черноморском побережье. Пусть смеются ребятишки; пусть бегают с портфельчиками после школьных звонков. Теперь это можно... Но пусть каждый из них знает, что было в их родном городе много лет назад.

...Сентябрь 1943 года. Новороссийск истерзан. Разбит. Линия фронта разрезала пополам цементный завод «Октябрь». 24 часа в сутки идут бои. Орест Александрович Сычеников, нынешний начальник Управления нефтеналивного флота, а в недавнем прошлом секретарь горкома партии, лежит с автоматом в руках в укрытии на территории цементного завода. Он уже был ранен здесь. И снова вернулся в строй. Сейчас Сычеников говорит об этом вскользь — слишком далекое воспоминание.

Сейчас у города на повестке много насущных вопросов: надо строить дома, магазины, планировать город, сажать сады и скверы, пускать новые печи на цементных заводах. Война ушла. Но ее не забыли. Она напоминает о себе памятниками на площадях города. А иногда и горькими минутами, как было однажды, когда вдруг, тупо покачиваясь на волнах, всплыла лежавшая на дне морском мина и ее тело, издалека похожее на задремавшего дельфина, медленно потянулось к берегу...

Всю ночь сентябрьского штурма Новороссийска мы наблюдали за битвой в Цемесской бухте. Озаренная взрывами, огнем прожекторов и грозных «катюш», она, казалось, кипела. При первых бликах рассвета можно было увидеть маленькие суденышки — сторожевые и десантные катера, с которых в Новороссийский порт под смертельным огнем были высажены солдаты и моряки. На рассвете катера уходили обратно к стоянкам в Геленджик. В бухте поднимались фонтаны воды от немецких снарядов. В ту осень мы крепко подружились с щемуся Новороссийску, минуя один за другим цементные заводы. Помнится, вместе с кинооператорами приветствовали бойцов, водрузивших красный флаг на чудом сохранившихся воротах цементного завода «Пролетарий»...

Все это вынесла на поверхность память в весенние дни 1964 года, когда мы стояли на площади Героев у монументов Николая Сипягина и Цезаря Куникова. Уже будучи Героем Советского Союза, Сипягин погиб в Керченском проливе, возвращаясь после успешной высадки десанта.

В Новороссийском музее лежит клавир оперы Римского-Корсакова «Золотой петушок», на котором видна сделанная в день освобождения Новороссийска надпись: «Играть можно — не заминирован. Сержант Бояркин». Сержант Бояркин разминировал рояль в одном из зданий, где нашли временное пристанище оккупанты. Надпись эта словно обращена ко всем будущим поколениям новороссийцев, растущих на свежем черноморском ветру.

Звучит у Вечного огня славы на площади Героев реквием — Новороссийские куранты,— написанный Дмитрием Шостаковичем.

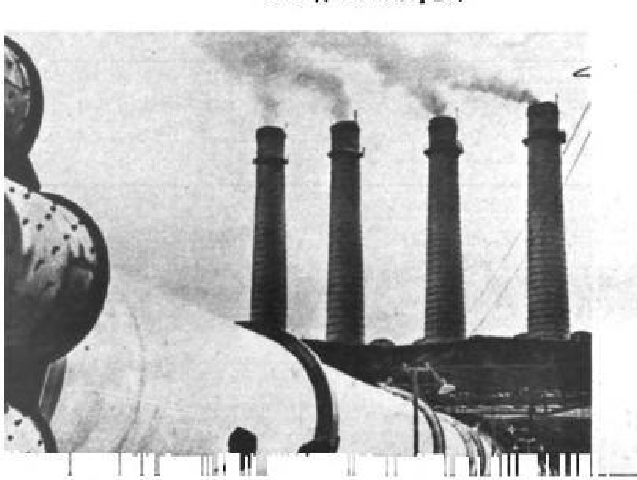
Вместе с секретарем крайкома КПСС А. И. Качановым, вместе с новороссийцами мы стоим у монументов на площади Героев.

Можно играть и строить, радоваться жизни и работать. И это видно всюду.

Новороссийск — могучий порт.

Дымят заводы, дающие нашей стране и от-

Завод «Октябрь».

Корабли приходят и уходят.

правляющие в другие страны самый лучший цемент.

Перед воротами «Октября» на невысоком постаменте водружен железный остов грузового вагона. Вагон выстоял на огненном рубеже все время новороссийской эпопеи, остался безмолвным свидетелем героизма советских людей.

А за воротами завода странная на первый взгляд тишина и чистота. Кажется, цемент — это тучи пыли. Но нет, здесь ходят стройные, в рабочих брючках, девушки с цветами. И только видно, как глухо ворочаются длинные печи, упирающиеся своим основанием в четыре — под ранжир — трубы.

Нас встречает Борис Дмитриевич Косенко, директор завода, всю жизнь посвятивший цементу. Мы ожидаем, что он поведет нас в контору завода... Но нет, здесь же, у проходной, он приглашает нас в маленькую комнатку, где и происходит беседа, во время которой он поэтично и вместе профессионально рассказывает о том, как рождается цемент.

— Для нашего цемента природа приготовила уникальное сырье,— говорит он, ведя указкой по схеме технологического процесса получения цемента.— Сырье — мергель, как мы его называем. Горы, окружающие нас, источник этого сырья,— бывшее морское дно. Сырье это — панцири микроорганизмов, живших в море. Нам нет нужды сырье размалывать слишком тонко. Все за нас в большой мере смолола природа...

Памятник Неизвестному матросу.

КУРАНТЫ

— Останавливаете ли вы печи? — спрашиваем мы у Бориса Дмитриевича.

— Только в случае крайней необходимости. Огнеупоры не любят охлаждения, — говорит Косенко.

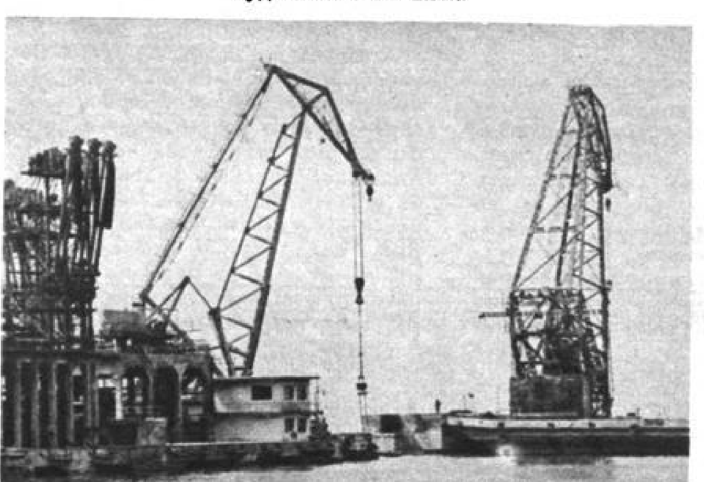
Последняя фраза, видимо, чисто техническая, и для Косенко она не имеет другого, более широкого смысла. Но для нас она звучит по-особому. Здесь, в Новороссийске, она звучит действительно по-особому. Кажется, что и люди здесь огнеупорны. Чуть больше двадцати лет прошло с того дня, как был освобожден Новороссийск — этот город-герой, остановивший фашистские орды на юге нашей страны. А город стал новым, красивым, светлым, просторным. Рядом с ним трудятся виноградари, уходят в море рыбаки. В порту молодые механизаторы разгружают миллионы тонн товаров, цементники создали могучую промышленность, так необходимую стране, строящей коммунизм. Город трудится, и люди его не знают охлаждения. Пусть играют дети, пусть звучат новороссийские куранты, и пусть люди знают и помнят о ратных и трудовых подвигах города, познавшего и смерть, и кровь, и радость победы.

Можно только пожелать городу дальнейшего расцвета да разве еще хорошей художественной панорамы, показывающей освобождение Новороссийска. Пусть память о прошлом помогает строить будущее!

Борис Дмитриевич Косенко.

Будет новая гавань...

Принесшие свободу.

Кинотеатр «Украина»

Николай Кузнецов — «Пауль Зиберт».

В поисках ставки Гитл

Александр ЛУКИН

На восьмом километре к северу от Винницы вдоль шоссе Винница — Киев на берегу Южного Буга расположилось село Коло-Михайловка. На картах этого района любознательный турист найдет название и других окрестных сел: Стрижавка, Якушинцы, Калиновка, Павловка, Корделевка, Черепашинцы, Полевая Лысевка. Обычные украинские колхозные села.

Необычное путешественник заметит, если углубится в коло-михайловский лес. Сначала ему попадутся растрескавшиеся остатки асфальтированных дорог, по которым уже давным-давно никто не ездил. Потом он натолкнется на огромные глыбы железобетона, разбитые и искореженные, разрушенные и обвалившиеся бункеры и подземные переходы, уже поросшие молодым лесом. На всем печать запустения, заброшенности, какой-то смутной тревоги. И хочется уйти поскорее от этого угрюмого места, словно оно проклято.

...Стоял хмурый и студеный декабрь 1942 года. Резкий, порывистый ветер гнал поземкой по полям и перелескам сухой, колючий снег, наметая небольшие зыбкие сугробики лишь у подножия деревьев и придорожных столбов. Низко нависло белесое студеное небо.

В такой-то безрадостный день из леса неподалеку от большого села Рудни Бобровской выехали сразу после полудня пять фурманок. Подпрыгивая и громыхая по ухабам, они направились кружным путем в сторону шоссе Львов — Киев. На передней фурманке, зябко кутаясь в длинную офицерскую шинель, восседал немецкий обер-лейтенант.

Спутники офицера явно принадлежали к той категории людей, оставшихся на оккупированных территориях, которые пошли в услужение к гитлеровцам. Это были полицаи. Их насчитывалось человек двадцать.

В общем, обычная для тех мест в те времена картина: команда полицаев во главе с немцем-офицером отправляется в какое-нибудь село для наведения «порядка» или заготовки продовольствия. Случайные встречные при виде зловещей колонны сворачивали поспешно в сторону — подальше от беды.

Часам к пяти фурманки выехали на шоссе и свернули влево, в сторону Корца. Время от времени, шурша скатами по заснеженному асфальту, мимо колонны в обе стороны пролетали грузовики, иногда попадались и легковушки.

Прошло еще полчаса, и вдруг где-то вдалеке по-комариному высоко и надсадно запел мотор, запрыгали, приближаясь с каждой секундой, желтые огни подфарников еще невидимого автомобиля. Встрепенулся невозмутимый до сей поры обер-лейтенант. Опустил поднятый воротник шинели, поправил автомат на груди. Каждому известно: желтые фары положены только автомобилям большого начальства.

Машина вылетела из-за поворота, не снижая скорости... И тут произошло неожиданное. Хлопнул пистолетный выстрел, а в следующую секунду один из полицаев выхватил из висевшей на боку торбы тяжелую противотанковую гранату и заученным, точным взмахом руки неторопливо, как на ученье, швырнул ее под заднее колесо автомобиля. Словно ткнувшись в стену, тяжелый «оппель» стал как вкопанный. Взрыв взметнул вверх задний мост автомобиля с бешено вращающимися в воздухе колесами. «Оппель» замер на хрустнувшем, как пустой орех, радиаторе. Потом грузно перевернулся и, сминая кабину, рухнул в кювет. Тускло блеснули полированные бока, и тут же их разорвали косые строчки автоматных очередей.

Первым с парабеллумом в руке к дымящейся груде исковерканного металла подбежал обер-лейтенант. Одного взгляда в кабину бывшего «оппеля» было достаточно, чтобы понять: здесь живых нет. Повернувшись к подоспевшим полицаям, офицер приказал:

— Забрать все бумаги, документы, оружие!

Команда была отдана на чистом русском языке.

Лишь только партизаны выполнили распоряжение своего командира, как из-за поворота вырвалась никем не замеченная еще одна автомашина. Ее пассажиры, видимо, успели понять, что на шоссе — засада, потому что автомобиль — длинный, многоместный, полубронированный — гнал на полной скорости вперед, не сбрасывая газ. Гулко забарабанили по броне бессильные автоматные и винтовочные пули. И полуброневик ушел бы... ушел бы, если бы не кинулся к фурманке невысокий коренастый партизан. За какую-то секунду он успел сменить диск своего ручного пулемета и выпустил вдогонку машине длинную очередь. Тыркаясь и вихляя из стороны в сторону, как пьяный на ночной улице, автомобиль прокатился еще метров сто и, въехав одним боком в кювет, замер: запасной диск «Дегтярева» был снаряжен бронебойными патронами.

Со стороны машины хлопнули два растерянных выстрела, и наступила тишина. Подбежавшие партизаны обнаружили во второй машине убитого наповал шофера и еще несколько трупов. Два офицера, прикрытые, кроме стенки, еще и бронеспинкой, хотя и потеряли сознание, ткнувшись при внезапной остановке головами во что-то твердое, все же остались живыми. Один из них — с подполковничьими погонами — продолжал судорожно сжимать в руках большой желтый портфель. Этот портфель и интересовал в первую очередь партизана в форме немецкого обер-лейтенанта.

Последовала новая команда:

— Пленных грузить на фурманки! Все вещи и оружие забрать и уходить!

И тут снова запел вдали автомобильный мотор! Но пассажиров третьей по счету машины, видимо, судьба на сей раз хранила. Машина успела развернуться и уйти назад, в сторону Киева.

Снова наступила тишина. Обоих пленных офицеров (второй оказался майором), так и не пришедших в себя, уложили на переднюю фурманку, аккуратно прикрыли сеном, чтобы не замерзли от двадцатиградусной стужи. Через две минуты на шоссе было пусто. Только усилившийся снегопад заносил уходящие в темь лесной чащи следы партизанских фурманок...

А теперь я должен вернуться на несколько недель назад от описанных событий. В штаб специального партизанского разведывательного отряда под командованием Д. Н. Медведева пришла радиограмма из Москвы. Командование ставило нас в известность, что, по некоторым, пока еще не проверенным данным, где-то на Украине сейчас находится ставка Адольфа Гитлера. Нам предписывалось установить точно местонахождение ставки.

У нас, чекистов, руководителей отряда, даже перехватило дух: это было задание! Найти ставку Гитлера!

Украина велика. В каком из ее уголков укрылся от людского взора, закопался в землю злейший враг советского народа, главарь немецкого фашизма?

Ставка вряд ли находилась вблизи границы: тогда бы ее просто не было смысла переводить из Германии. Трудно было бы предположить, что Гитлер решится поселиться в опасном соседстве с фронтом. Крайне сомнительно было бы и рассчитывать, что ставка обнаружится в одном из районов, охваченных особо активной партизанской войной. Так по разным соображениям отпадал то один, то другой город.

В конце концов круг наших поисков было решено — пока, на первых порах — ограничить четырьмя географическими точками: Ровно, Луцк, Киев и Винница. Разумеется, мы не были столь наивны, чтобы полагать, что ставка Гитлера расположена в особняке на центральной улице одного из этих четырех городов. Ставку следовало искать в их окрестностях. Безусловно, она должна была быть тщательно замаскирована и охраняться всеми имеющимися в фашистской империи средствами.

Довольно скоро из четверки было вычеркнуто Ровно. Наши разведчики к этому времени уже хорошо изучили «столицу» оккупированной Украины, раскрыли в ней не одну тайну фашистов, но ни в самом Ровно, ни в округе не обнаружили ничего похожего на ставку.

Вслед за Ровно отпал и Луцк. Обследовать этот город было сложнее, но мы все же это сделали довольно быстро и, разумеется, с совершенной достоверностью. Затем отпал и Киев.

Оставалась Винница. Это уже было по-настоящему трудно. Прежде всего нас отделяли от Винницы 450 километров оккупированной территории. Засылка в такую даль, где у нас в то время пока еще не имелось ни базы, ни своих разведчиков, была связана с большим риском и требовала немалого времени.

Как определить границу, на которой интуиция разведчика переходит в смутную догадку, догадка в серьезное предположение, а

Автор этого очерка А. А. Лукин — бывший заместитель командира партизанского отряда Д. Н. Медведева по разведке.

ера

предположение в уверенность? Во всяком случае, я затрудняюсь сказать точно, на каком из этих этапов мне попался в руки номер издаваемой в Ровно на украинском языке газеты «Волынь». Строго говоря, газета нам попала в руки далеко не случайно. Этот грязный антисоветский листок, редактировавшийся известным националистом предателем украинского народа Уласом Самчуком, в штабе нашего отряда читали даже внимательнее, чем в гестапо, на чьи деньги он издавался.

Тщательное изучение вражеских газет может многое дать разведчику. Самое невинное на первый взгляд сообщение может принести больше ценной информации, чем даже захваченный «язык». Пресловутая «Волынь» оказала нам уже не одну услугу. Не подвела старая знакомая и на сей раз: на видном месте на первой полосе газета напечатала льстивое сообщение, что на днях в Виннице состоялся концерт артистов Берлинской королевской оперы, который почтил своим присутствием сам рейхсмаршал Герман Геринг, второе лицо в фашистской Германии после Гитлера.

Дмитрию Николаевичу Медведеву заметка тоже показалась прелюбопытной. Действительно, что забыл в скромной маленькой Виннице рейхсмаршал Геринг? Но делать какие-то далеко идущие выводы было пока что преждевременно. Геринг мог оказаться в Виннице и совершенно случайно, проездом.

Прошло еще некоторое время, и в руки к нам попала другая газета, уже немецкая, «Дойче украинише цайтунг», выходившая в Луцке. И снова в разделе хроники сообщение из Винницы! На сей раз на представлении оперы Вагнера «Тангейзер» в ложе театра находился один из высших гитлеровских военачальников, фельдмаршал Кейтель.

Неужели снова совпадение? Возможно, что нет. Но может быть, и да. Возможна и такая случайность, что Геринг и Кейтель с перерывом в несколько недель проезжали Винницу и заходили в театр. Факты многозначительные, но для разведчика еще не убедительные. Бывают совпадения совершенно невероятные, какие и нарочно не придумаешь. Копнешь их и обнаружишь: просто случайность, за которой не кроется решительно ничего стоящего. Но, разумеется, следили мы теперь за Винницей в оба.

Мы вспомнили, как еще летом бежавшие из фашистского плена красноармейцы рассказывали, что где-то под Винницей немцы вели большое строительство. Что там строили, никому не было известно, даже охране. Знали твердо только одно: из многих тысяч советских военнопленных, отправленных под Винницу, обратно в лагерь не вернулся ни один. Ходили жуткие слухи, что их всех расстреляли.

Вот теперь уже получалась серьезная цепочка подозрений. Строить какое-либо секретное оборонительное сооружение под Винницей немцам было тогда просто ни к чему. И, конечно, всем было ясно, что ставка Гитлера должна быть не заурядным блиндажом, а мощным сооружением. Мы понимали и то, что для сокрытия тайны гестапо безжалостно расстреляет всех до единого пленных советских людей, занятых на строительстве.

Наши подозрения перешли почти в твердую уверенность после очередного доклада вернувшегося из Ровно Николая Ивановича Кузнецова. Обер-лейтенант Пауль Зиберт, под личиной которого работал наш замечательный разведчик, уже давно охотился за близким другом Гитлера рейхскомиссаром Украины Эрихом Кохом, чья резиденция располагалась в Ровно. С этой целью Кузнецов завязал обширный круг знакомств среди сотрудников рейхскомиссариата Украины (РКУ). Один из них обмолвился как-то, что Кох на несколько дней срочно уехал в Винницу и Киев.

Что за странная тяга к Виннице, особенно со стороны Коха, не любившего выезжать даже в Киев?

Наконец, как нам стало известно, отложив все дела, укатил на несколько дней в Винницу и Житомир и знакомый Кузнецова сотрудник СД майор фон Ортель. Этот, как догадывался Кузнецов, матерый шпион перед своим отъездом в Винницу сказал что-то о «рейхсфюрере». Тем самым он проговорился о многом: петлицы с шитьем рейхсфюрера СС в гитлеровской Германии носил только один человек, самая зловещая фигура немецкого фашизма — Генрих Гиммлер. Но Гиммлер мог быть в Виннице лишь в одном случае: если там находился Гитлер.

Собственно говоря, цепь умозаключений уже была замкнута. О простых совпадениях теперь не могло быть и речи. Никто из нас, чекистов, больше не сомневался, что ставка фюрера в Виннице или поблизости от нее. Оставалось лишь определить ее точное местонахождение, выяснить, что она собою представляет, как охраняется, можно ли в нее проникнуть, и тому подобное.

Для решения этих задач окольные пути уже не годились. Нужно было зацепить человека, имеющего доступ в ставку, иными словами, взять «длинного языка», хорошо информированного фашиста, располагающего требуемой информацией. Но как?

Легче всего нужного человека можно было разыскать в Ровно. Но легкое в разведке далеко не всегда означает лучшее. Брать «языка» в Ровно не стоило по нескольким причинам. Во-первых, вывезти пленника из города было бы очень сложно, много сложнее, чем взять. Малейший промах ставил бы под удар наших лучших разведчиков, а только им можно было поручить столь ответственную операцию. Во-вторых, похищение крупного офицера сразу же привлекло бы особое внимание гестапо, неминуемо навело бы на мысль, что в городе действует не только партизанское подполье, но и специально заброшенные советские разведчики. Между тем многими успехами наш отряд был обязан именно тому обстоятельству, что путал все карты гестаповцам, маскируя разведывательную деятельность лихими партизанскими налетами и диверсиями.

«Языка» следовало взять так, чтобы у немцев не возникло и тени подозрения, кому и для чего он потребовался.

Задачу эту обдумывали долго и тщательно. К решению ее пришли коллективно. Так возникла вначале смутная, а потом выкристаллизовавшаяся до мельчайших деталей идея подвижной засады, или, как ее предпочитал образно называть Николай Иванович Кузнецов, «охоты на индюков».

Группа партизан, переодетых полицаями, должна была ехать на нескольких фурманках по оживленному участку шоссе Киев — Львов, изображая собой заготовителей продовольствия в близрасположенных селах. Командовать колонной, разумеется, должен был немецкий офицер. Эта роль возлагалась на Николая Кузнецова. Подвижная засада должна была высмотреть на шоссе штабной автомобиль, подорвать его и захватить пассажиров и документы. Налет обставлялся так, чтобы убедить последующих исследователей вопроса из гестапо, что это — дело рук одного из местных партизанских отрядов, совершившего обычное нападение на оккупантов.

Обстоятельства, однако, сложились так, что на помощь строгому расчету, не исключавшему, впрочем, и элемента случайности, пришла вовремя добытая информация.

В начале декабря Кузнецов с очередным визитом побывал в Ровно. Имел там несколько встреч с различными лицами из числа сотрудников фашистской администрации. Надо сказать, что Пауль Зиберт (об этом мы особо заботились) всегда располагал большим количеством денег, и не только оккупационных, но и рейхсмарок, на которые в специальных магазинах только для немцев можно было купить что угодно, любые деликатесы, вплоть до коллекционных французских коньяков. Это обстоятельство в значительной степени обусловило успех оберлейтенанта Зиберта в среде фашистских офицеров, где он всегда был желанным компаньоном. Происхождение подобного богатства, вовсе не обычного для простого обер-лейтенанта, отлично объяснялось вымышленным служебным положением Кузнецова. Официально он числился «чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования», в задачу которого входило использование ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта. Ведомство Зиберта по-немецки называлось «Виршафтскомандо» (сокращенно «Wi-Kdo») и открывало своим сотрудникам неслыханные для обычных армейских офицеров источники дохода.

Именно поэтому набиваться в приятели к Зиберту не считали зазорным не только обер-лейтенанты, но и майоры и даже полковники. Как говорится, чины чинами, а деньги деньгами.

В числе подобных приятелей Кузнецова, рассчитывавших заработать при его содействии, был один довольно крупный сотрудник рейхскомиссариата по имени Генрих.

С ним-то и разговорился Николай Иванович однажды в офицерском казино после довольно крупной игры.

— Вы деловой человек,— с подчеркнутым уважением говорил Зиберту этот офицер,— но все-таки не используете всех возможностей, которыми могли бы при желании располагать.

— А что вы имеете в виду? — чуть небрежно поинтересовался Кузнецов, стряхивая пепел с длинной египетской сигареты.

— Прежде всего связи ваших друзей,— многозначительно произнес Генрих.— Я понимаю, конечно, что это ваше «Викдо» предоставляет вам достаточную самостоятельность, чтобы чувствовать себя в коммерческом отношении независимым. Но и мы в рейхскомиссариате кое-что можем. Мы могли бы с вами неплохо сотрудничать, Зиберт...

Намек был более чем прозрачен. Но, как делец, Николай Иванович не спешил с принятием предложения. Марка фирмы прежде всего! Выждав, сколько требовали приличия, он осторожно спросил:

— Вы сказали «мы»?

— Я имел в виду, кроме себя, своего друга, весьма важное лицо.

Разговор явно начинал интересовать Кузнецова.

— В таком случае,— удовлетворенно продолжал его собеседник,— вы понимаете, сколь плодотворным и ценным может быть наше деловое содружество.

Кузнецов широко улыбнулся и наполнил рюмки.

— Что ж, польщен вашим предложением и охотно принимаю его. Прозит!

Нежно зазвенел хрусталь...

С аппетитом закусывая лососиной, сотрудник рейхскомиссариата обрадованно развивал перед обер-лейтенантом Зибертом самые радужные планы быстрого и легкого обогащения.

— Вы не пожалеете о сегодняш-

«Обер-лейтенант Пауль Зиберт» (справа).

нем вечере, вот только мой друг приедет.

— А разве его нет здесь сейчас? — невинно удивился Кузнецов.

— Из Берлина он выехал в Киев на срочное совещание, ждем его на днях в Ровно. Я вас сразу же и познакомлю.

— Прямо на вокзале? — рассмеялся Кузнецов.

— Зачем на вокзале? Он приедет на машине, а встретиться можно часов в десять вечера у меня.

Лучшей добычи не сыщешь! Распрощавшись, Кузнецов поспешил в отряд.

Подвижная засада была блестяще осуществлена. Немного помятые, но невредимые, оба «индюка» оказались в наших руках. Как все происходило, вы уже знаете. Добавлю только, что первый сигнальный выстрел из пистолета сделал наш славный разведчик Николай Гнидюк, а метким гранатометчиком, перевернувшим машину с сопровождением,— Петр Дорофеев. Полуброневик, в котором ехали сами «индюки»—майор граф Гаан и имперский советник связи подполковник фон Райс,— подбил пулеметной очередью партизан Жорж Струтинский. Кроме них, в дерзкой операции участвовали Михаил Шевчук, Николай Струтинский, Алексей Глинко, Николай Бондарчук, Иван Безукладников, Валентин Семенов, Виктор Семенов, Сергей Рощин, Николай Приходько и другие разведчики.

Несколько часов, петляя и кружа по лесу, партизаны добирались до хутора Вацлава Жигадло. Приказав разместить пленных в разных комнатах дома и выставив вокруг хутора надежную охрану, Николай Кузнецов разрешил всем участникам подвижной засады отдыхать до утра. Наскоро перекусив, улегся спать и сам.

Утром он приступил к допросу. Николай Иванович решил представиться пленным в немецкой форме. Во-первых, чтобы привести их в состояние наибольшей растерянности, во-вторых, для того, чтобы лишний раз проверить, насколько удачно получается у него роль гитлеровского офицера.

Первым в горницу ввели графа Гаана. Кузнецов немедленно встал, вытянулся, как это положено по уставу в присутствии старшего по званию, и, звонко щелкнув каблуками, представился своему несостоявшемуся компаньону:

— Обер-лейтенант германской армии Пауль Зиберт.

Граф в изумлении, не веря собственным глазам, уставился на тщательно выбритого, подтянутого соотечественника.

— Что все это значит, где я нахожусь, и кто вы такой? — истерически закричал он.

— Вы в плену у советских партизан, господин майор,— разъяснил Николай Иванович.— А я, увы, такой же пленный, как и вы. Вынужден выполнять здесь функции переводчика.

— Вы предатель! Вы предали фюрера! — кричал Гаан.

Кузнецов пожал плечами.

— Будьте благоразумны, господин майор. Я пришел к выводу, что война проиграна и Гитлер ведет Германию к неминуемой гибели. Вы, как умный человек, должны это знать не хуже меня. Я решил служить русским и советую вам, как коллеге и соотечественнику, быть с ними откровенным.

Гаан продолжал неистовствовать. По распоряжению Кузнецова его увели. Наступила очередь имперского советника связи подполковника Райса. Этот здоровенный рыжеволосый мужчина тоже ни на секунду не усомнился, что имеет дело с настоящим немецким офицером, и осыпал Кузнецова упреками в государственной измене.

Допросы продолжались. Кузнецов был терпелив. Его воля и упорство оказались сильнее тупого отмалчивания пленных. День ото дня Гаан и Райс делались все разговорчивее и наконец стали давать ценные показания.

Среди толстой пачки секретных документов, оказавшихся в заветном желтом портфеле, внимание Кузнецова привлекла топографическая карта, на которой были нанесены все пути сообщения и средства связи фашистов на территории Польши, Украины и Германии. Эта карта представляла огромный интерес и ценность для советского командования. В ходе допросов Гаан и Райс постепенно дали к ней подробные объяснения. Упорно молчали лишь об одном: что означает красная линия, начинающаяся между селами Якушинцы и Стрижавка, близ Винницы, и оканчивающаяся в Берлине.

— Государственная тайна,— твердили упорно оба офицера.

В конце концов Райс нехотя сказал:

— Это секретный подземный бронированный многожильный кабель.

— Для чего его проложили? — спросил Кузнецов.

— Для прямой связи Берлина с Якушинцами.

— Когда?

— Летом этого года.

— Кто прокладывал?

— Русские пленные.

— Где они сейчас?

Райс отвел глаза...

— Отвечайте на вопрос! — Кузнецов резко повысил голос.

Давясь словами, Райс еле слышно пробормотал:

— Их ликвидировали... Был строгий секретный приказ... Это гестапо.

— Сколько их было?

— Около тридцати тысяч, может быть, меньше...

Кузнецов отвернулся к окну. Его душила ненависть. С трудом взяв себя в руки, он продолжал допрос.

— Значит, проложили специальный кабель, чтобы фюрер в Берлине мог в любой момент переговорить по прямому проводу с этой деревушкой... Как ее... Якушинцы?

— Наоборот,— хмуро буркнул Райс.— Чтобы фюрер из Якушинцев мог говорить с Берлином.

— Это значит...— размеренно начал Кузнецов.

Безнадежно, как человек, которому уже нечего терять, Райс закончил фразу:

— ...что в Якушинцах находится ставка фюрера.

— Расскажите о ней подробнее,— потребовал Кузнецов.

— Подробностей не знаю. Мое дело—только связь. Об остальном спрашивайте Гаана. Это ему известно лучше, чем мне.

За время пребывания в плену у партизан с графа слетела вся его спесь. Он рассказал обо всем, чего не знал Райс.

— Ставка расположена в двух километрах от села Коло-Михайловка, в роще, в двухстах метрах восточнее шоссе Винница — Киев. Севернее ставки большой стратегический аэродром для прикрытия. Но пролетать над ней строго запрещено даже нашим самолетам.

— Что она собою представляет?

— Последнее слово инженерно-фортификационной техники. Условное кодированное название — объект «Верв ольф» («Оборотень»). Раньше назывался «Дубовый дом». Все сооружения делала организация «Тодт», фирмы «Ферейнигт арматурен · гезельшафт», «МВН», «Мангейм», «Галас», «Нейман» и другие. Кроме немецких специалистов, были еще иностранцы.

Бункер главной квартиры фюрера, бомбоубежища, службы находятся глубоко под землей. Стены и потолки из железобетона толщиной в три — пять метров... Все сооружения обнесены густой стальной сеткой высотой в два метра, на метр сетка углублена в землю. Кроме сетки, несколько рядов колючей проволоки, через которую пропускается электрический ток... Заборы оборудованы электросигнализацией...

Гаан говорил долго. Кузнецов быстро записывал в блокнот каждое его слово.

— ...Под лесом с северной стороны электростанция. Построены две радиостанции, водокачка, водопровод. Для фюрера построен одноэтажный кирпичный дом. Снаружи для маскировки он обложен сосновыми бревнами. Из дома ход в подземное железобетонное бомбоубежище. Перед домом оборудован специальный бетонный бассейн и разбит цветник. Вы знаете, фюрер очень любит цветы...

Все постройки покрашены в темно-зеленый цвет. Над сооружениями посажены деревья — сосна, граб, дуб... Деревья привезли из Черного леса и винницкого городского парка. На территории сооружены также три мощных железобетонных дота. Рядом со ставкой посадочная площадка для связных самолетов.

Около аэродрома в Калиновке штаб-квартира Геринга. Кроме Берлина, «Вервольф» связан подземными кабелями с Киевом, Харьковом, Днепропетровском, Ростовом и Житомиром, где расположена полевая ставка рейхсфюрера Гиммлера... Вокруг леса 36 наблюдательных вышек... В пяти километрах от леса с трех сторон замаскированы батареи противотанковых орудий, с четвертой стороны — батареи в лесу, и, помимо того, по линии железной дороги Калиновка — Винница постоянно курсирует бронепоезд. В лесу и вокруг леса в бараках расположены войска СС внутренней охраны ставки. Через каждые двести метров — специальные заставы. Установлен строжайший режим. Расстрелу подлежат все посторонние лица, кто только услышит о ставке... Задержанные передаются в особую команду СД для расстрела... Всех местных жителей проверяет и фильтрует специальная группа гестапо — СД Даннера... Вся охрана подчинена начальнику имперской службы безопасности при ставке оберфюреру СС полковнику войск СС Раттенгуберу. Раттенгубер подчинен непосредственно рейхсфюреру Гиммлеру...

Тайна объекта «Верв ольф» перестала существовать. Подробная информация о местонахождении ставки Гитлера была передана в Москву.

Люди из

Так звали старую станицу — Невинка. От станицы остались лишь десяток кривых улочек, сотня-две когда-то белых хат, обрызганных самосвалами и автобусами, да еще старая тесная почта. Знаменитая станица стала окраиной Невинномысска, города строителей и химиков. Город довольно большой, очень просторный, с замечательным проспектом и с Дворцом культуры без непременных колонн. А зовут новый город нередко по-старому: «Мы из Невинки...»

Невинномысский химкомбинат — один из крупнейших в стране, это детище семилетки, Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Первая очередь его вступила в строй через 3 года и 8 месяцев после того, как в степь пришли первые строители — добровольцы с комсомольскими путевками. Сейчас другая задача — тот же объем работ выполнить за 1964 год. И монтажники спешат. Бригада Евгения Никакошева шестимесячную программу выполняет за месяц. Это Большая химия торопит: комбинат должен удвоить выпуск минеральных удобрений. Бригады Полуянова и Глухова стали инициаторами движения: экономить час в смену, день — в неделю!

Шум стройки уходит все дальше в степь, где пока ни асфальта, ни цветов. А на комбинате...

Высокие, из силикатного кирпича здания цехов, по белому пущен нехитрый орнамент из красного кирпича. Асфальт, розарий. И тишина — ни лязга, ни грохота, обычных для механических заводов. Химия священнодействует вот в этих гигантских металлических колбах и ретортах, невидимыми клубами она проносится, переливается из цеха в цех по змеевикам неохватной толщины и выпадает белыми кристаллами селитры.

Стала банальной фраза: «Вместе со стройкой росли и люди...» Но как избежать ее, если действительно вместе с этими цехами, этажерками, башнями поднимались в степи и люди? Вчера строитель, землекоп или монтажник, а сегодня — химик. У центрального пульта управления мы познакомились с начальником лучшей смены аппаратчиков — Александром Дмитриевичем Королевым. Инженер одет несколько даже празднично, через плечо — противогаз. Александр Дмитриевич в Невинке с монтажа, а вообще-то работает с шестнадцати лет. Сейчас в его смене подобрались замечательные люди. Парни и девушки, стоящие сегодня у центрального пульта, рыли котлован, плели и варили арматуру, монтировали емкости.

Вот Рая Косолапкова, аппаратчица отделения конверсии. Вверенные ее вниманию приборы фиксируют режимы разложения метана. Из метана получают водород. Рая все это отлично знает, потому что уже окончила и химико-технологический техникум и уже поработала на Урале. А этажом ниже в цеху работает ее муж Юрий. Он инженер.

Кстати, каждый второй на комбинате учится в техникуме. За партами в основном строители — им работать в цехах и отделениях второй очереди. Но учатся и сами химики, лаборанты. Ася Гончарова из лаборатории отделения синтеза аммиака и мочевины готовится к

Николай БЫКОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Невинки

поступлению в институт. Сейчас вот она берет пробы, делает анализы, мечтает стать в будущем инженером-химиком.

В просторном цехе с такой кубатурой, что в нем поместится здание средней школы, бесшумно на бешеных скоростях вращаются огромные, диаметром в два человеческих роста, маховики компрессоров. У одного — молодой парень в кожаной безрукавке. Машинист Анатолий Дибров. Кубанский колхозник. Пограничник. И жена на комбинате. И дочь в комбинатском детском садике. Пока живут на частной квартире, но скоро будет новоселье: «Видели наш город?..»

О Невинномысском комбинате в эти дни часто пишут. Химия! И о людях химии пишут охотно. Немало корреспондентов побывало в кабинете главного инженера, лауреата Государственной премии Вячеслава Михайловича Низяева. Стремительный, много знающий человек. Он всегда в котловане, на этажерках. В снег и грязь с рабочими и монтажниками. Уже и морщины стали глубже и вроде бы пора сбавить скорость, но он не устает.

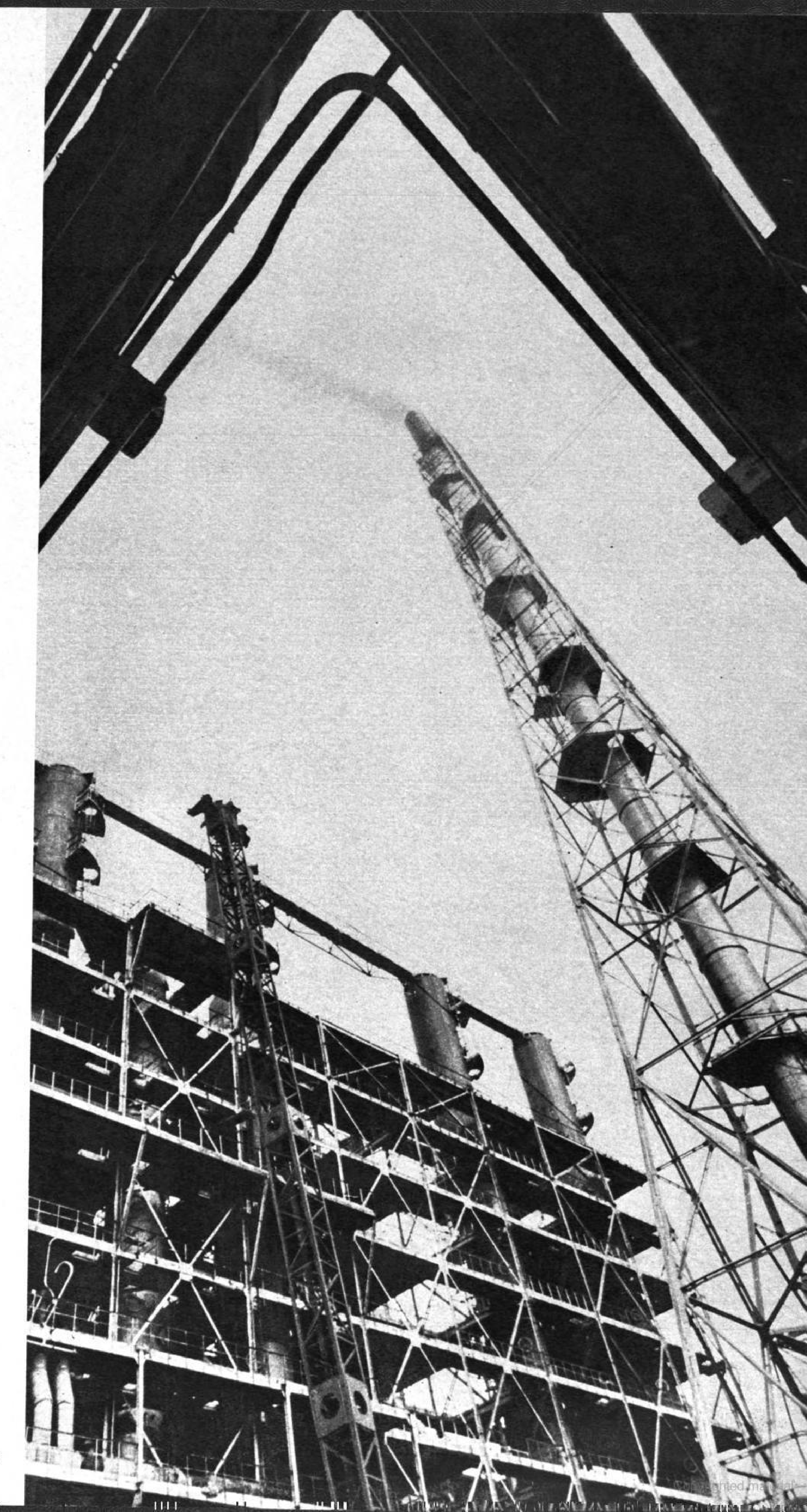
В кабельном тоннеле бригаду электромонтажников возглавляет молодой паренек. Паренек этот — Иван Меркулов, комсомолец. Комсомольская бригада его держит первенство на строительстве второй очереди.

А бригадира монтажников на этажерке цеха слабой азотной кислоты Евгения Никакошева мы застали за решением сложной проблемы. Выше уже говорилось, что ребята шестимесячную программу выполняют за месяц. А как? Они ведут укрупненный монтаж на земле. На земле крепят болты, варят каркас — это удобнее, легче, безопаснее. Потом всю махину поднимают.

Красиво работает старший прораб Анатолий Никитин. Анатолия знает вся стройка, весь город. Шестой год парень в Невинке, а приехал совсем зеленым инженером. Давал ударный график тогда, когда продыху от трудностей и неполадок не было. Потом Никитина избрали секретарем горкома комсомола, но он все равно пропадал на стройке, в том же котловане. А недавно вернулся на стройку второй очереди. Прорабский участок Анатолия на хозрасчете. В этом — новшество. Никитин убеждал в необходимости работать производительно и творчески очень просто: он как-то принес в день зарплаты две пачки денег — одну толстую, другую тонкую. «Вот эту заработала бригада, которая на хозрасчете, а эту — те, кто ишачит по старинке».

Мы застали такую картину. Над окошечком рабочей кассы объявление: «Сегодня выдают зарплату прогульщикам!» У стены жидкая цепочка будто побитых людей, кто-то пытается шутить, но смеяться над собой не очень весело. Лица красные. Головы ушли в плечи. Глаз не разглядеть — отводят глаза, поспешно ставят подписи в позорной ведомости и берут, не глядя, несколько зеленых бумажек... Стыдно... Один выход — работать по-человечески, по-комсомольски, как вся бригада. Как работает весь участок старшего прораба Анатолия Никитина...

Растет город, растет комбинат — растут и люди.

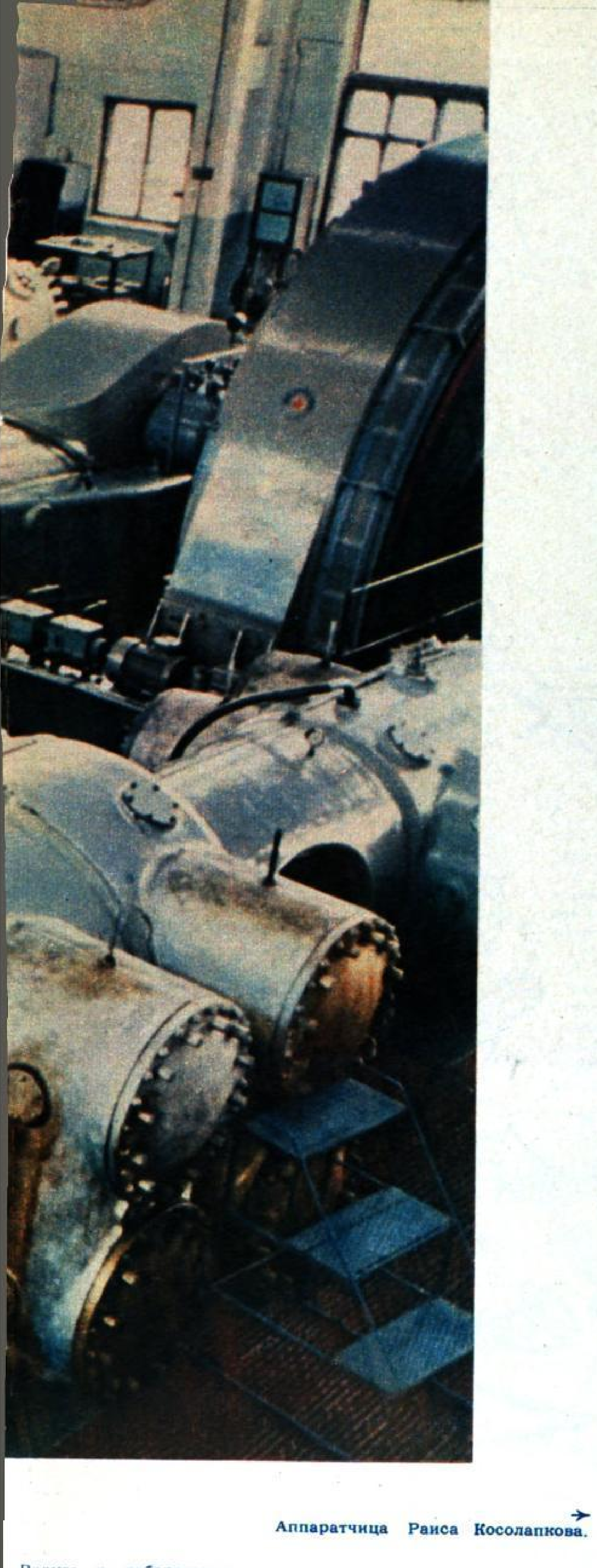
Все выше поднимают новый цех комсомольцы-монтажники.

Машинный зал. Здесь много света и никакого шума...

Ася Гончарова берет пробу.

Центральный пульт. У телефона (слева) — начальник смены А. Д. Королев.

Аппаратчица Раиса Косолапкова. →

Радуга в лаборатории...

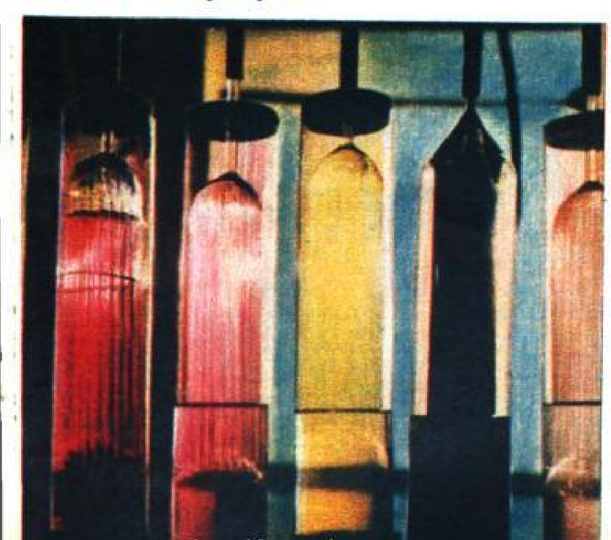
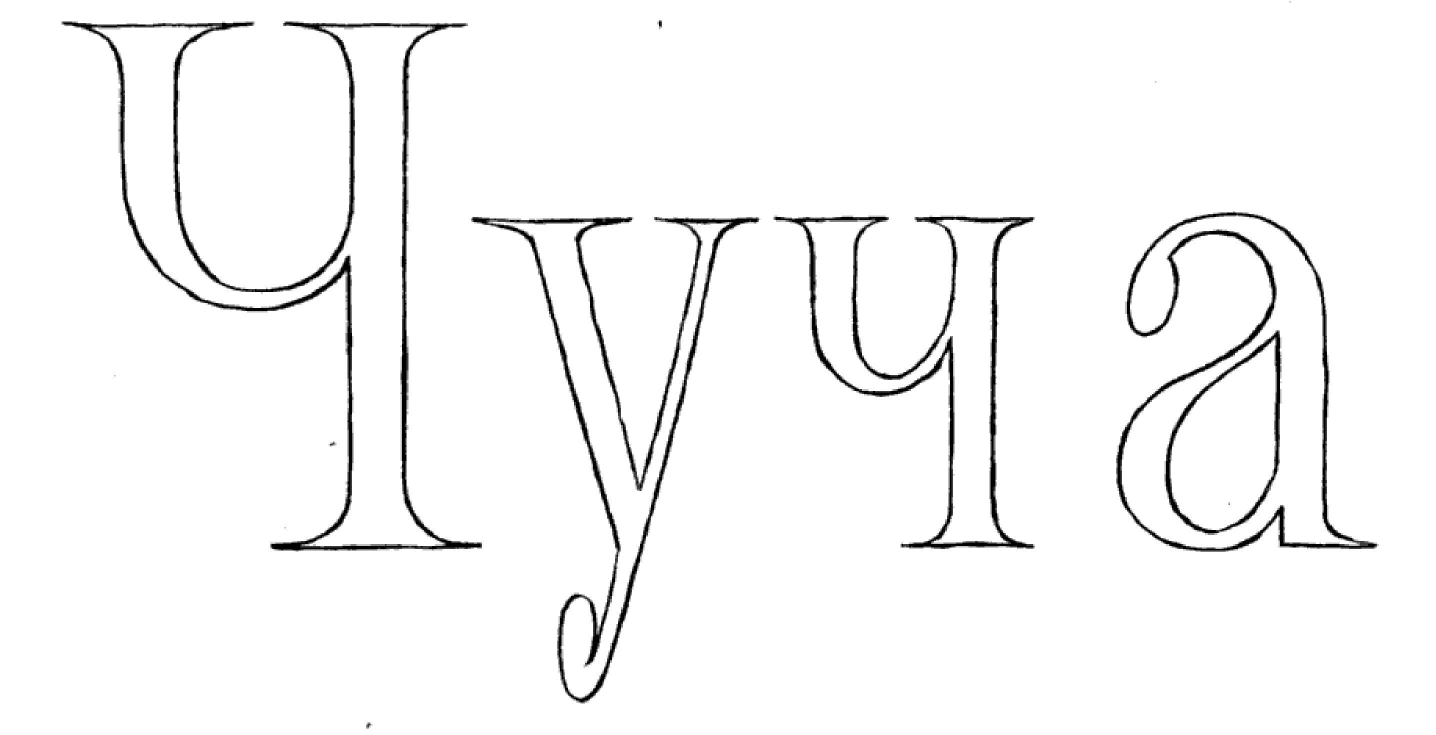

Рисунок Е. РАЧЕВА.

Галина ДЕМЫКИНА

Чуча

Песня Леса

Молодая сорока Ясенская (ее назвали ясенской оттого, что она свила гнездо на ясене. Звери и птицы так дают друг другу имена) в первый раз высидела птенцов, и хлопотала над ними, и кричала от темна до темна.

Тогда Чуча еще не бывал в логове Скального, и Волчонок впервые пригласил его.

Они трусили мимо светло-зеленых гладких стволов ясеня и бурых, морщинистых дубов. Вдруг Волчонок остановился.

У корней разлапого дуба, в солнечном пятне, дремал один из сыновей Ясенской Сороки.

Волчонок показал на него глазами Чуче и сделал бесшумный шаг. Еще. Еще... В ветках отчаянно крикнула Сорока, но было поздно. Тяжелая лапа опустилась и поднялась.

Тоненький, хрупкий, с уже подросшим хвостом сорочонок лежал на боку, подмяв под себя черные лапы и голову.

Закричала и упала на нижние ветки Сорока, осыпая сухие сучки и листья.

Волчонок стоял поодаль, опустив голову.

— Зачем ты? — крикнул Чуча. Мордочка его вздрагивала.

— Зачем я? — удивился Волчонок.— Наверное, случайно!

— Как же случайно? Как же случайно? — закричала Сорока, и на крик с шумом стали слетаться ее сестры.

— Ты хуже своего отца! — подхватили они.— Хуже матери! Скальные убийцы!

— Мы, птицы, проклинаем тебя! Когда за тобой придут люди, по всему лесу, от человечьей тропы до болота, мы выдадим тебя! Выдадим тебя!

Нет, Чуча не рассказал об этом Белке с Сухой Сосны. И ему было неприятно, что она права.

— Все худшее в лесу,— сердито говорила Белка,— названо именем Волка. Ядовитые ягоды—красные на кусте, они потом почернеют— волчьи ягоды. Ядовитые листья, вон те — волчье лыко. Ни один зверь, поедающий траву, даже в голодное, сухое лето не станет есть их.— Мягкие, светло-зеленые листья волчьего лыка вздрагивали на ветру.

— Ну и пусть,— сказал Чуча, и ухо его издалека приняло по ветру знакомый голос.

— У-оо-о!

— Знают только дубы и грабы,—
взвизгивал Скальный,—
Знают только дубы и грабы,
Как со мною старшие грубы.
Но зато у меня есть зубы,
С каждым днем острей
мои зубы.

Это была его мстительная песенка.

— Опять дома оттрепали! — проворчала Белка.

Она тоже всегда слышала Волчонка издали. И любовь и ненависть чутки.

— Я уже большой,— пожаловался Волчонок,— а вот смотри! — Он нагнул голову, и Чуча увидел кровь на прокусанном ухе.— Это называется учить. У, волки!

— Ничего,— стал утешать Чуча.— А вот меня никто не кусает, зато и не учит. Белка с Сухой Сосны говорит, что я слабый и нехитрый.

— Да. У тебя мягкие когти.

— Что же делать?

— Надо дождаться, что скажет Лес.

— Но он про меня никогда не говорит.

— А про нас, волков, он поет. Пойдем в бурелом. Там темнее и лучше слышно.

И правда, среди поваленных елок и сосен, поросших седым мхом, за дубовой рощей все говорило о волках, об их логове под вывороченными корнями, о белых костях оленей и косуль, что лежат у входа в нору...

И Лес пел не так, но о том же:
Елки мои серы,
Балки мои сыры,
Волки мои сыты...

— Когда выпадет снег, я стану охотиться один,— вздохнул Скальный.— Только это еще не скоро.

Однажды Чуча дремал среди брусничника, у поваленной ели. Он теперь выходил сюда встречать своего друга: очень уж сердилась и кричала Белка с Сухой Сосны, когда видела их вместе. Листья брусничника побурели от дневной жары и утренних заморозков. Чуча слышал, как копошится среди них паук и как звенит его паутина.

— У меня паутинки — струнки,—
так говорил Лес.
— На полянах травинки тонки,—
говорил Лес.

Чуча закрыл глаза, и зарябили сразу красные брусничины, ярко-желтые листья берез. И вдруг — стоп!

Чучу точно толкнуло. Он сразу открыл глаза, вскочил... И тотчас что-то острое и зловонное коснулось его боков, и он поплыл-полетел над брусничником и сухими ветками.

— Чи-ичу! — запищал Чуча, и острое сильнее примяло бока. Он уже не мог пискнуть, не мог дохнуть, в ушах его шумело, и все казалось, что голос Белки с Сухой Сосны звал — окликал Волчонка:

— Скальный! Скальный!

Потом листья и ветки внизу замелькали быстрее. Чуча шлепнулся, наколол бочок о шишку. А ельник и кусты рядом трещали, ломались. Потом этот клубок укатился, шум стал едва слышным.

— Вставай, малыш,— прошелестела рядом Белка с Сухой Сосны.

Она одна, эта крикунья, умела так ласково разговаривать. Но это случалось редко.

Белка обхватила Чучу левой передней лапой поперек туловища и понеслась с ним по деревьям — с ветки на ветку, с ветки на ветку! А-а! А-ах!

Чуча всегда мечтал полетать с ней так. И теперь, несмотря на боль в боку, был счастлив. «Будто я бельчонок!» — радовался он.

Белка втащила его в свой домик — колючий из-за торчащих веток снаружи и устланный нежным рыжим пухом внутри.

— Хоть побываешь у меня.— Голос Белки опять стал ворчливым.— Небось, у Скальных волков был, в их поганом логове.

— Но разве ты не звала на помощь Скального?

— Для тебя. Себе бы не позвала.

— А он помог?

— Еще бы! Загнать Лисенка — ему одно удовольствие.

— Так это был Лисенок?

— А ты не видел? Ты что ж, спал?

— Да.

— На чужой поляне?

— Да.

— Тогда ты глупый зверь. Странный и глупый. Когти мягкие, глаза нешустрые. Как будешь жить?

— У меня есть друзья,— схитрил Чуча.

— Да, я тебе друг! — крикнула Белка.— А волк не друг.

— Почему? Он же спас меня.

Белка не ответила.

— Вместе с тобой,— добавил Чуча.

— Это — другое дело. Но ведь он и виноват в твоей беде. Если б не он, ты бы учил лесные уроки и умел бегать, лазать, скрываться от чужих глаз. А что ты теперь умеешь?

— Я знаю многое о Лесе. И я люблю подпевать ветру.

— Молчи уж, глупый зверь.— Рыжая лапа примирительно погладила серую спинку.— Молчи. Спи.

Чтобы не перечить Белке, Чуча закрыл глаза. И сразу же вахту приняли уши. И услышали:

— Разбойник и сын разбойника!

— Урррррра! Уррррра!

— Ковыляет на трех ногах!..

Это Сороки.

— Что там? — встрепенулась. Белка, и только рыжий хвост ее мелькнул в узкой дверце.— Что там, соседки?

А Сороки уже были рядом.

— Скальному волчонку старая лиса отгрызла лапу.

— Урра! Уррра!

— Это за Ясенскую сороку! За Ясенского детеныша! — И они начали наперебой рассказывать.

Чуча сразу рванулся из домика. Глянул вниз и попятился. Никогда не бывал так высоко!

Волчонок лежал на Чучиной поляне. Он вытянул правую переднюю лапу, а Чуча слизывал, слизывал, слизывал кровь. А она все набегала.

Скальный тихонько повизгивал. Чуча лечил его, и жалел, и был благодарен не так за спасенную жизнь, как за то, что раненый Волк пришел не домой, а к нему.

— Ты странный зверь, Чуча,— тихо причи-

Окончание. См. «Огонек» № 21.

тала Белка, свесив лапу и голову с нижней ветки.

— Но почему?

— Ты слышал, что говорят Сороки? Он убил просто так, Чуча!

— Он добрый ко мне.

— Ты странный зверь,— еще жалостней отозвалась Белка.— Так бывает только у людей. У нас, у зверей, так не бывает.

Глава III

— На сегодня хватит,— сказал мой брат и погасил настольную лампу: теперь каждый вечер он писал работу о лесе.

За окном было черно, налетал ветер и приносил дождевые капли: «ток-ток-ток-ток» — по стеклу. И опять ничего, только ветки шуршат, трутся друг о друга.

Брат стал натягивать сапоги, глянул на ружье у стены.

— Ты куда?

— Послушай-ка.

И правда, сквозь неровное дождевое «ток-ток-ток» и спокойное постоянное «ша-а-а» — далекий, щемящий, живой голос:

— О-оуу-у-у!

И в ответ ему совсем едва слышно:

— У-у-о!

Дверь громко отворилась, на пороге стоял лесничий — высоченный, загорелый и тоже в сапогах, в ватнике и с ружьем.

— Слыхали? — кивнул он.

— Пошли,— ответил брат, поправляя ружье за спиной и накидывая на плечи мешковину.

И тут я глянула на Чучу. Он сидел на задних лапах, схватился передними за прутья клетки, весь вытянулся вперед, к окошку, поставил уши.

— Ты что не спишь, Чуча?

— Волкхи... Волкх... Убьют.

— Волки не убьют людей. У людей ружья.

— Нет, волкх... убьют.

— Волка убьют? Это трудно, Чуча, в такую темень. Я вот говорила тебе, покажи, где живут волки.

— Убьют... Убьют...— не слушал меня Чуча.

И вдруг раздалось «Оу-уу-у!» совсем близко. Это брат приманивал волка. Потом издалека ответ и снова человеческий, очень похожий на звериный:

— Оу-у-у!

Чуча заметался по клетке. Он хватался за прутья, отскакивал от них. «Чи-чу! Чи-чу!» — кричал он на своем лесном языке, и было в этом крике отчаяние.

— Ты что, зверек?

— Чи-чу! — Он точно забыл человечью речь.

Голоса за окном сближались. И потом вдруг: бах, бах, бах!

Чуча упал, будто стреляли по нему.

«Топ-топ-топ-шурх, шарх...» — шли по темным сеням и что-то волочили тяжелое. Тяжелое было завернуто в мешковину.

— Кхто это? — ахнул Чуча. Он заговорил, забыв, что в комнате брат; прыгнул из клетки прямо на пол. И остановился.

— Кто это? — спросила и я.

— Погляди.

Я дернула мешковину, из нее выпростались две задние лапы, покрытые желтой шерстью.

— Волк!

— Хорош? — радовался брат. Это был его первый волк, и он ничего и никого вокруг не видел.

А я видела. Я видела, как, нескладно переваливаясь на четырех лапах, подбежал к убитому зверю Чуча. Он забежал со стороны морды и стал тянуть, тянуть мешковину. Его розовые человечьи ручки работали быстро и отчаянно. И вид у него был взъерошенный, несчастный и решительный.

Брат и лесничий рассказывали об охоте.

— Молодой еще волк, нестреляный,— басил лесничий.

— Доверчивый,— добавил брат.—Так и пошел сразу на мой голос.

А Чуча в это время стянул мешковину с лобастой волчьей морды. Обнюхал, потрогал лапками уши, нос...

— Я подманиваю,— машет руками брат,— а темно... Этот верзила засел в ельнике. «Я,— говорит,— его на голос возьму. Дай ему спеть».

Чуча пискнул и заработал быстрее. Вот огромная передняя лапа, левая, та, что сверху. Красавец был волк! Но что нужно Чуче?

— А ему самому повыть охота, вашему брату! — смеется лесничий.

— А что, плохо вою?

— Где же плохо, я чуть в тебя не выстрелил.

Они рассмеялись. Оба высоченные, как великаны,— комната тесна. И разгоряченные охотой.

А Чуча уже стянул рогожу с другой волчьей лапы — такой же тяжелой и желтой.

Он присел возле этой правой лапы и стал быстро-быстро перебирать когтистые волчьи пальцы, черные, крепкие их подушечки — раз, два, три, четыре, пять...

— Ну вот, и слышу я, кусты уже близко треснули. А тут ветер переменился,—опять заговорил брат.

И вдруг «чи-чу, чи-чу, чи-чу!» — прямо над нашими головами, как утреннее птичье «здрасьте!», как смех, как веселье!

Чуча сидел не в клетке, а на ней, прямо на крыше, и пел, пел, не переставая! Чего он так боялся минуту назад? Чему так радуется теперь: «Чи-чу, чи-чу,чи-чу!»

— Здравствуй, зверь — мохнатые рожки! — крикнул Чуча, забравшись на перекладину вольера.

— Ты забыл, кто я? — грустно протянул Олень.

— Я знаю, как называет тебя Большая Чуча.

— Кто это?

— Ну, помнишь, она приносила меня на плече. Она зовет тебя Алеша.

— Это совсем другое имя.— Олень печально и плавно повел головой.

— У меня есть Олени и Лани.—
Так говорит Лес.

— И подлунные птицы Луни,—
говорит Лес...

— А! — Чуча сразу вспомнил: лесная тропа, пробитая узкими копытами, болотные запахи осоки и ольхи, погloданные верхушки осин и сосенок, клочки рыжей шерсти на ветвях. И выдох Волчонка: «Олени!»

— А,— кивнул он,— знаю, знаю! Ты слышал ночью Волка?

— Он подходил к вольеру,— ответил Олень.

— Его убили.

— Нет, убили другого. Здесь был хромой. Он ушел.

— Хромой? — подскочил Чуча.— А он говорил с тобой?

— Он рычал на меня. Он рычал, что я унижаюсь перед людьми. И что другие даже забыли Песню Леса.

— Я не забыл,— крикнул Чуча.— Это он про меня!

И вдруг — «хоу, хоу!» — Чучу обдало горячим лесным и молочным духом, чуть не снесло с перекладины. Рядом стояла бурая рогатая гора на тонких, не по росту, ногах.

— Не бойся,— засмеялся Олень.— Это Зубр.

Бурый и рогатый помолчал около Чучи, подышал и шагнул к двум другим, что топтались неподалеку.

— Зачем тебя посадили к ним? — слабым от страха голосом спросил Чуча.

— Я сам перепрыгнул. Вон оттуда.— Олень кивнул в сторону, где важно прогуливались его собратья.

— Зачем?

— Те родились в неволе. Еда! Для них только еда! Они даже не слыхали о Правде Леса.

— А Зубры? Такими рогами легко убить.

— Они никого не убивают.

— Даже для еды?

— Они едят траву. Знаешь, какая бывает трава! Ты не пробовал мышиный горошек?

— Нет.

— А лесной вейник? А перловник?

— Я не ем травы, Олень.

— Жаль. Ты принес бы мне. Да нет, надо щипать самому. Забрать губами снизу, от корня...

Глаза Оленя стали совсем лиловыми. И вдруг он поднял морду и тоненько простонал:

— Я хочу на свободу-у!

Я в мой лес листвяный уйду!

— У-у-у!— лениво подхватил самый большой Зубр.

— Там кусты! Там кусты! — захлебывался Олень.

А Зубры забубнили свое:

— Не вкусны, не вкусны...

— Там кусты, и дубравы, и ветер,— пел Олень.

— Не вкусны дубовые ветки,— тянули Зубры.

— И ветер — друг! — закончил на высокой ноте Олень.

А зубры ушли голосами вниз:

— Не вкусны дубовые ветки из рук. Из человечьих рук.

— Почему они не сломают загородку? — спросил Чуча.— Им это просто.

— Их зовут «обученные неволе»,— ответил Олень.— Они много лет здесь.

— Я попрошу Большую Чучу. Она выпустит тебя.

— Не выпустит. Я просил,— нагнул голову Олень.

— Но она не поняла. Ведь ты не знаешь человечьей речи.

— А ты?

— Я знаю. Я научился.

— И ты любишь людей?

— Я люблю Большую Чучу.

— Так у нас, у зверей, не бывает,— поднял морду, раздумывая, Олень.— Ты какой-то странный зверь. Но все-таки приходи ко мне почаще. Ты странный, но очень лесной.

В окно глядел желтый, красный, бурый осенний лес. Воздух лиловел и густел с каждой минутой. В темнеющей комнате огонь плиты становился все ярче.

— Давай-ка ужинать,— позвала я брата.

Он отложил бумаги, закрыл и погладил альбом с засушенными растениями — гербарий.

— А я ведь скоро кончу,— похвалился он. Уселся за стол, потер темными от въевшейся смолы руками щеки, глаза — устал!

Я поставила на стол сковородку с жареным мясом кабана — вчера выдали в лесничестве.

— Ох и вкусно! — радовался он.— Ты молодец, сестренка! Прямо жалко домой отпускать!

И видно было — думал о своем: о работе, которую писал, о лесе, как его растить и беречь.

— До снега съезжу в город,— сказал он.— Работу отвезу.

— И меня захватишь.— Мой отпуск подходил к концу.

— И тебя и Чучу. Ну, а пока — молчок.

В комнате тихо. Даже лес за окном молчит. Только Чуча тихонечко чавкает — я дала ему сухарь...

Но вот и он замер. Поставил ушки. Что это? Нет, ничего. Показалось. Да нет же, далекий, знакомый:

— О-у-у! О!

Чуча уже сидит, схватившись за решетку. Снова, ближе:

— О-у-у! У-у!

И вот уже рядом, где-то у оленьего вольера...

— Совсем обнаглел! — крикнул брат и вскочил из-за стола.— Я теперь его по голосу знаю — это хромой. Вчера тоже у вольера ходил. Ну, ничего. На днях егеря соберутся. Возьмем его.

Утром, как только брат ушел в лес, Чуча выскочил из клетки. Он прыгнул на стол, пробрался среди чашек и тарелок, сел на задние лапки.

— Кх! Кхма-ма! — проговорил он, напрягая животик. И снова: — Кхма-ма!

— Что тебе, Чуча?

— Кх-олень!

— Ну, пойдем.
Когда мы с Чучей подошли к вольеру, там суетились люди.
— Что случилось?
— Поглядите.
У самой загородки, примяв обглоданную сосенку, лежал Алеша.
Белела его длинная запрокинутая шея, ноги подломлены, как в беге.
— Чи-чу! Чи-чу! — закричал, запричитал Чуча, спрыгнул с моего плеча, подбежал к другу.
На узком рыжем боку был процарапан след трехпалой волчьей лапы.

Все живое умеет горевать. Кричит, убивается птица над разоренным гнездом; перестает есть собака, потерявшая хозяина; кошка, когда у нее заберут котят, мечется по комнате, мяукает, зовет...
Но я никогда не видала, чтобы зверь плакал.
Огромные, тяжелые слезы выкатывались из Чучиных глаз. Мордочка была мокрой. Он лежал у меня на согнутой руке, вздрагивал и попискивал. Я гладила его и не знала, чем утешить.
— Мой брат убьет хромого волка,— говорила я.— Это он во всем виноват.
— Кхнет... я... я,— твердил Чуча.
Может, он жалел, что не показал людям, где живут волки. И вот теперь убили его друга.

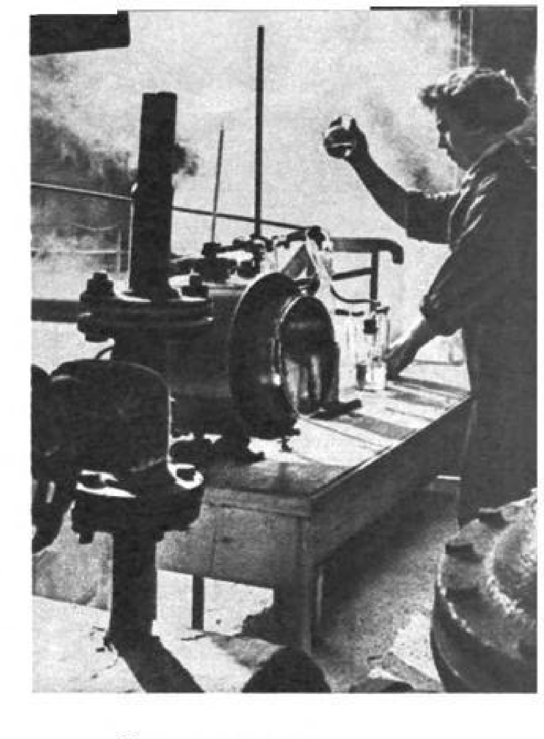
На другой день выпал снег. На его белизне, как на фотопленке, обозначилась вся лесная жизнь: здесь пробежал заяц — следы длинных задних лап обогнали передние; вот крестики коготков — птицы слетались подбирать семена березы...
— Сегодня возьмем хромого,— сказал брат.
И снова зазвучали в лесу выстрелы.
Каждый раз Чуча вздрагивал, сжимался и все глядел, глядел в окно.
Он помнил солнечные брусничники, горячие смоляные ельники, зеленую рощу дубов... Но что там теперь, когда холодно и бело, он не понимал.
Чуча не мог ни есть, ни спать, ни говорить. Он мог только ждать, прилепив лапки к оконному стеклу. Но даже он не увидел, как подошли охотники.
Потому что была уже темная ночь. Не увидел, но услышал шаги. И по ним гадал, несут что-нибудь на плечах или нет. Нет, не несут!
Множество ног потопало дальше, а две, в сапогах,— по сеням и в комнату.
Брат бросил мокрую шапку о стул.
— Ну что, ушел хромой?— спросила я.
Хотя и так было видно: не удалось.
— Как бы не так! — вдруг засмеялся брат.— Флажками обложили! Не уйдет! — Он подсел к столу, к горячему чаю.
— Ух, хорошо!
— Ну, так что хромой?
— Заводил, говорю. Совсем запутал. И ушел бы, если б не сороки. Увидели его — подняли крик. Куда волк — туда они. Куда они — туда и мы. Он след путает, а они распутывают. Мы б его и сегодня взяли, да стемнело. А там болото не замерзло. Побоялись. Ну, да теперь он наш!
Брат скинул мокрую одежду, завалился спать, и сразу заснул, и видел во сне, наверное, белый снег и черный след — три лапы обычные, а одна трехпалая. Хромой волк. И над ним сороки.
Я уже засыпала, когда руку мне привычно щекотнуло. Теплая, мягкая мордочка. Влажный нос.
— Иди спи, Чуча. Мне рано вставать.
— Кхгдеон? Кхгдеон? — тихонько спросил Чуча.
— Кто?
— Волкх...
— А!.. Его поймали. Он не уйдет.
— Кхкапкхкан? — с трудом выдавил Чуча.
— Нет, не капкан. На волков иногда охотятся с флажками. Место, где прячется волк, обносят веревкой с флажками, и волк боится, он не знает, что можно просто перепрыгнуть. Вот и хромой попался. Спи спокойно. Он больше никого не убьет.

Чуча не уходил. И не двигался. Притаился около моего уха. Будто о чем-то думал. Потом потянулся и лизнул мне щеку, нос. Засыпая, я слышала, как Чуча возится не то в клетке, не то снова возле окна.

Я проспала, не услыхала, как ушел брат. И проснулась, когда он уже вернулся, сердито хлопнул дверью. Свет в окне был неяркий, утро еще раннее.
— Ты что так скоро?
— Черт его возьми! — крикнул брат.— Оборотень какой-то, а не волк. Знаю точно: был там, за флажками. И ушел. Старый не решится. А он ведь прибылой, щенок совсем.— Вид у моего охотника был жалкий, и чтобы я не заметила этого, он вышел. И вот уже со двора донеслось: «хэк... хэк...» — рубил дрова.
— Ну вот, Чуча, зря я тебе пообещала...— Я заглянула в клетку.
Что это? Она была пуста.
Ни на столе, ни на книжной полке, ни на диване зверька не было. И на окне не было. А по ту сторону стекла, под форточкой, что не закрывалась на ночь, на подтаявшем снегу, маленькие глубокие следы. Будто крохотный человечек пробежал на четвереньках. Путь его лежал к лесу.
Брат втащил и бросил у плиты охапку дров. Стряхнул щепу с ватника.
— Что-то Чучи не видно,— сказал он.— Не заболел?
Я молчала. И думала вот о чем.
Жил в нашем доме зверек — малая кроха огромного леса. Он привык к нам и полюбил нас.
Но когда окликнут душу родные края, нет тогда ничего дороже их законов.
И Чуча вернулся в лес.

Настал день уезжать.
Я вышла проститься с лесом. Ранний снег растаял. Солнца не было. Лес стоял мокрый и настороженный. Ждал. Ждал ветров, настоящего зимнего снега.
Среди бурого брусничника ярко зеленел мох. Желтая голенастая трава торчала вдоль тропинки... Вот знакомая поваленная елка корнями наружу.
Я узнавала и не узнавала эти места. И они едва помнили меня...
Вдруг к ногам упала огромная шишка. Шишка-великан. Я подняла ее. Наверху в ветвях что-то шарахнулось и притихло. Белка? А может быть...
Я вытянула руку ладонью вверх.
— Ну, иди!
Но никто не спустился на ладонь.
Я побрела дальше. У входа в чащу, там, где обрывалась тропинка, на ней лежала ореховая звездочка — пять отличных желто-коричневых орехов в буром узорном домике. Я поглядела вокруг: орешника близко не было. И опять я подумала: а вдруг? И позвала:
— Чуча!
Снова что-то зашуршало на сером стволе елки. И сверху издалека донеслось непохожее эхо:
— Чу-ча! Чу-ча!
Ветер подхватил его, смял, перемешал с шумом хвои, редким криком птиц, стуком голых веток. Все эти шорохи, крики, скрипы сомкнулись.
И вдруг я различила:
— Я ветер, я ветви, я вечен,—
так говорил Лес.
— Я зелен, я волен, я полон,—
говорил Лес.
— У меня есть дубы и грабы,
У меня есть грибы и рыбы,
Под водою — линь,
Над водою — лань...

В моем кармане топорщилась шишка, пальцы согрели древесную гладкость орехов, во мне, надо мной и кругом раскачивалась, то отходила, то проступала Большая Песня Леса — подарки Чучи...
Я буду их беречь.
Я всегда их буду беречь.

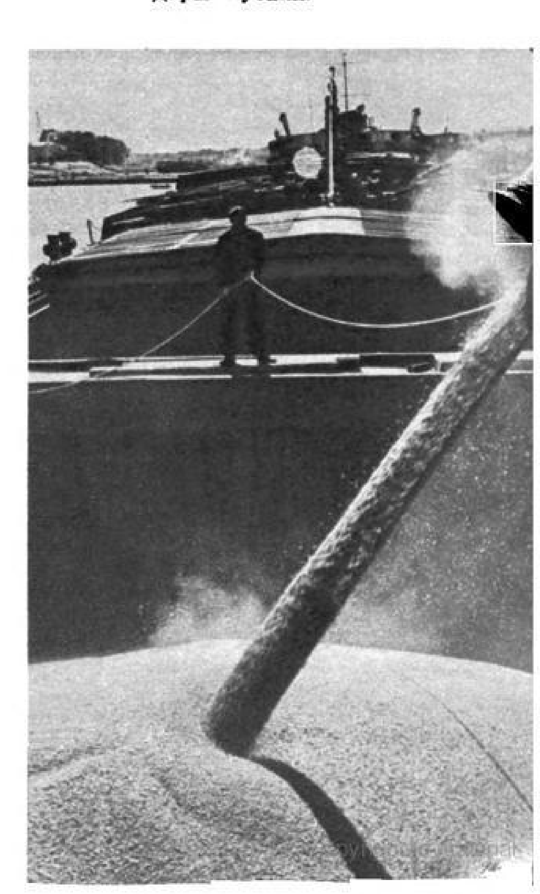
Плюс химизация...

ТАК ДЕРЖАТЬ!

В Москве, в Центральном Доме журналистов, открыта выставка мастера советской фотожурналистики корреспондента газеты «Советская Россия» Семена Раскина. Представлено свыше ста фотоснимков.
Талантливый и неутомимый фотокорреспондент был очевидцем важнейших дел нашей Родины. XXII съезд КПСС, новостройки Российской Федерации, село Калиновка, новые энергетические гиганты на могучих реках страны, будни и быт советского человека. Здесь много снимков Никиты Сергеевича Хрущева, которого сопровождал по Советскому Союзу специальный фотокорреспондент С. Раскин. Его снимки, полные динамизма, оперативно появлялись на страницах «Советской России», «Правды», «Огонька».
Нам, современникам, порой трудно оценить ту полезную, трудную работу, которую делают фотокорреспонденты — свидетели великих свершений советского народа. Вот пример. С каким интересом смотрится сейчас фотография, снятая десять лет тому назад в районе, где построена теперь Братская ГЭС,— среди двух пустынных берегов течет Ангара! И вот теперь с того же самого места снята плотина Братской ГЭС, одной из величайших в мире.
Труд нашего товарища по объективу сложен и почетен, пожелаем ему и впредь так держать!

Я. РЮМКИН

Дары Кубани.

ДОЛЛ

Леонид ВЕЛИЧАНСКИЙ

В ноябре Соединенные Штаты будут выбирать президента. И чем ближе дата выборов, тем сильнее закипает политическая жизнь США. В эти дни не бывает недостатка в громких словах об американской демократии, о традициях свободы, о равных возможностях, которые дает Америка своим гражданам. Немало мифов создано американской пропагандой.

Рисунок В. Черникова.

Демократия «по ритуалу»

Этой весной мне довелось наблюдать один из ритуалов американской демократии — первичные выборы в Нью-Гэмпшире.

Заночевать нам пришлось в маленьком мотеле на берегу замерзшего озера Санапи, в 30 километрах от столицы штата — Конкорда. Ближе к городу все отели, мотели и туристские приюты были оккупированы журналистами, фоторепортерами и телевизионными техниками.

Они прибыли сюда заблаговременно, в одиночку и большими отрядами. Только одна радио-телевизионная компания «Эн Би Си» прислала 600 человек. Вся эта армия следила за каждым шагом «кандидатов в кандидаты» и без конца опрашивала жителей штата, за кого они собираются голосовать и почему. Опросы эти надоели ньюгэмпширцам. Но они отвечали каждому терпеливо, вежливо и уклончиво. Первичные выборы, или «праймери», как их здесь называют,— очень доходный для штата бизнес.

Полагают, что кандидаты, а также телевидение, печать и радио израсходовали в Нью-Гэмпшире в этом году более 5 миллионов долларов. Для маленького штата, где всего 600 тысяч жителей и где обслуживание туристов и лыжников является главной индустрией, это большая сумма.

Голосование в Нью-Гэмпшире всегда привлекает интерес, так как это первые праймери в стране. По этой первой пробе сил люди пытаются угадать характер всей избирательной борьбы, которая должна завершиться избранием президента, уловить настроение избирателей, проверить точность предсказаний.

Меня интересовала сама механика первичных выборов. Кроме того, я болел за одного из кандидатов. Он был зарегистрирован по всем правилам и утверждал, что у него есть все, что требуется от кандидата в президенты: собака, жена, у которой манто стоит 1 500 долларов, и два и семь десятых ребенка. Он объявил себя самым реакционным из всех республиканских кандидатов и обещал восстановить рабство. Это был сотрудник сатирического журнала Китмэн, и вся его затея была злой, но ненужной шуткой.

Ненужной потому, что речи ведущего претендента на высшую должность в стране от республиканской партии сенатора Голдуотера звучали как пародия на здравый смысл. Он требовал разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом, посылки морской пехоты на Кубу и ликвидации социального страхования.

Когда бравый сенатор прибыл в Нью-Гэмпширский университет, студенты встретили его плакатом, на котором резюмировалась его внешнеполитическая программа: «Послать морскую пехоту на Кубу, Вьетнам, Занзибар, на Париж, Москву и Пекин, но только не в Миссисипи!» В другом месте сенатора встретили обычным лозунгом крайне правых: «Голдуотера в президенты в 64-м году». Только дата была уточнена: в 1864 году! Третьи сочли, что и для XIX века кандидатура не подходяща, и к 1864 году они добавили: «До рождества Христова».

Результаты состязания в популярности в Нью-Гэмпшире известны. Голдуотер провалился. Поражение мистера консерватора было делом его собственных рук. Он изложил ньюгэмпширцам свою программу. И они в ужасе отшатнулись. «Бэрри втянет нас в войну!» — это был главный вывод, который сделали ньюгэмпширцы.

Теперь, после поражения, Голдуотер уверяет, что результаты голосования в Нью-Гэмпшире не имеют значения. Он прав только в том смысле, что первичные выборы мало что решают в окончательном определении кандидатов, но для самого Голдуотера поражение будет иметь большое значение.

Ни один из видных деятелей республиканской партии Нью-Гэмпшира не был избран делегатом на партийный съезд только потому, что они обязались поддерживать Голдуотера. Этот урок не ускользнет от внимания республиканских боссов других штатов.

Поражение отразится и на размерах денежных взносов на предвыборную борьбу сенаторов. Даже самые безнадежные фанатики не склонны ставить крупные суммы на лошадь, которая так плохо показала себя при первом же пробном заезде.

Кто выбирает кандидатов в президенты!

Высшим проявлением американской демократии считается то, что раз в четыре года народу предоставляется возможность выбрать президентом одного из двух кандидатов, которые часто являются политическими близнецами. Первичные выборы были выдуманы для того, чтобы создать иллюзию, будто избиратели участвуют и в выборе кандидатов. Иллюзия давно рассеялась, а ритуал остался. Гарри Трумэн в бытность президентом называл первичные выборы словечком, которое можно перевести и как «очковтирательство» и как «пускание пыли в глаза».

Только в 10 штатах избиратели во время праймери высказывают предпочтение кандидатам. В 7 штатах первичные выборы сводятся к избранию делегатов на партийный съезд. В остальных 33 штатах праймери вообще не проводятся и делегаты либо избираются на партийных конференциях, либо назначаются местным партийным руководством. Подсчитано, что в первичных выборах принимает участие всего 3 процента населения.

Но и выдвижение делегатов на партийные съезды — всего лишь формальность. В действительности делегаты этих съездов не решают вопроса о кандидатах, а только фиксируют решения, достигнутые партийной верхушкой в прокуренных комнатах фешенебельных отелей.

Покойный сенатор от штата Теннесси Эстес Кефовер неоднократно выставлял свою кандидатуру в президенты и участвовал в многочисленных первичных выборах. Он неизменно одерживал верх над своими соперниками, и в частности в том же Нью-Гэмпшире одержал победу над Гарри Трумэном. И все же демократическая партия ни разу не выдвинула Кефовера кандидатом на главный государственный пост. «Никто не хочет видеть Эстеса президентом, кроме избирателей»,— шутили тогда. Еще в начале своей политической карьеры Кефовер прославился разоблачениями скандальных махинаций монополий. Этим он создал себе репутацию чудака, верящего в такие старомодные добродетели, как честность, народное благо. С тех пор избиратели неизменно отдавали Кефоверу свои голоса. Но партийные боссы окрестили его неисправимым упрямцем. И наглухо закрыли для него двери в Белый дом.

И на этот раз не исключено, что республиканским кандидатом

И „РАВНЫЕ ВОЗМОЖН

в президенты в конце концов окажется темная лошадка вроде губернатора Пенсильвании Уильяма Скрэнтона. На первичных выборах в Нью-Гэмпшире только несколько человек вписали его имя в свои бюллетени. Зато в экономическом клубе Нью-Йорка 1 400 промышленников и банкиров дружно аплодировали идее выдвижения его кандидатом в президенты.

И большая буржуазная печать уже внушает избирателям мысль, что Скрэнтон — наиболее подходящая компромиссная фигура, приемлемая для всех группировок республиканской партии в случае, если ни один из фаворитов не получит широкой поддержки.

Кто может быть президентом Америки?

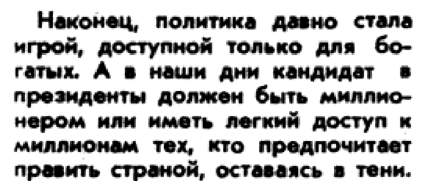
В американской политической мифологии есть популярная сказка о том, что каждый американский мальчишка может стать президентом Соединенных Штатов.

Нет ничего более далекого от истины. Кто же в действительности может стать президентом Америки?

Конституция США, помимо осужденных преступников и умалишенных, исключает из возможных кандидатов всех лиц моложе 35 лет и всех родившихся за границей. Фактически (не по закону, а по обычному праву) президентом не может стать негр или другой «цветной».

Отбросьте эти категории граждан, и от 190-миллионного населения останется только 50 миллионов. Исключите женщин, и останется только половина. Из белого населения президентом может стать тоже не всякий, а только человек англосаксонского происхождения. Потомки более поздних иммигрантов — итальянцы, греки, славяне — могут попасть в Белый дом только как экскурсанты. До недавнего времени из возможных кандидатов исключались также все католики. После гражданской войны, то есть почти целое столетие, кандидат из южных штатов не имел никаких шансов на избрание.

Правда, на предстоящих выборах кандидатом демократической партии будет техасец Линдон Джонсон, и, по общему мнению, у него хорошие шансы на победу. Однако кандидатом он станет только потому, что он уже является президентом.

Наконец, политика давно стала игрой, доступной только для богатых. А в наши дни кандидат в президенты должен быть миллионером или иметь легкий доступ к миллионам тех, кто предпочитает править страной, оставаясь в тени.

Расходы на предвыборную борьбу баснословны и продолжают расти. В 1960 году Джон Кеннеди израсходовал только на первичные выборы около полумиллиона долларов. И всего четыре года назад это казалось огромной суммой. А сейчас Рокфеллер потратил более 200 тысяч только в одном штате Нью-Гэмпшир. Голдуотер израсходовал немногим меньше. Первичные выборы в Калифорнии, по словам того же Голдуотера, обойдутся каждому республиканскому претенденту по меньшей мере в миллион.

Недаром же и активные и пассивные кандидаты в президенты и вероятные темные лошадки в республиканской партии — Рокфеллер, Голдуотер, Скрэнтон, Стассен, Лодж, Ромни — все миллионеры. Никсон — единственное исключение. У него нет собственных миллионов, но кое-какие деньжата за его спиной стоят.

Сидней Хаймен в книге «Американский президент», пользуясь методом исключения, приходит к выводу, что круг лиц, которые могут быть выдвинуты кандидатами в президенты от двух главных партий, не превышает ста человек.

Оказывается, только у ста американских мальчишек есть какие-то шансы вырасти в президенты.

Представители ли нынешний конгресс?

Этот вопрос возник после решения Верховного суда по жалобе граждан города Атланта (Джорджия). Они жаловались на неравноправие, поскольку в их избирательном округе 823 тысячи жителей, а в соседнем — 272 тысячи, но каждый округ выбирает по одному конгрессмену.

17 февраля Верховный суд определил, что такое деление штата на округа представляет собой дискриминацию. Член Верховного суда Джон Гарлан возражал против этого решения на том основании, что оно ставит под сомнение законность избрания 398 конгрессменов из 435.

Неравенство между округами существует в большинстве штатов. В Мичигане в одном округе 177 тысяч жителей, в другом — 803 тысячи. В Техасе есть округ с населением 952 тысячи, а рядом — 216 тысяч. Это дискриминация промышленных центров, городской бедноты. Получается, что на выборах в палату представителей голос, поданный в гнилом местечке, равен трем-четырем голосам, поданным в городе.

Еще с большим основанием можно было бы поставить под сомнение законность избрания сенаторов южных штатов, поскольку негры, составляющие значительную часть населения этих штатов, фактически лишены избирательных прав. В Миссисипи до сих пор есть районы, где негры составляют подавляющее большинство населения и где в списках избирателей нет ни одного человека с черной кожей. Равноправие «гарантировано» американской конституцией еще сто лет назад, но неграм Юга и сегодня приходится вести за него жестокую борьбу.

Чтобы не допустить участия негров в выборах, против них наряду с террором широко используется образовательный ценз. Невежественные регистраторы даже негритянских учителей и священников объявляют «неграмотными». Но еще хуже то, что для сохранения политического бесправия негров расистские власти южных штатов саботируют элементарное просвещение негритянского населения. Такая же техника используется и против индейцев, пуэрториканцев и против белой бедноты.

Для негров символом американского образа жизни стали полицейские собаки на Юге и крысы, которыми кишат негритянские гетто на Севере.

Бедняк богатому не ровня

На фронтоне Верховного суда Соединенных Штатов высечены слова: «Равенство перед законом». Это мертвые слова. В Америке часто повторяют злую побасенку о ферме, на которой все свиньи равны, только одни равны больше, а другие меньше.

«Не может быть равного правосудия там, где характер суда над человеком зависит от того, сколько у него денег»,— заявил как-то член Верховного суда Блэк. А его коллега Артур Голдберг только что опубликовал статью, в которой обстоятельно, пункт за пунктом доказал, что в Америке для богатых одни законы, для бедных — другие.

Неравенство начинается до суда. Блюстители порядка относятся с уважением к богатству и с подозрением к бедности. Поэтому бедного человека часто третируют как преступника до того, как он совершит преступление. Бедняков чаще арестовывают и осуждают за преступления, которых они не совершали. Богатого в следственные органы вызывают повесткой, бедного ведут в наручниках. Богатый нанимает адвокатов, экспертов, которые собирают и изучают все нужные для защиты факты, вызывают свидетелей.

Бедный человек часто даже не знает своих прав, и подсказать их ему некому. Обеспеченный человек обычно ждет суда на свободе, а бедняк за решеткой, и если суд в конце концов его оправдывает, то оказывается, что он отсидел год или два в тюрьме фактически только за свою бедность. У него не было денег внести залог.

В Америке до сих пор действует закон о бродяжничестве, который трактует бедность и отсутствие у человека работы как преступление. Все статьи уголовного кодекса, предусматривающие наказание денежным штрафом или тюремным заключением, по существу, предусматривают разное наказание: для тех, у кого есть деньги, — штраф, для тех, у кого их нет,— лишение свободы.

Если богатый совершил убийство, его признают невменяемым и освобождают; если преступление совершил бедняк, его отправляют на электрический стул.

Негритянский поэт Хьюз ничего не преувеличил, сказав: «Электрический стул — это мебель, предназначенная исключительно для бедняков и негров».

Зато апелляция в высшие инстанции, связанная с большими расходами, остается привилегией богатых.

Голдберг считает, что не только 10 миллионов американских семей, существующих на грани нищеты, но и более обеспеченные семьи не располагают средствами, необходимыми для организации защиты, если кто-либо из их членов обвиняется в серьезном преступлении.

Конечно, в Америке есть люди, которые видят неравенство, несправедливость и беззаконие. Ведь даже министр юстиции Роберт Кеннеди цитирует знаменитые слова Анатоля Франса: «Закон во всем своем величии одинаково запрещает как богатым, так и бедным спать под мостами Парижа!»

В конгресс внесены предложения устранить из судебной практики самые вопиющие проявления несправедливости к неимущим. Но даже если эта реформа будет принята, она не изменит существа дела, ибо она не затронет всевластия денег. Старая истина, что «нельзя посадить в тюрьму миллион долларов», останется в силе.

Законы и судебная практика только отражают общественные отношения. В классовом обществе, основанном на материальном неравенстве, не может быть равенства перед законом.

Об уродствах американской демократии можно рассказывать без конца. Например, о флибустьерстве, с помощью которого расистское меньшинство в сенате саботирует принятие закона о гражданских правах негров. Или о налоге на избирателей, для отмены которого потребовалось двадцать лет. Можно было бы взять любую из «гарантированных» свобод и обнаружить, что в жизни она выглядит совсем по-иному, чем на бумаге.

У американской демократии два вида пороков. Во-первых, ей присуща ограниченность, свойственная любой буржуазной демократии. Она не может, например, гарантировать права на труд. Законы «о праве на труд», которые существуют во многих штатах,— это антирабочие законы, разрешающие использовать штрейкбрехеров и полицию для срыва забастовок.

Во-вторых, существует множество рогаток, ухищрений и нагромождений, которые парализуют демократический процесс, ограничивают и уничтожают буржуазно-демократические свободы. В Соединенных Штатах есть люди, которые мечтают о правителе на белом коне и атакуют американскую демократию справа. Следует подчеркнуть, что прогрессивные силы Америки ведут сейчас борьбу не за уничтожение, а за восстановление буржуазной демократии. Важнейшей частью этой борьбы является движение за равноправие негров. О размахе этого движения можно судить хотя бы по тому, что за 1963 год было арестовано более 10 тысяч участников антирасистских демонстраций.

Жители Нью-Гэмпшира, проучив зарвавшегося ставленника самой черной реакции, тоже внесли свою лепту, пусть самую малую, в эту борьбу.

Свобода в „свободном мире"

Западные пропагандисты присвоили название «свободного» миру, где властвует капитал, где элементарнейшие права людей приносят в жертву сохранению господства человека над человеком. Вот какова «свобода» в этом мире.

Традиционное фашистское приветствие, тупые лица, горящие ненавистью глаза. Снимок сделан в наши дни.

После того, как мир пережил ужасы фашизма, кажется невероятным, что сейчас может легально существовать нацистская партия. И тем не менее в Соединенных Штатах такая партия существует. Американские нацисты провозгласили себя наследниками идей Гитлера и пытаются на практике проводить эти идеи. Недавно Вашингтон стал свидетелем наглой фашистской вылазки. Нацистская партия США устроила демонстрацию перед Белым домом. Полиция не помешала этому: ведь в США «демократия»!

Борьба за мир в Южной Корее приравнена к антигосударственной деятельности. Сеульские студенты протестовали против японо-южнокорейских переговоров, направленных на создание нового военного блока на Дальнем Востоке. Полиция ответила на это дубинками, слезоточивыми газами и арестами.

«Работы!» Одно лишь слово написано на этом плакате, с которым вышли на улицу французские рабочие. Может ли называться свободным то общество, где приходится бороться за возможность трудиться?!

Для кого существует свобода на Британских островах? Для американских военных, разместивших там свои базы, или для англичан, которые не хотят, чтобы их земля служила стартовой площадкой американских ракет? Снимок отвечает на этот вопрос достаточно ясно: английские полицейские арестовывают участников демонстрации около американской базы, расположенной под Лондоном.

Брюсу Кландеру было 27 лет. Сегодня его нет в живых. Стала вдовой его жена. Нет больше отца у его двоих детей. Американский священник Брюс Кландер погиб, раздавленный гусеницами бульдозера на строительной площадке в Кливленде. На этой площадке сооружали школьное здание. Брюс Кландер хотел, чтобы американские школы были свободны от язвы расовой дискриминации. Вместе со своими друзьями он участвовал в демонстрации, которая окончилась так трагически. Власти назвали его смерть «несчастным случаем». Но друзья Брюса по борьбе, вся честная Америка знают, что он пал жертвой американской «демократии».

Танганьика лишь недавно освободилась от колониального ига. Тем понятнее для ее народа муки, которым подвергают африканцев палачи Фервурда, главы полицейского расистского государства — Южно-Африканской Республики. На снимке изображена демонстрация жителей столицы Танганьики Дар-эс-Салама, требующих освобождения борцов за свободу в ЮАР.

Свазиленд — африканский протекторат Великобритании. Колониальные порядки, установленные в этой части Африки, держатся на силе английского штыка. Вот почему «томми», не уставая, тренируются в искусстве преследования патриотов и разгона народных движений. В колониях, еще сохранившихся на земном шаре, существует только одна «свобода» — свобода колониального грабежа.

Фото ТАСС, газеты «Юманите», журнала «Ньюсуик».

КРАН-КАТАМАРАН

Эволюция техники идет порой по удивительному пути. Столетия туземцы Океании бороздят южные моря на лодках-катамаранах. Для того, чтобы морская волна не опрокинула утлые суденышки, они делают дополнительный большой поплавок или соединяют два корпуса лодок общей палубой.

Этим заинтересовались инженеры-кораблестроители во всех странах и начали строить по тому же принципу двухкорпусные корабли.

Целый плавучий остров, громадный кран-катамаран сооружается на горьковском заводе «Красное Сормово». Этот удивительный кран сможет устанавливать огромные железобетонные блоки оснований для буровых вышек в Каспийском море. При его помощи можно будет монтировать самые различные сооружения.

Корпус катамарана состоит из двух кораблей, соединенных общей палубой. Плавучему острову не страшны сильные штормы, и он может выходить в море даже при ветре в девять баллов. В гигантских корпусах размещены машинное отделение, электростанция, мастерские. Не забыты и бытовые удобства — комфортабельные салоны и каюты для команды. А для того, чтобы избавить машинистов от необходимости карабкаться на высоту, в кабину крана ходит пассажирский лифт.

МИРНЫЙ АТОМ

В Нидерландах в городе Вагенингене вошел в строй атомный реактор. Он сооружен голландскими специалистами за 21 месяц. Назначение реактора — облучение нейтронами растений и семян. Камера для облучения площадью в 35 квадратных метров расположена под реактором. В ней создается искусственный климат: температура, влажность и освещение могут регулироваться по заказу ученых.

Во время облучения камера закрывается тяжелыми бетонированными дверями, а наблюдения ведутся при помощи телевизионной системы, управляемой на расстоянии. Мирный атом позволит исследователям создавать более урожайные сорта растений.

ПРОБКОВЫЙ ЛИНОЛЕУМ

Сарлон — так называется новый звукоизолирующий материал для покрытия полов, изготовленный одной из французских фирм. По внешнему виду он напоминает линолеум на пробковой основе. Пробковая прокладка делает его хорошим звукоизолятором. Основа надежно скреплена с верхним слоем, пропитана полимерами.

КРУГЛЫЙ «НАУТИЛУС»

В Японии разработан проект подводного корабля в форме диска. Эта подводная лодка должна погружаться на глубину до 10 километров и сможет довольно долго там находиться. Специальные фильтры, сконструированные профессором Осака, будут снабжать экипаж корабля воздухом, полученным из воды.

Движение судна напоминает движение вращающейся вокруг своей оси тарелки, брошенной фокусником. Экипаж должен находиться в центральном отсеке, ибо центробежные силы при ходе корабля просто сшибут с ног всех находящихся на периферии.

Назначение круглого «Наутилуса» — исследовательские работы на больших морских глубинах.

УРАН ЛОВИТ ПОЖАРЫ

Организация «Электро-Троникс» в Соединенных Штатах Америки разработала оригинальное устройство для предупреждения пожара. Оно состоит из камеры, более чувствительной к частицам дыма, чем к теплу. Это позволяет предотвратить начинающийся пожар еще до появления пламени.

В камере имеется пластинка, покрытая тонким слоем урана. Едва в камеру попадет частица дыма, как мгновенно происходит ионизация газа между пластинкой и корпусом камеры. Импульс усиливается. Специальное устройство подает сигнал: «Пожар!»

ДОЖДЬ ВМЕСТО ПРИМАНКИ

При ловле тунцов в экваториальных водах рыбаки советского судна «Нора» запустили дождевальную установку. Почему? Оказалось, что звук капель, падающих на морскую гладь, напоминает тунцам всплески маленьких рыбок, служащих им пищей. Обманутые тунцы стали подниматься из глубины ближе к поверхности. Их уже ждали рыбаки.

КОРОВА ЕСТ ВОДОРОСЛИ

Новая отрасль промышленности рождается в Норвегии — переработка морских водорослей. Высушенные, измельченные в муку, они идеальный корм для скота.

Предполагается, что со всей прибрежной линии страны с ее заливами-фьордами можно будет собирать до 100 тысяч тонн сырья.

УСПЕХИ СВЯЗИ

Интересный способ связи открыт недавно двумя американскими физиками.

При помощи инфракрасного луча, посланного на расстояние 50 километров, они смогли транслировать передачи радио и телевидения. При этом затрата энергии составила 0,005 ватта — в полторы тысячи раз меньше, чем энергия обыкновенной лампы-вспышки.

ГЛУБИННЫЙ БУР

Ученые многих стран работают над проектами проникновения в тайны подземных глубин. Раскрытие этих тайн позволило бы ответить на вопросы, как произошли континенты, океаны, горы, в чем причины землетрясений, как образуются рудные полезные ископаемые.

Один из проектов американский — создание атомного бура для исследования земной коры. Речь идет об атомном реакторе диаметром всего 60 сантиметров, в котором температура будет достигать 1 100°С. Атомная игла будет расплавлять породы на своем пути, это позволит достигнуть глубины около 32 километров.

КОРОТКИЕ СТИХИ

Павел ЕЛФИМОВ,
мастер завода «Фрезер»

Здравствуйте!

Это слово дороже золота,
светоносней стекла!
И не зря оно вечно и молодо —
им душа тепла.
И несем мы друг другу
навстречу
на губах эту искорку речи.

Юношеское

Уделите внимание мне —
рядом со мной присядьте.
Я сегодня вас видел во сне
в вашем легоньком ситцевом
платье...

Только снова вы мимо прошли!
Я остался опять
непримеченным...
Но щепотку счастливой земли
поднял там, где ступали вы
вечером.

* * *

Мне говорят: уйдешь с завода,
стиху отдав огонь души.
В поэты выйдешь из народа —
пиши, пиши.
Пиши, пиши...

Я слышу это и краснею:
— Вы что, ребята? Иль в бреду?!
Поэзия! Шагать нам с нею:
она и труд в одном ряду!

О деньгах

Иные за деньги в могилу лягут.
А мне бы душистую пригоршню
ягод!
А мне бы краюху пшеничного
хлеба
и жаворонком поющее небо!..
Еще бы людей мне хороших
рядом,
побольше друзей мне,
а денег не надо.

Сибирское Баку

Микуль ШУЛЬГИН

Кандальника с песней кандальной
Встречала, добра не суля,
Венчала с могилой недальней
Острожная наша земля.
Богам и чертям незнакома,
Седела зимой от обид...
Сегодня в саду окружкома
Ильич озаренный стоит.
А мы за делами своими
Забыли кандальный напев...
А ныне в деревне Шаиме
Тяжелая хлынула нефть!
Пески возле вышки набрякли
В пролившейся черной реке.
И радужно светятся капли
На смуглой хантыйской руке.
Все горе они перевесят,
Недаром припомнился мне
Герой наших сказок и песен
Могучий и добрый Танье,
Мечтавший о жизни свободной,
Радевший о счастье людском,
Делившийся хлебом с голодным,
Сражавшийся насмерть с врагом.
Мы ищем, и пашем, и строим,
Мы будим тайгу и поля.
Мне кажется: кровью героя
Сегодня нам платит земля.
Пусть буры вгрызаются в недра,
Машины рычат на бегу,
И вышки звенят, словно кедры,
Над новым сибирским Баку!

Перевел с хантыйского
Владимир Костров.

Утро в горах

Анатолий БОРЦОВ

Еще на темных склонах стынут ели,
И различишь тропинку не везде...
Еще меж скал, колеблясь еле-еле,
Горит звезда в сиреневой воде...
Еще внизу, угадываясь смутно,
Ползет с полей предутренняя мгла.
А высоко в горах играет утро,
Купаясь в реках света и тепла.
Сошел козленок в лог к ручью напиться,
Стоит и пьет певучий алый сок.
И чуть хрустит под легоньким копытцем
Струей подмытый утренний ледок.

г. Фрунзе.

Михаил НАЙДИЧ

* * *

В звучанье мажорном,
С подъемными кранами,
В страданье тяжелом,
В разлуке и в трауре,
В березках и ясенях,
С зелеными космами,
По-вешнему ясную,
И в море и в космосе,
В боях, в наступленьях,
В фуфайке и кителе —
И лишь на коленях
Россию не видели!

г. Свердловск.

Светло, радостно!

Время было серое, неуютное. Февраль нервничал, вихрем носился по переулкам и подворотням Москвы, наметал сугробы в скверах, неожиданно раскисал оттепелью. А в Выставочном зале Союза художников РСФСР на картинах художников Башкирии стояла ясная, уравновешенная, румяная погода — Урал сразу во всех временах года.

Красота доброй и суровой, богатой и щедрой земли Башкирии предстала в картинах ее талантливого живописца Александра Бурзянцева. Молодой пейзажист нашел свои особенные краски — густые, сочные, жаркие, — чтобы высказать восторженную влюбленность в родной край.

— Нельзя не полюбить землю, на которой родился и вырос, которая для тебя начало всего, — говорит Александр Бурзянцев.

В родной деревне Ново-Преображенское научился художник понимать красоту, впервые взял в руки кисть. Уезжал отсюда только на несколько лет в Пензу учиться живописи у замечательного мастера, доброго наставника И. С. Горюшкина-Сорокопудова.

Вернувшись по окончании училища в родную Башкирию, Александр не узнал ее: словно прибавилось вокруг красок, раздвинулись горизонты. Со склонов каждого холма открывалась бесконечная воздушная перспектива. Ставь мольберт и пиши «Новый дом», что, сияя, высится среди одноэтажных бревенчатых построек. Бурые, золотые, зеленые поля, размеченные вехами телеграфных столбов, водонапорных башен, синими и красными точками комбайнов, тракторов. Старый город, где уже сжились древняя зубчатая стена, колокольня, золотые купола храма и бетонные башни технологических установок завода Большой химии. Жизнь строит новое и бережет красоту, возведенную прадедами...

В путешествия по районам Башкирии Александр Бурзянцев отправляется часто вместе со своим сверстником и другом Ахматом Лутфуллиным. Художники тогда не только пишут этюды; они рассказывают о своей работе, организуют маленькие выставки, помогают украсить колхозный клуб.

Встречи с колхозниками — для Ахмата особая радость: ведь он портретист. Свои произведения посвящает людям, живущим на прекрасной земле, воспетой его другом.

В портретной галерее земляков есть у Лутфуллина первооткрыватель Сибайского рудника — кряжистый, мудрый Худайбердин-Бабай, мать-героиня Ишмурзина — воплощенная доброта и спокойствие, ударница коммунистического труда Галия Иммухаметова — в таких, как она, будущее края. А еще студенты, школьники, художники, музыканты, красавицы-девушки. Словом, добрый, сердечный, трудолюбивый, талантливый народ Башкирии.

Создавая эту галерею, Ахмат Лутфуллин не только изучает биографии людей, всматривается в их лица, но и пишет родной пейзаж, слушает песню народного музыканта-кураиста или сказку, сбереженную для внуков старой башкиркой.

Настоящее искусство должно уходить корнями в народное и прекрасное!

Эльвира ПОПОВА

Шатра ШАТИНОВ

После многих лет, после всех тревог
Я опять пришел на родной порог;
Я в огонь родимый гляжу опять;
За стеною ночь, а со мною мать.

И на цыпочки привстает огонь,
И едва-едва достает огонь
Детским пальчиком нежным до нижнего
Круга юрты — самого ближнего.

И кумыс я пью, и табак курю,
И, дымя, дремлю, и в огонь смотрю, —
То погаснут угли, то вспыхнут вновь,
И под кожей дров пробегает кровь.

Мать ячмень варит, шевелит рукой,
Шевелит другой, словно ткет огонь;
Десять пальцев рядом со мной снуют,
Десять пальцев песнь обо мне поют.

И смеются пальцы и плачут в лад,
А уста — ни звука. Уста — молчат.

Перевела с алтайского
Н. МАТВЕЕВА.

А. Лутфуллин. ПОРТРЕТ МОЛОДОЙ БАШКИРКИ.

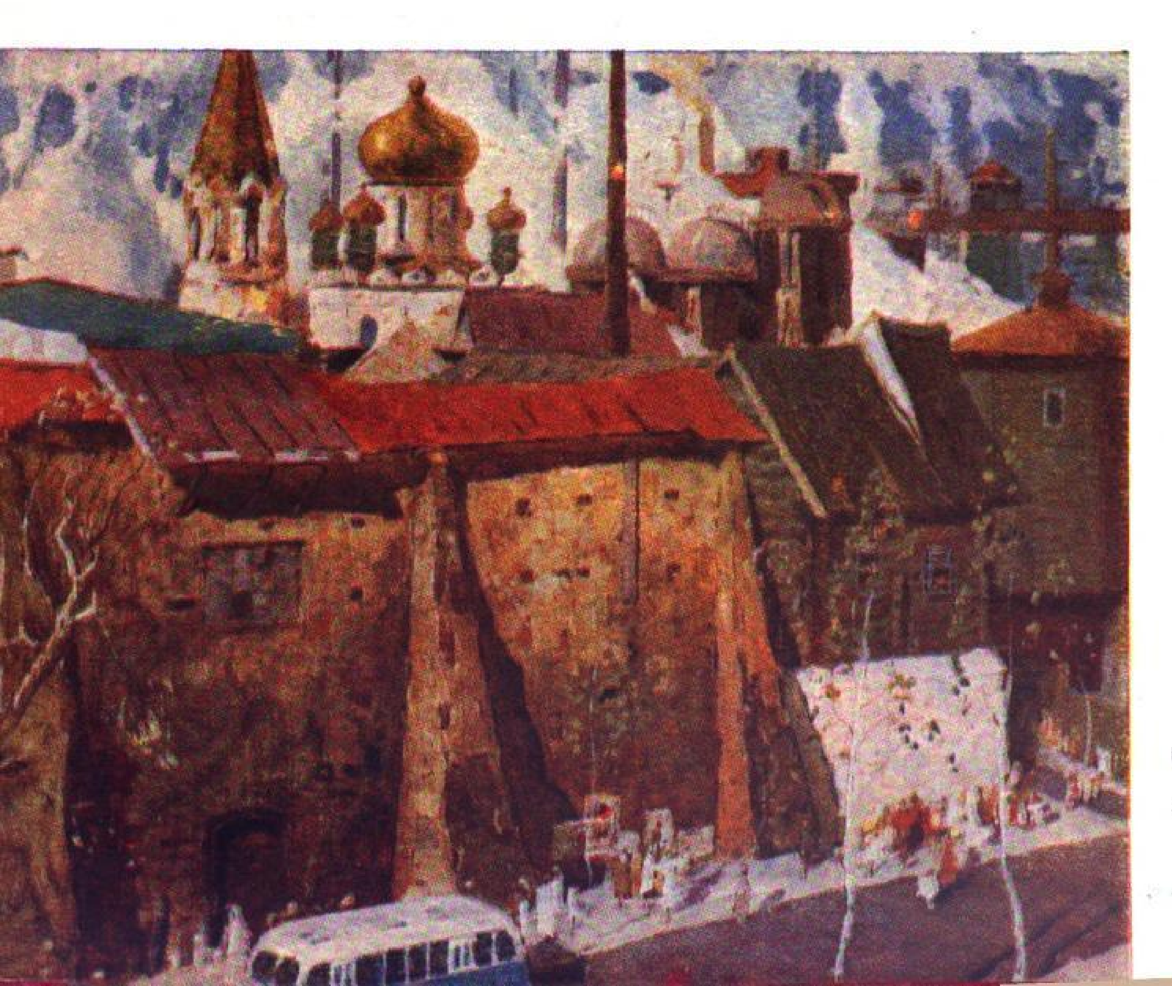

А. Бурзянцев. ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ.

Художественный фонд **РСФСР.**

А. Бурзянцев. НОВЫЙ ДОМ.

Государственный Русский музей.

В СТАРОМ ГОРОДЕ.

Художественный фонд РСФСР.

Шумит над границей ветер

Отлично несет службу рядовой Герман Розанов.

Фото Б. Кузьмина.

Анатолий МАРЧЕНКО

Шумит над границей ветер, ведет рассказ о былом и настоящем — о рубежах Родины, политых кровью отцов, о рубежах, надежно хранимых сыновьями.

Андрей Коробицын. Алексей Лопатин. Николай Шнырииков. Анатолий Михайлов. Владимир Астафьев. Разные времена, но какие схожие подвиги!

Дозорные тропы переднего края... Шестьдесят тысяч километров лесов и озер, пустынь и гор, тайги и морской стихии. Нет и не будет им покоя, пограничным тропам, по-фронтовому настороженным. Здесь, на этих тропах, люди в зеленых фуражках первыми видят, как загораются в небе веселые звезды и как они тихо гаснут на рассвете. Первыми встречают врага.

1

Заставы — как люди. У каждой свое лицо, своя биография, своя слава. Когда на границе в схватке с врагом погибает герой, застава навечно берет себе его имя. И герой навечно остается в строю.

Эта застава еще совсем недавно была безымянной...

Пограничник припал к пулемету. Над спящим лесом насторожено застыла луна. Тихий шорох. Шаги. Треск сучьев. Автоматная очередь. Бандиты!

Пограничник припал к пулемету. Пулемет ожил. Он стрелял до последнего патрона. Бесновались соловьи. Проснулся лес. Луну сменило солнце.

Его подвели к двум тонким высоким деревьям, смотревшим в небо. Пригнули их к земле. Крепко привязали веревками ноги к гибким верхушкам.

— Ты коммунист? — спросили его.

— Раз пограничник, значит, коммунист, — ответил он.

Главарь банды поднял короткую мясистую руку.

Деревья выпрямились.

Соловьи умолкли. Соловьи, соловьи...

Шла весна 1945 года...

Эта застава была безымянной. Теперь она носит имя ефрейтора Николая Шнырикова.

Заставы — как люди. У каждой своя судьба. И своя слава.

2

Сегодня у него праздник. Он становится майором. Это не так просто, это большая человеческая жизнь.

Только что зачитали приказ перед строем заставы. Только что окружали его те, с кем несет он свою нелегкую ношу, его солдаты и сержанты. Поздравляли, жали руку. Он видел их искреннюю радость. Он смотрел в их смеющиеся глаза.

А сейчас надо приделать к гимнастерке погоны. И он расстанется с четырьмя маленькими звездочками на каждом погоне, к которым привык, как привыкают к звездам на небе. Он станет майором.

Это произойдет сейчас, через несколько минут. И вдруг...

— Застава, в ружье!

Он выбегает на крыльцо. Поисковая группа построена. Пограничники садятся в вертолет. Проснувшаяся птица словно нехотя отрывается от земли.

Вихрь песка окутывает людей. Вертолет приземляется. Вперед! Пусть сушит горло горячий воздух. Вперед!

— Это здесь, — говорит он.

В юности он много раз смотрел фильм «Тринадцать». Его снимали как раз в этих местах.

Знакомые кадры: пустыня, песок. Десять красноармейцев. Командир. Его молодая жена. Старик геолог. Тринадцать...

Да, сейчас вертолет, автоматы, техника. Но люди, до чего же схожи люди!

Он уже майор. Но на плечах его все еще капитанские погоны. По четыре звездочки на каждом. До тех пор, пока не будет задержан нарушитель границы.

3

Эту заставу трудно представить себе без Вовки. Кто бы ни появился тут из гостей — офицер из отряда, местный житель или командированный, — он тут как тут. Пристукнет стоптанными каблучками порыжевших ботинок и, четко откозыряв, рапортует:

— Старшина Волчков по вашему приказанию прибыл!

Старшинские погоны носит его отец, но Вовка считает, что воинское звание «старшина» в одинаковой степени принадлежит и ему. Все эти годы он провел на заставе. Солдаты смеются: у Вовки уже немалая выслуга. Они любят спрашивать его:

— Старшина Волчков! Место вашего рождения?

И Вовка отвечает весело и гордо:

— Пограничная застава!..

В ленинской комнате заставы — доклад. Название его для Вовки непонятно: «О развитии советской ядерной физики». Послушать доклад Вовку затащил приезжий подполковник.

И вот они сидят рядом, а думают о разном. Подполковник с уважением смотрит на молодого парня в хлопчатобумажной гимнастерке, который неторопливо и немного смущенно рассказывает об атомах, синхрофазотронах, реакторах, смотрит и вспоминает собственную юность.

В свое время он был таким же молодым, но с докладами не выступал по той простой причине, что едва начинал постигать грамоту. Политрук показывал ему большую, вырезанную из картона букву и строго спрашивал:

— А это какая?

И будущий подполковник, немного помедлив, чтобы не ошибиться, отвечал:

— Это «Б».

— Правильно. А это?

— «Д».

— А теперь читай всю строчку.

— Бди-тель-ность.

— Молодец! — радовался политрук. — Главное пограничное слово читать можешь.

Все это было вроде не так уж давно. А сейчас он, подполковник, сидит и слушает доклад рядового пограничника, который пришел служить на заставу из аудитории института.

Вовка даже и не догадывается, чем заняты думы подполковника. Если бы его попросили прочитать какое-нибудь слово, он сделал бы это без запинки. Вот и теперь он шепотом читает надпись на телевизоре:

— «Рубин».

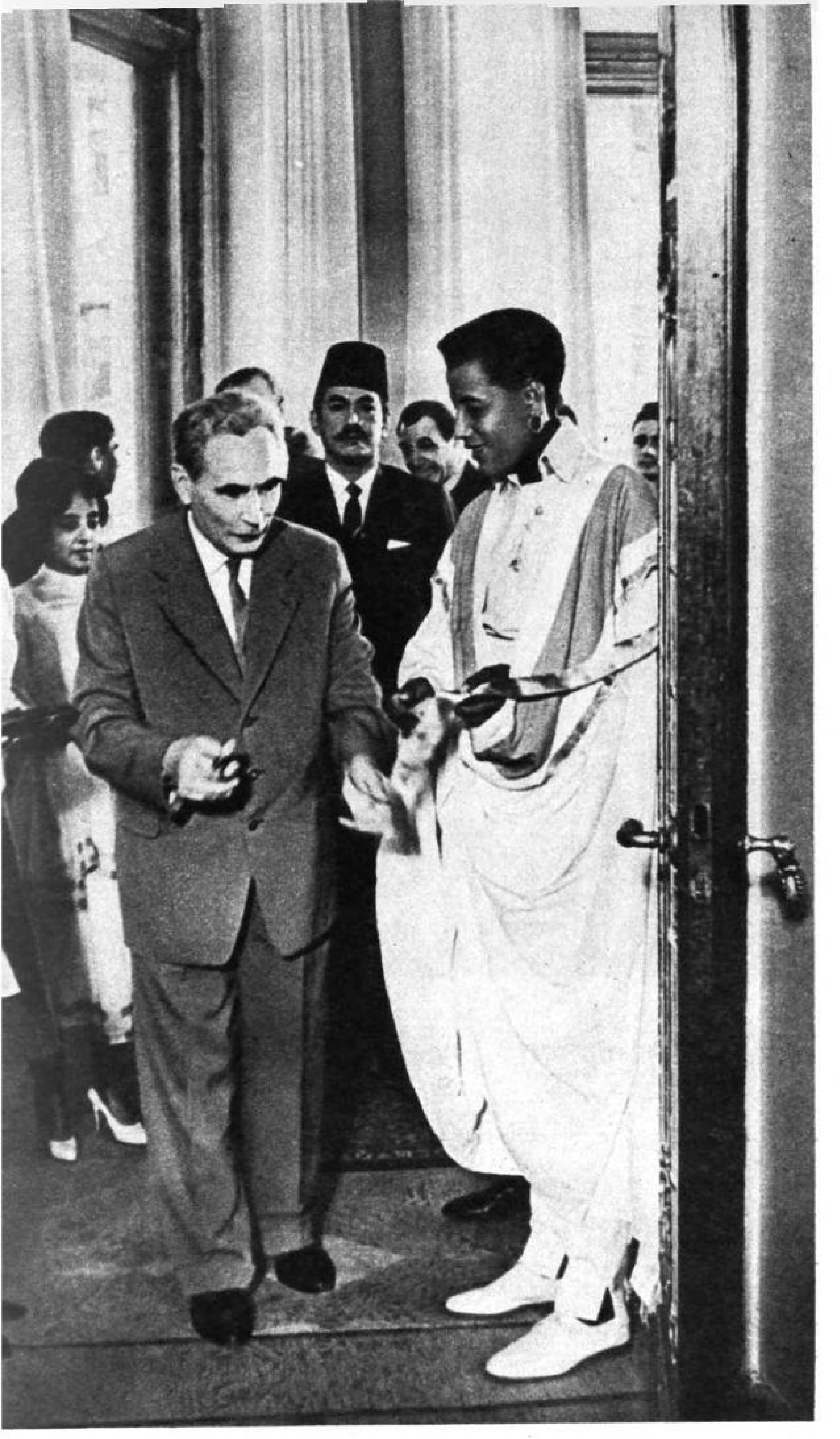
Вовка ждет не дождется, когда наконец включат телевизор, и не сводит своих маленьких сверкающих глаз с еще не ожившего экрана. Однако по всему видно, что доклад закончится не скоро.

Выбрав удобный момент, Вовка исчезает. Но не проходит и пятнадцати минут, как он, распахнув настежь дверь, появляется на пороге и восторженно кричит:

— Эх, вы! Сидите тут, а там спутник запустили!

...Шумит над границей ветер. Ведет рассказ о минувшем и настоящем. И с далеких застав доносит до самого сердца Советской страны мужественные голоса старших пограничных нарядов:

— Есть выступить на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!

Народный художник СССР П. Корин открывает выставку А. Текле в Доме дружбы.

Мэскоб, Афеворк Текле!

Светлана КАПЕЛУШ

Фото Ю. Кривоносова и С. Васильницкого.

Малыш рисует палочкой на песке. Никто в мире не догадывается, что палочка в руках у него совсем не простая, а волшебная, что пройдет время и его рисунки, «услышанные сердцем», станут близки и понятны людям. Картины заставят людей вспоминать прошлое, думать о будущем, любить природу, все прекрасное.

Еще Гомер и Геродот писали о могущественном государстве, расположенном «на краю земли»...

В сознание людей моего поколения Эфиопия особенно памятно вошла в 1935 году, когда газеты рассказали нам о преступлениях итальянских фашистов.

Командиром одного из героических эфиопских отрядов был Текле. Дома, в провинции Тигре, ему пришлось оставить маленького сынишку Афеворка, который родился за три года до войны, 22 октября 1932 года.

Однако больше им встретиться не пришлось. Мальчик остался один. Детство его было трудным. На память о днях итальянской агрессии у Афеворка осталось два следа: один на лице — шрам после ранения осколком бомбы, другой в сердце—острая, никогда не затухающая ненависть к войне.

Малыш все время рисовал. Когда ему исполнилось шесть лет, он уже был автором настоящих картин, нарисованных мелом и углем на стене родной хижины.

Шло время. Мальчик рос, учился, играл с другими ребятами, но Афеворк замечал то, что обычно ускользало от глаз его сверстников. Его пристальному и внимательному взору раскрывался чудесный мир прекрасных и удивительных вещей.

Его необычайная одаренность была замечена. Император Хайле Селассие I послал Афеворка учиться в Лондон. Сначала в школу искусств и ремесел, потом на факультет изящных искусств Лондонского университета. Семь долгих лет овладевал он секретами мастерства своей трудной профессии. Уже тогда на выставках можно было встретить некоторые его картины.

Но первая выставка работ Афеворка Текле была открыта в Аддис-Абебе в 1954 году, когда он вернулся на родину. Высоко оценили в стране талант молодого художника. Эфиопские газеты писали: «Работы Афеворка Текле — веха в культурном развитии Эфиопии».

Художнику нужно видеть и знать очень многое. Текле отправляется изучать сокровища мирового искусства, музеи, академии художеств. Греция, Италия, Франция, Испания, Португалия... Вернувшись через два года, Текле получает мастерскую, стипендию от государства и целиком посвящает себя творческой работе.

Диапазон его творческих интересов необычайно широк. Он работает как живописец, скульптор и график, выполняет многочисленные правительственные заказы по оформлению и украшению общественных зданий, делает эскизы почтовых марок, создает современный национальный костюм. Когда у него недавно спросили, почему он так многосторонен, Текле с улыбкой ответил: «У нас в Африке пока еще мало художников — нужно уметь делать все».

Сейчас Афеворком Текле уже создано более пятисот произведений. Его работы были представлены на многих выставках, они находятся в музеях и частных коллекциях ряда стран.

Основная тема всех работ художника—Эфиопия, ее люди, природа, ее легендарное историческое прошлое. Произведения Текле проникнуты огромной, страстной любовью к своей родине, которой он всегда гордится, которую он всегда воспевает.

Афеворк Текле создал такие монументальные произведения, как «Прибытие царицы Савской во дворец царя Соломона», конная статуя национального героя Эфиопии Раса Маконнена, витражи в военной академии в Хараре, мозаика и фреска в соборе св. Георгия в Аддис-Абебе. Интересно, что сюжет этой великолепной фрески далеко не религиозного характера: слева от алтаря изображен император Хайле Селассие I, стреляющий из пулемета, справа — представитель Эфиопии на трибуне Генеральной ассамблеи ООН.

В 1961 году Текле создает в Доме Африки в Аддис-Абебе знаменитые витражи площадью в 150 квадратных метров. Этот триптих «Африка в прошлом, настоящем и будущем» вынес славу художника далеко за пределы его родины.

По эскизам Текле были выпущены почтовые марки в ознаменование Первой конференции независимых государств Африки. Им также сделаны эскизы марок, посвященных завоеванию космоса. В последнее время художника все больше и больше увлекает живопись. Он пишет замечательные пейзажи. Очень выразительны его портреты.

Советские люди впервые познакомились с картинами Афеворка Текле в 1960 году в Москве на выставке современной живописи Эфиопии. Мы увидели тогда лишь пять работ: «Аида», «Городской пейзаж», «Этюд», «Натюрморт», «Портрет старой женщины». Особое внимание привлекла «Аида». В этом вдохновенном образе эфиопской женщины Текле стремился дать символ любимой родины.

Тем, кто видел тогда картины Текле, хотелось узнать как можно больше о творчестве славного певца Африки. И сам Текле часто говорил: «Моя мечта — устроить выставку в Москве, ведь это бастион реалистического искусства».

И вот давнишняя мечта художника исполнилась. В канун Первомая Афеворк Текле приехал в Москву.

Рано утром задолго до начала первомайского парада пришел он на Красную площадь. «Парад и демонстрация произвели на меня громадное впечатление. В этом грандиозном празднике участвовал океан народа с единым чувством. Все люди на земле должны вот так же дружить друг с другом, понимать друг друга, встречаться с открытым сердцем».

Страстно выступал Текле на собрании общественности столицы 5 мая, в День освобождения Эфиопии. Он говорил о мире, о дружбе народов Африки и Советского Союза. Афеворк был счастлив тем, что в СССР очень многие хорошо знают и любят его родину.

Дружба наших народов давняя и крепкая. Сведения о далекой африканской стране стали появляться в России более 700 лет назад. В Архиве Академии наук сохранилась выписка из журнала канцелярии от 2 ноября 1775 года. В ней говорится о том, что требу-

ется изготовить «абиссинские или эфиопские слога» для «Российской грамматики», созданной Михаилом Ломоносовым. С 20-х годов XIX века эфиопский язык изучается у нас в университете. Много русских экспедиций изучали природу, историю, этнографию этой древнейшей страны. Фонды Музея антропологии и этнографии Академии наук в Ленинграде и Музея антропологии МГУ содержат богатые коллекции, собранные участниками русских экспедиций в Эфиопии.

Афеворк Текле с большим уважением относится к культуре нашего народа. Он очень любит Толстого и Достоевского, и просто поражаешься, когда он рассказывает чуть ли не наизусть любимые отрывки из «Войны и мира». С юношеских лет он восхищается музыкой стихов Пушкина и Лермонтова.

Художник много слышал и читал о русском балете у себя на родине. Ему хорошо известен талант Галины Улановой. А с Екатериной Максимовой он познакомился впервые в Москве. Это знакомство было тем приятнее, что она член правления Советской ассоциации дружбы с народами Африки, пригласившей эфиопского художника в СССР.

«Я посмотрел «Спящую красавицу» и «Лебединое озеро»,— говорит Текле.— Красота вашего балета в сочетании с волшебной музыкой Чайковского меня очаровала. Для меня,— продолжает он,— было большим счастьем посетить Третьяковскую галерею, познакомиться с русской живописью. Я считаю Репина одним из своих учителей: ведь я реалист».

«Я побывал в одном из старейших учебных заведений — Высшем художественно-промышленном училище,— сообщает Текле.— На меня произвели впечатление высокий уровень преподавания и то, что студенты выполняют работы по заказам. Я видел проект оформления Дворца культуры рыбаков на Дальнем Востоке. Прекрасная работа! И студенты трудятся над ней с чувством гордости: ведь они выполняют общественно полезное дело. Я это особенно хорошо понимаю, так как у меня тоже есть ученики—и школьники и студенты. Кроме всего, я преподаю в университете Аддис-Абебы на факультете искусства. Посмотрев вашу «Строгановку» и Хореографическое училище при Большом театре, я решил, приехав домой, добиваться, чтобы наиболее одаренных молодых людей посылали туда учиться».

11 мая в Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран открылась выставка работ Афеворка Текле. Во время торжественного открытия замечательный эфиопский художник сказал:

«Я не собираюсь объяснять различные аспекты своих картин: они сами расскажут о себе. Мне лишь хочется сказать, чему я посвящаю выставку.

Прежде всего свободолюбивому народу Советского Союза и эфиопскому народу. Всем тем, кто погиб, чтобы мы жили, и тем, кто родится. Тем, кто борется за свою свободу, против иностранной интервенции.

Художникам всего мира, и в первую очередь художникам Африки.

И вообще всем людям творчества».

На выставке представлена лишь небольшая часть произведений, созданных Афеворком Текле. Однако выставка дает представление о характере и диапазоне творчества талантливого художника Эфиопии.

Выставленная картина «Цветок Маскаля» удостоена национальной премии. Впервые представил художник недавно законченную работу «Мать Эфиопия», олицетворяющую образ его горячо любимой родины.

Много теплых слов записано на выставке в книге отзывов. Вот один из них:

«Выставка превосходна, особенно эскизы к витражам и эскизы к почтовым маркам. Прекрасны портреты. Желаю нашему другу доброго здоровья и творческих удач.

Народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Ленинской премии Павел Корин».

От имени всех людей, познакомившихся с творчеством художника, хочется сказать ему: «Мэскоб (что значит по-амхарски «хорошо»), Афеворк Текле!»

Афеворк Текле.

«Я с нетерпением ожидаю новых встреч с художниками, особенно с Сарьяном, о котором я так много слышал»,— говорил Текле перед отъездом в Армению.

В его планы входит также знакомство с Ленинградом, где он, конечно, мечтает в первую очередь посетить сокровищницу мирового искусства — Эрмитаж.

Когда я спросила у Афеворка, что отличает, по его мнению, Москву от других городов, художник ответил:

«Люди. Я очень много слышал о гостеприимстве русских, но встретился с ними впервые. Вы принимаете всех гостей с открытым сердцем, очень дружественно. Вы поражаете своей теплотой и серьезным отношением к искусству.

И еще. Я восхищен вашими березками. Только теперь понял, почему о них создано так много песен и стихотворений».

Всем читателям «Огонька» их искренний эфиопский друг просил передать:

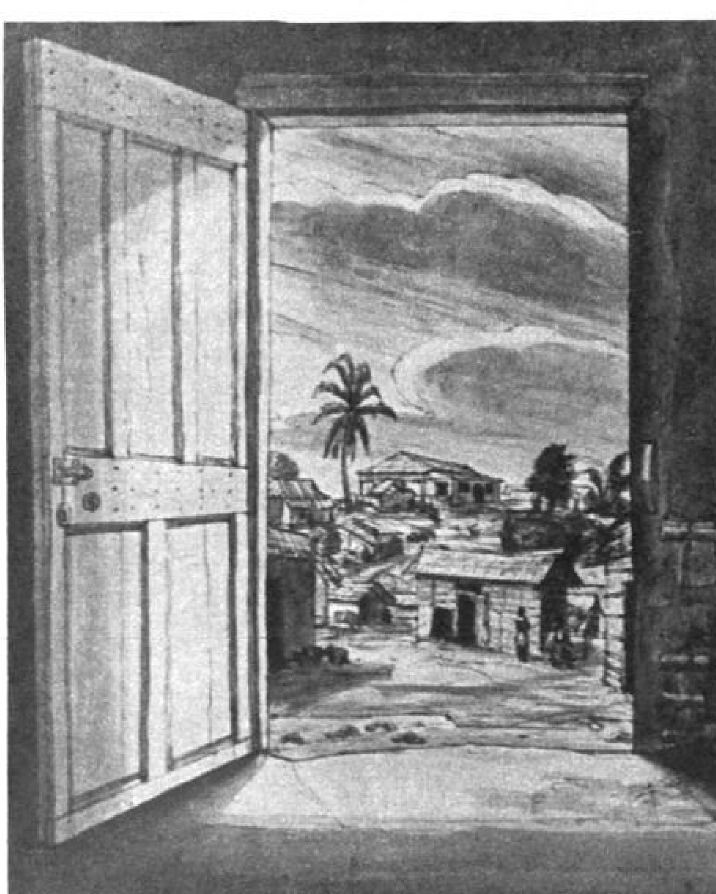
«Большая благодарность за теплоту, дружелюбие, гостеприимство. И за березки!»

«Цветок Маскаля».

Вид из хижины, где родился Кваме Нкрума.

«Мать Эфиопия».

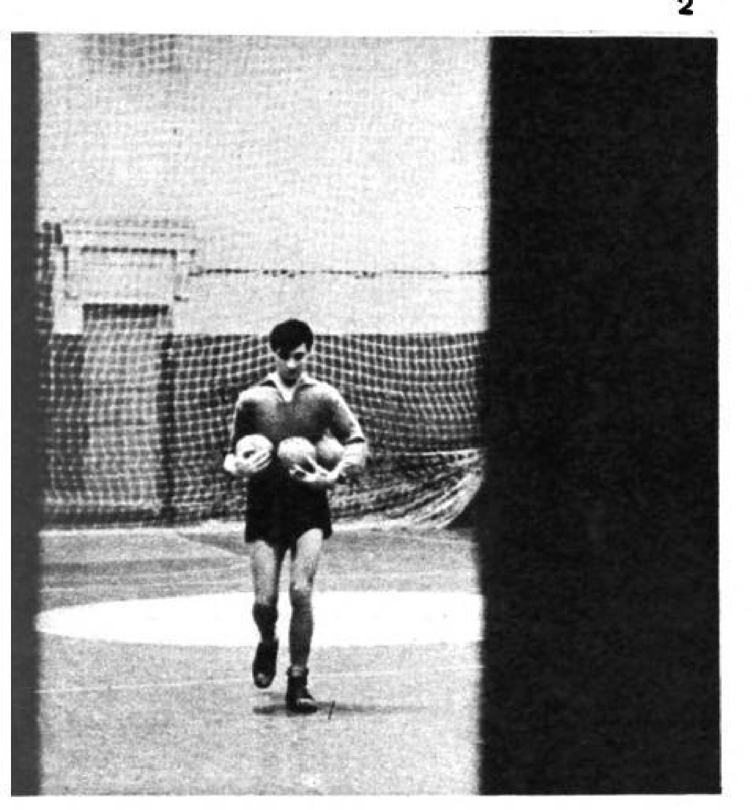

1

У ОСНОВАНИЯ ПИРАМИДЫ

А. КУЛЕШОВ, А. БОЧИНИН

2

О чем так воодушевленно, так заинтересованно рассказывает своим товарищам по работе этот молодой человек? Речь идет о спорте, и ведет эту речь Александр Сапига — рабочий завода «Запорожсталь». Познакомимся с ним поближе. Сапиге 26 лет. Он уже и в армии отслужил, и вечернюю десятилетку окончил, и в институт сейчас готовится. Саша — комсорг смены, член звена коммунистического труда огнеупорщиков. Как видите, немало уже успел в жизни этот человек, да и сейчас зря времени не теряет. И все же у него находится время и для спорта. Он окончил семинар и стал инструктором-общественником (фото 1). Сапига не только сам играет в заводской гандбольной команде, но и является ее тренером.

Как известно, на Украине, и в том числе в Запорожье, игра в ручной мяч пользуется большой популярностью, и поэтому третье место, которое заняла команда «Запорожстали» в городе, надо считать вполне почетным.

Тренер команды гандболистов первым приходит в спортивный зал. Надо подготовиться к занятиям (фото 2).

И вот началась разминка. Рядом со своими учениками мы видим и их воспитателя (фото 3, на круге справа).

Немало сил потратил Александр Сапига, пока вытренировал такого отличного вратаря (фото 4).

Наш спорт подобен пирамиде. На его вершине известные мастера и тренеры, а подкрепляют их те, кто образует фундамент этой пирамиды. Чем выше пирамида, тем шире должно быть ее основание. Таков закон строительства, таков закон спорта.

Десятки миллионов людей увлекаются в нашей стране физической культурой, и из их среды и выдвигаются наши замечательные спортсмены. Взять хотя бы один завод «Запорожсталь», где работает Александр Сапига. На этом заводе, спортивный клуб которого уже не первый год награждается Центральным советом Союза спортивных обществ и организаций за лучшие в стране показатели по массовой спортивной и физкультурной работе, имеется своя спортшкола, где занимается тысяча детей рабочих, и группы здоровья, занятия которых посещают 4 тысячи человек среднего и пожилого возраста. На заводе 52 мастера спорта, 384 перворазрядника и 919 инструкторов-общественников.

...Вот с одним из этих 919, Сашей Сапигой, вы сейчас и познакомились.

3

СЧАСТЛИВОГО ВАМ ПОПАДАНИЯ!

Сало ФЛОР, международный гроссмейстер, специальный корреспондент «Огонька»

Помните, как бушевали страсти в Московском театре эстрады год тому назад? У нас опять бы свирепствовала шахматная лихорадка, если бы не отменили матч-реванш. Раз отменили, Тигран IX, как его назвал М. Таль, мог спокойно отпраздновать день 20 мая, первую годовщину с момента его вступления на шахматный трон. До 1966 года никаких покушений на Т. Петросяна не произойдет. Но подготовка к таким покушениям на полном ходу. Символично, что именно 20 мая в Амстердаме начался шахматный фестиваль 24 победителей из 10 зон.

В Голландии говорят, что фактически играется два турнира: сильная советская пятерка разыгрывает турнир за три места, и остальные 19 участников борются также за три места, ибо, как известно, шесть человек победителей составят компанию М. Ботвиннику и П. Кересу в турнире претендентов в 1965 году. Как хорошо бы наши гроссмейстеры ни сыграли (если они даже займут все первые места!), трагедия неизбежна: двое выбывают из конкурса и должны уступить свои места иностранным участникам.

Прогнозы нашей пятерки? У всех абсолютно равные шансы на попадание и на вылет. Прежде чем обсуждать шансы иностранных участников, необходимо подробно остановиться на одном, который блистает своим... отсутствием,— Роберте Фишере.

Роберт Фишер неоднократно отличался за шахматной доской. Последнее его достижение — чемпионат США, который он закончил с «сухим счетом» — 11 : 0. Похоже на то, что шахматисты, проигравшие Фишеру, не удружили молодому чемпиону США.

Прошло несколько месяцев, и Бобби отличился своим отказом играть в межзональном турнире. Как? Почему? Причина отказа «засекречена»: не хочу, и все! В чем же заключается план Фишера, чем объяснить, что молодой чемпион не хочет стать чемпионом мира? О, еще как хочет! Но пока у него не получается, как показал турнир в Кюрасао (1962 г.).

Шумиха вокруг Бобби Фишера рассчитана на слабонервных конгрессменов в ФИДЕ. Может быть, найдутся такие доброжелатели, которые предложат допустить Фишера персонально в турнир претендентов или даже захотят, чтобы Фишера назначили, провозгласили чемпионом мира?! Нетрудно догадаться, что чемпион США, очевидно, считает потерей времени участвовать в межзональном турнире. Так или иначе, но факт остается фактом: советские гроссмейстеры и любители шахмат жалеют об отказе талантливого чемпиона США. Бесспорно, что с Фишером любой турнир интереснее, веселее, напряженнее.

Американская тройка — С. Решевский, Л. Эванс и П. Бенко — имеет прекрасные шансы занять хотя бы одно из трех кандидатских мест. С особенным интересом ожидается выступление С. Решевского, у которого за плечами солидный шахматный стаж — почти 50 лет! Давно бывший вундеркинд не играл в Европе!

Многие считают, что С. Глигорич «обязан» или «должен» попасть в шестерку. В Стокгольме (1962 г.) ему путь в Кюрасао преградили Л. Штейн и П. Бенко. Из прошлых претендентов отпал М. Филипп и поэтому Л. Пахман в Амстердаме постарается достойно заменить М. Филиппа. Много перца даст венгерское трио: Л. Портиш, И. Билек, Л. Лендьел. Особенно высоко расцениваются шансы Л. Портиша. Последнее его предупреждение очень веское — 2:0 с С. Глигоричем в матче Венгрия — Югославия. На выход в шестерку могут претендовать и Б. Ивков (Югославия), Б. Ларсен (Дания), Г. Трингов (Болгария), К. Дарга (ФРГ)...

К сожалению, в предстоящую борьбу внесла свои коррективы ФИДЕ: проведена искусственная жеребьевка, искусственная в том смысле, что в первых же турах участники одной страны обязаны встречаться друг с другом. Нам кажется, что подобная система оскорбительна для участников. Для зрителей и любителей шахмат такая жеребьевка имеет и тот недостаток, что финиш может оказаться менее интересным.

Участники разными средствами добираются до Амстердама. Одни предпочитают самолеты, другие поезда, а С. Глигорич со своим секундантом Трифуновичем приехали на своей машине, так же как Пахман из Праги. Любопытно, что первым из участников уже 8 дней тому назад в Амстердам прилетел Л. Эванс, заменяющий Фишера.

— Хорошо, что турнир начинается, а то я устал отвечать на вопрос: «Что такое с Бобби Фишером?» — заявил Эванс.

Кстати, еще немного о Фишере, если читателю это не надоело. Доктор Эйве мне показал копию договора, которую подписал Р. Фишер. В этом договоре чемпион США уполномочивает господина Бисно (он когда-то был президентом Шахматной федерации США и протежировал Решевскому) приложить усилия для организации матча между Фишером и одним из пяти ведущих советских гроссмейстеров, не исключая и чемпиона мира Т. Петросяна, если он не возражает. (Вот куда метит Бобби!) Матч может быть проведен в СССР, США или другой любой стране. Призовой фонд такого матча должен составлять восемь с половиной тысяч долларов, из которых победитель получает 80 процентов. Нетрудно догадаться, что самодовольный Бобби в таком матче победителем считает только себя и поэтому «выписывает» побежденному всего лишь 20 процентов.

Договор подписан им 19 апреля. Этот факт проливает свет на отказ Фишера от участия в межзональном турнире. Чемпион США полагает, что он не подчиняется строго разработанным правилам ФИДЕ. Ясно, что Фишер находится в заблуждении. Голландские газеты называют решение Фишера неблагоразумным.

Итак, тридцатипятидневная шахматная гонка началась. Счастливого вам попадания, гроссмейстеры!

Амстердам, 20 мая.

4

СОПЕРНИКИ ИЗВЕСТНЫ

А. ПЕРЕЛЬ

До финальных игр VIII чемпионата мира еще далеко, но в национальных федерациях и в спортивной прессе прогнозам уже нет числа. Их поток особенно усилился после того, как 30 января в Цюрихе организационный комитет ФИФА произвел жеребьевку и распределение команд по группам. Отныне все стало на свое место: известны соперники, сроки проведения отборочных игр.

В борьбу за кубок Жюля Риме вступит 71 команда (рекордное число), распределенная на 16 отборочных групп. Бразилия, как чемпион мира, и Англия, как организатор финала, завоевали право сразу играть в финале.

Мне кажется, что в первой европейской группе (Болгария, Бельгия, Израиль) возможности Болгарии и Бельгии одинаковы, но по результатам прошлого года предпочтение нужно отдать бельгийцам.

Задача со многими неизвестными — вторая группа (ФРГ, Швеция, Кипр). И все же, если положить достижения 1963 года первых двух команд на чаши весов, думается, что мастерство шведов перетянет успехи воспитанников З. Гербергера, бывшего многолетнего старшего тренера сборной команды ФРГ.

В третьей группе (Югославия, Франция, Люксембург, Норвегия) за путевку в Англию борьба будет происходить между сборными командами Югославии и Франции. Пока в их почти 40-летнем споре на высшем уровне преимущество на стороне футболистов Югославии. Однако победы французов над сборными Англии и Болгарии (вторая встреча), а главное, ввод в команду способной молодежи — свидетельство того, что перед югославами стоит трудная задача.

Вторые призеры VII чемпионата мира — чехословаки — попали в четвертую группу вместе с командами Португалии, Румынии и Турции. Это, пожалуй, самая равная по силам группа. Любая из команд этой группы может оказаться в числе шестнадцати финалистов. Я же думаю, что ею станет португальская команда, в которой нападение возглавляет игрок сборной команды мира Эусебио.

В пятой группе (Швейцария, Северная Ирландия, Голландия, Албания) победителями, надо полагать, будут футболисты Северной Ирландии, многие из которых играют в профессиональных коллективах Англии.

Венгрия, Австрия, ГДР попали в шестую группу. Многолетние противники, прекрасно изучившие друг друга, видимо, «пошлют» своим представителем на берега Темзы футболистов Венгрии, но борьба у спортивных друзей будет острой и напряженной.

Бесспорный фаворит в седьмой группе, по единодушному мнению всех специалистов,— это команда Советского Союза, выступающая совместно с Данией, Уэльсом и Грецией. На высшем уровне датские и советские футболисты встречались дважды в 1956 году. Обе встречи, в Москве и Копенгагене, выиграли советские спортсмены — 5 : 1 и 5 : 2.

В восьмой группе (Италия, Шотландия, Польша, Финляндия) победа итальянцев не вызывает сомнений, хотя для преодоления шотландского барьера итальянцам надо будет приложить немало усилий и мастерства.

Итак, жребий брошен, борьба начинается. Как же важно именно сейчас учесть ошибки и промахи прошлых лет и сделать правильные выводы! А мы этих правильных выводов из уроков стокгольмского турнира, к сожалению, не сделали и в 1962 году вновь очутились у разбитого корыта, разыграв, как говорят шахматисты, чилийский вариант не лучшим образом.

Несколько параллелей, ибо истина познается в сравнении. В VI шведском финале советские футболисты участвовали впервые и по жребию играли в группе с командами Бразилии, Англии, Австрии, то есть с сильнейшими командами мира. Кроме того, из-за существовавшего в 1958 году турнирного положения сборной команде СССР пришлось провести дополнительную встречу с англичанами за право выхода в четвертьфинал.

Четыре напряженные игры за девять дней с лучшими мировыми командами! Испытание было тяжелым. Но советские футболисты выстояли, несмотря на то, что игры проходили через день. Только в четвертьфинале сказалась усталость, и мы проиграли шведам.

Но вот наступил 1962 год, и вновь спортсмены Советского Союза не сумели преодолеть четвертьфинальный барьер и выйти на финишную прямую. Проиграв чилийцам, сборная команда СССР выбыла из дальнейшей борьбы.

Почему снова неудача? После поражения 1958 года вся наша футбольная общественность пришла к единодушному выводу, что продолжительные тренировки сборной сыграли отрицательную роль в воспитании спортсменов. Эта форма подготовки оказалась порочной. Однако, когда наступила пора готовиться к VII первенству мира, все осталось по-старому. Более того, длительность сборов в отрыве от своих команд возросла во много раз.

Вторая немаловажная ошибка заключалась в том, что при подготовке к чемпионату мира мы избегали встреч с сильными противниками на уровне сборных команд. За два месяца 1962 года первая сборная команда СССР провела одиннадцать товарищеских встреч, из коих только три — с сильными противниками. В итоге мы выиграли восемь встреч и три закончили вничью. Лучше было бы проиграть все восемь товарищеских игр, но выиграть одну — у Чили.

Стоит ли ворошить старое? Да, стоит. Осмыслить старое нужно для того, чтобы не оказаться в третий раз за бортом призеров VIII первенства мира.

Успешно прошла Донская музыкальная весна. В Ростов прибыла группа композиторов Москвы и других городов во главе с Первым Секретарем Союза композиторов РСФСР, лауреатом Ленинской премии, народным артистом СССР Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем.

В окрестностях города состоялась встреча Д. Д. Шостаковича с Михаилом Александровичем Шолоховым.

— Я очень рад этой встрече,— сказал Михаил Александрович.

Завязалась оживленная творческая беседа. Речь шла о путях дальнейшего развития современной музыки, о советской опере. Д. Д. Шостакович рассказал писателю о том, что начал работать над оперой «Тихий Дон». Шолохов подчеркнул, что для него это является большой честью.

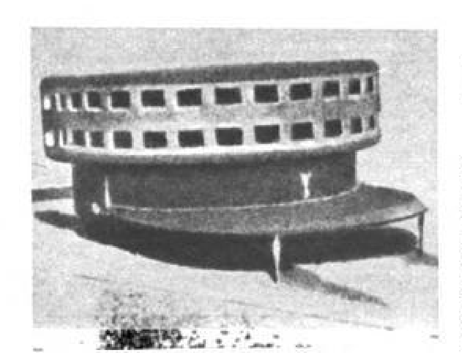
На снимке: М. А. Шолохов и Д. Д. Шостакович.

Фото Б. Каралкина.

Журналу «Театр» исполнилось двадцать пять лет. На чествование, которое состоялось в Центральном Доме актера, собрались драматурги, театральные деятели, читатели. Много теплых слов было сказано в адрес журнала, глубоко профессионально и в то же время с молодой увлеченностью поднимающего на своих страницах дискуссионные вопросы актерского мастерства, исполнительства, по-боевому отстаивающего позиции социалистического реализма советского театрального искусства. Коллектив журнала заботится о поисках новых форм подачи материала, о привлечении самого широкого авторского актива.

На снимке: Председатель Совета ВТО М. И. Царев поздравляет главного редактора журнала «Театр» В. Ф. Пименова.

НЕОБЫЧНЫЙ ПАМЯТНИК

В югославском городе Крагуеваце решили построить здание несколько необычной формы — в виде ученической фуражки. Белградский архитектор Йован Йованович предложил такой проект, чтобы увековечить память учеников старших классов крагуевацкой гимназии, зверски расстрелянных гитлеровскими оккупантами 21 октября 1941 года. В этом доме будут отдыхать учащиеся во время каникул.

Ветеран парка

Маленьким деревцем стояла эта липа, когда в 1839 году создавался ботанический парк в Сухуми. В 1877 году парк уничтожили вторгшиеся в город турецкие янычары. Была срублена и липа. Но дерево не погибло и начало вторую жизнь: от его корней пошли молодые побеги.

Тысячи деревьев украшают сегодня Сухумский ботанический сад. И среди них гордо возвышается пышная кавказская липа — ветеран парка.

С. ГРИГОРЬЯНИ

Первый житель

Город Мурманск очень молодой: он возник лишь в 1915 году. Свое название он получил от слова «мурман», что в переводе с языка местных коренных жителей — саамов — означает «край лесов и озер». И начинался город с одной избы.

Недавно нашему музею удалось раздобыть сделанную в 1914 году фотографию этого дома и его хозяина Семена Коржнева — первого жителя Мурманска. В то время Семену Коржневу было 104 года.

В. ЗУЕВА, С. НОВАК, сотрудники Мурманского краеведческого музея

НОВЫЕ ВРЕМЕНА НА СТАРОМ ГРИНВИЧЕ

Бетонная плита с тонкой металлической планкой посредине. Здесь проходит начальный меридиан земли — Гринвичский. Он проходит по территории страны, бывшей когда-то мастерской мира, владычицей морей, хозяйкой империи, над которой никогда не заходило солнце.

Когда-то... Сейчас владычица морей терпит на своей территории иностранные военные базы, а солнце Британской империи закатилось.

На Гринвиче теперь новые времена. О них рассказывает журналист Игорь Бирюков в своей книге, выпущенной издательством «Молодая гвардия».

Главная тема книги — английская трудовая молодежь, ее устремления, мысли, вера, разочарования, надежды. За что и против чего, с кем и против кого борется сегодня английская трудовая молодежь,— на эти вопросы дает ответ книга.

Во многих очерках читатель знакомится с английскими молодыми людьми, которые мужественно борются за экономические и политические права трудящихся, которые отстаивают право народов на мир, требуют уничтожения иностранных военных баз на территории Англии.

С большим интересом читаются очерки Игоря Бирюкова, рассказывающие о попытках буржуазных идеологов завоевать умы и сердца английской молодежи.

Предлагаются разные методы. Некий капитан Ательстан Попкесс считает, что спасение Англии в «кошке»— шестихвостой плетке, которая с успехом применялась в средние века.

Другие способы более серьезны. Буржуазия насаждает среди молодежи дух беспартийности, аполитичности...

Наиболее активные апологеты империализма срочно придумывают идеалы, которых, по их мнению, так не хватает молодежи.

Игорь Бирюков рассказывает, например, об организации «Молодежное достижение». Цель организации — обучение юношей и девушек в возрасте от 15 до 19 лет принципам капитализма.

Автор не умаляет серьезности идеологической работы капитализма. Его пропагандистская машина, хорошо смазанная крупными дивидендами, имеющая огромный опыт демагогии и такого первоклассного пропагандистского помощника, как религия, представляет большую силу.

Но тем, кто прочтет очерки Игоря Бирюкова, становится ясно, что решающее слово — за трудовой английской молодежью. И она не оправдает надежд идеологов капитализма. Ничего не поделаешь: на Гринвиче новые времена!

Генрих БОРОВИК

И. Бирюков. «На Гринвиче новые времена». «Молодая гвардия», 1963. 144 стр.

СВАТУШКИ-БРАТУШКИ

И. КОСТЮКОВ

Фельетон

Все-таки приятно, когда всем всегда и во всем везет. Однако в жизни еще попадаются и пагубные случаи невезения, которые наносят моральный и материальный ущерб не только отдельным гражданам, но и целым бюджетным организациям.

...Московской областной конторе «Сортсемовощ» долго не везло с главным агрономом. Был в конторе свой, доморощенный временно исполняющий обязанности, то есть врио агронома, неплохой человек и с работой справлялся, но... это был врио. А хотелось не врио, а настоящего, чтоб как у всех, по всем правилам, внушительного. Правда, сюда заглядывали агрономы, но все какие-то не такие: то им контора чем-то не нравилась, то они чем-то не соответствовали конторе с областным масштабом.

Словом, долго не везло. А потом повезло. Один добрый человек помог, сжалился над конторой и присватал ей подходящую кандидатуру. Роль такого доброго свата взял на себя сам главный агроном областного управления производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов Петр Васильевич Саморуков.

— Есть,— сказал он,— у меня на примете одна подходящая фигура. Сергей Андреевич Будник. Золото, а не человек! И ладный, и статный, и ума палата! Берите, не пожалеете!

Легкая рука оказалась у свата Петра Васильевича. Просватанный им Будник по всем статьям подходил под областной масштаб: лицом бел, не хромой, не так уж толст, но и не из тонких. А уж речь поведет, ну, прямо симфония звучит!

Обрадовались в конторе. Трясут Буднику руки. Благодарят за оказанную честь. А когда прочитали анкетный листок С. А. Будника, так совсем пришли в восторг. В графе «Имеете ли ученое звание» просватанный написал: «Ученый агроном-овощевод». На вопрос анкеты «Какие имеете научные труды» последовал ответ, что им написана для области инструкция по овощеводству.

Ослепленный светилом, управляющий конторой И. И. Янов счел за бестактность заглядывать в другие его документы. Чтоб, упаси бог, не упустить находку, управляющий тут же написал приказ № 58: «Назначить т. Будника С. А. главным агрономом конторы «Сортсемовощ».

Контора переживала медовый месяц. А через месяц с меда пришлось перейти на горькую редьку: у конторы отбили Будника. Коварным соперником управляющего И. И. Янова оказался милиционер. Он бесцеремонно взял конторского избранника за руку и повел, как говорили наши почтенные предки, в казенный дом. Повел за то, что автор ученой агроинструкции без всякого стыда и совести совершал крупные спекулятивные махинации с семенами цветов астры.

Не все поверили, что сват Петр Васильевич подсунул конторе бракованный товар, с изъяном. Кое-кто склонен был думать, что Будник с самых пеленок питал жгучую страсть к цветочкам. Вот он, дескать, и закупил полцентнера семян, чтоб украсить ими жизнь соотечественников.

Проверили эти доводы. Потом перепроверили. И оказалось, что проблема украшения жизни соотечественников никак не волновала Будника. Его совсем не беспокоило, будут ли посеяны семена астры и какие они выпустят цветочки. Его интересовали лишь крупные купюры.

Тогда в ход было пущено «может быть».

— Может быть, это случайный проступок Будника? Не преступление, а именно проступок, за который не следует упрекать ни свата Петра Васильевича за его безответственное сводничество, ни управляющего конторой И. И. Янова за излишнюю веру в добрый совет.

И тут оказалось, что Будник не в первый раз переходил с овощеводства на цветоводство. Такая страсть обуревала его и в прошлые времена. Впрочем, «ученый агроном» оказался настоящим универсальным мастером на все жульнические руки. Он успешно торговал ворованным шифером, трубами. Из обычной колхозной земли делал специальную цветочную землю, а потом так же успешно спроваживал ее в энном направлении. Он торговал даже чувствами людей. Писал на них доносы, а потом за определенную мзду отказывался от своих надуманных показаний.

Автор «ученых агроинструкций» за свою не столь уж длинную жизнь умудрился трижды посидеть на скамье подсудимых: два раза за присвоение того, что ему совсем не принадлежало (за это ему в общей сложности начислили тринадцать лет), а в третий раз судили за преступную служебную халатность, которая привела к гибели человека.

Теперь этот ученый муж... Впрочем, не будем и мы наводить тень на плетень. Диплом Будника оказался простой и грубой фальшивкой, в чем можно было разобраться и без помощи криминалистов. Да он и сам не очень-то отстаивал подлинность документа об образовании. Когда у него спросили, где он взял чистый бланк диплома, то получили очень убедительный ответ:

— Нашел на трамвайной остановке.

Надо сказать, что Буднику страшно везло на находки подобного рода. Он всегда где-то что-то находил. Поэтому располагал большим количеством чистых бланков с гербовыми печатями и штампами государственных учреждений. Так он «нашел» бланки исполкома Пушкинского райсовета Московской области, завода «Металлорукав» Московского совнархоза, сельхозартели «Красный Октябрь» Пушкинского района, завода «Металлист», фабрики «Ширпотреб».

Хотелось бы, чтобы руководители этих предприятий и организаций поинтересовались, как их бланки оказались у Будника.

И вот такого мастера на находки сват Петр Васильевич Саморуков сосватал в областную контору «Сортсемовощ», которая должна выводить высокоурожайные сорта семян овощей для колхозов и совхозов.

Знал ли Саморуков Будника?

— До войны я его встречал в институте,— ответил Саморуков.— Потом изредка встречал кое-где.

Вот и все познания свата о подопечном. Но это не помешало ему горячо рекомендовать Будника в контору «Сортсемовощ».

С управляющим конторой «Сортсемовощ» И. И. Яновым разговор был еще короче, поскольку сказать о своем главном агрономе ему было совершенно нечего.

— Мне его рекомендовал Петр Васильевич Саморуков с самой хорошей стороны. Я и поверил,— сказал он.

В служебной характеристике, оформленной уже теперь, И. И. Янов так и написал: «О Буднике сказать ничего не можем. Мы его не знаем».

Случай со сватовством Будника, к нашему горькому сожалению, еще нельзя назвать исключительным, единичным. Не перевелись у нас сватушки-братушки. Сватают друзей, знакомых, а нередко и первых встречных, сватают без оценки того, каков будет результат их деятельности. Лишь бы просватать.

Бывает так: встретились двое в номере гостиницы, либо за одним столиком в ресторане, либо совместно поболели за одну и ту же футбольную команду, поговорили, обменялись адресами. А потом, при случае, кто-нибудь из них сватает другого:

— Слушай, есть у меня на примете один человечек! Пристрой его у себя, подбери ему что-нибудь. Золото, а не человек!..

...Бывает еще такое.

Бюро медвежьих услуг

НЕ ТЕ ВОРОТА

С недавних пор в Казахской республике стали замечать, что не везде бензин идет по назначению. То шофер самосвала владельцу мотоцикла горючее продаст, то какой-нибудь заправщик колонки «свой излишек» загонит. А с ловлей таких дельцов что-то не получалось. Не густо ловились жулики — и все тут!

Тогда автоинспекция республики решила внести свой вклад в искоренение бензинового левака. «Зачем ловить волка, если можно привязать к телеге овцу?» — подумали там и действительно связали своим решением по рукам и ногам автолюбителей.

Прежде всего ввели заборные книжки на бензин и масло. И то и другое теперь вы можете приобрести на территории Казахской ССР только по этим книжкам. Сама идея, может быть, не заслуживает особого осуждения, если бы она была до конца продумана. А вот этого и не произошло. В Казахстане, не поглядев в святцы логики, бухнули в автоинспекторские колокола.

Книжка действительна только в пределах республики. А ведь наступает лето, тысячи людей потянутся к морю, в другие республики. Может быть, там можно будет покупать в колонках бензин за наличный расчет? Э, нет! На обложке книжки с корешками талонов, которую злосчастный любитель обязан хранить в течение двух лет и предъявлять по первому требованию инспекторов ГАИ, недвусмысленно сказано:

«При отсутствии у владельца автомобиля или мотоцикла корешков талонов, оправдывающих расход горючего и смазочного масла на пробег машины, дальнейшая эксплуатация запрещается и номерной знак машины органами ГАИ снимается. Одновременно с владельца взыскивается стоимость бензина и автола, полагающихся на пройденный пробег по нормам».

Вот так. Но этого показалось мало. Поступило указание всем владельцам мотоциклов, автомашин, мотороллеров немедленно снять спидометры и сдать их на проверку. Да еще за новую пломбу два с полтиной заплатить. Мото- и автолюбители, можно сказать, взвыли в голос. Ведь для многих марок машин это значит демонтаж приборных досок!

— Милые, хорошие,— взмолились в ГАИ автолюбители,— возьмите деньги, только машины не разоряйте. Зачем вам еще пломба, когда заводская есть?!

— А может, вы того, подкрутите... Знаем мы вашего брата!.. Новые машины? Снимайте и с новых. Никаких поблажек!

— Товарищ инспектор, а если трос спидометра понадобится в пути заменить, тогда как?

— Сюда придете, разберемся.

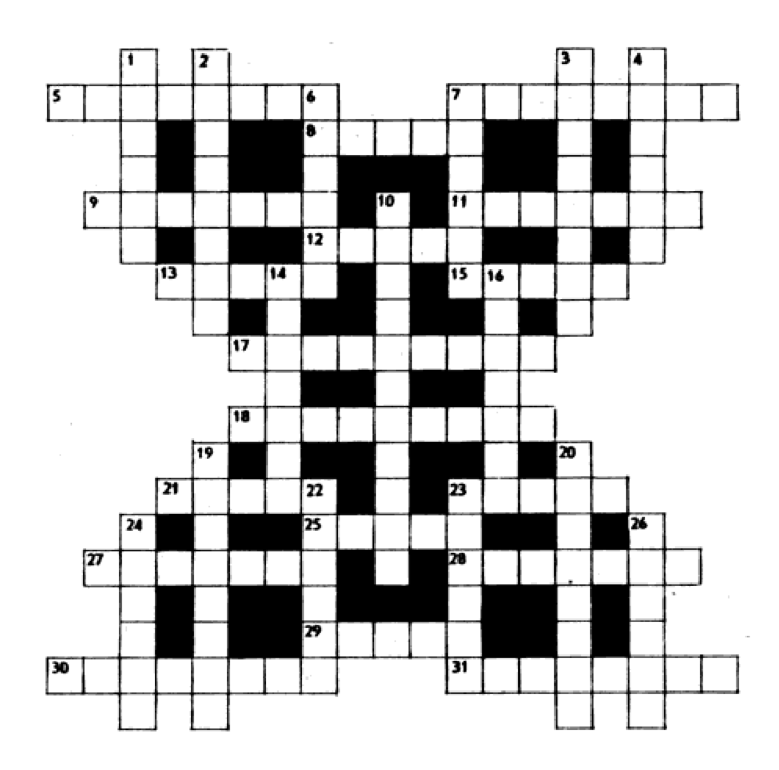
— А у меня мотоцикл старенький, «ИЖ-49», у него спидометр от колеса. Как быть, если прокол? Ведь нужно колесо снимать, а на спидометре пломба?!

— Езжайте осторожно, и проколов не будет...

Все эти разговоры вызывают недоумение. К чему такое недоверие ко всем мотоциклистам и автолюбителям?

Есть казахская поговорка: «У кого украли баранов, тот запирает двор». Думается, что ГАИ Казахстана стала запирать не те ворота.

К. ОБОЛЕНСКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Персонаж оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 7. Остров в Черном море. 8. Стадо овец. 9. Летняя пристройка к зданию. 11. Органическое соединение, необходимое для жизнедеятельности организма. 12. Рыба семейства тресковых. 13. Народный поэт Белоруссии. 15. Начало ручья, реки. 17. Гриб. 18. Спортивная игра. 21. Денежная единица Югославии. 23. Камчатский бобр. 25. Лиственное дерево. 27. Созвездие северного полушария неба. 28. Советский физик, академик. 29. Болотная трава. 30. Решетка в топке. 31. Название научно-популярного журнала.

По вертикали:

1. Порода собак. 2. Часть рыболовной снасти. 3. Газетно-журнальный жанр. 4. Автор памятника Минину и Пожарскому в Москве. 6. Вокальное произведение. 7. Столица АССР. 10. Отдел геометрии. 14. Пустыня в Чили. 16. Большое село на Руси. 19. Вид изобразительного искусства. 20. Бак для бензина, технического масла. 22. Порт Германской Демократической Республики. 23. Стихотворение А. С. Пушкина. 24. Водоплавающая птица. 26. Приток Камы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

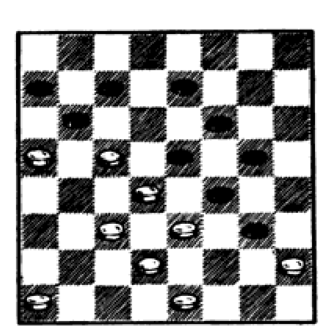
5. Лермонтов. 6. Скетч. 7. Яунде. 9. Этна. 11. Сова. 13. Рампа. 15. Основа. 17. Фреска. 18. Ударник. 21. Лирика. 22. Суслик. 23. Шпага. 25. Сито. 26. Арат. 27. Стенд. 29. Шуруп. 31. Калькутта.

По вертикали:

1. Шлак. 2. Кратер. 3. Струма. 4. Свод. 6. Сачок. 8. Ессей. 10. Тосканини. 12. Викторина. 14. Матрица. 16. Акула. 17. Фикус. 19. Пинос. 20. Остап. 23. Шинель. 24. Алушта. 28. Такт. 30. Удав.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

КОНЦОВКА

А. Н. Купцов (Москва)

Белые начинают и выигрывают.

Решение этюда Д. М. Калинского, напечатанного в № 21 «Огонька»: 1. c5—d6! e7 : c5 2. e1—h4 e5—d4 (если 2. ...f6—d8, то 3. c3 : h8 с последующим h8—f6. На 2. ... c7—d6 следует 3. h4 : e7 d6 : f8 4. c3 : h8 и выигрывают) 3. h4 : b6!! — и при любом ответе черных белые выигрывают.

Попытка взорвать «Аврору»

В начале 1918 года политический отдел Верховной морской коллегии в Петрограде получил письмо. В нем сообщалось: «Товарищи! Вчера 4-го января в зале Калашниковской биржи на общем собрании была предложена премия за уничтожение судна «Аврора» в сумме ста тысяч (100.000) руб., 50.000 сразу, а остальные 50.000, когда взорвется».

Далее описывались подробности заговора. Задание было дано шоферу, а тот сообщил автору письма о готовящейся диверсии слишком поздно. Все участники преступной затеи успели разойтись.

«Ввиду этого,— говорилось в письме,— просим быть на страже, а то будет печально, если найдется негодяй, который согласится свою шкуру продать и всю трудовую массу».

Написавший письмо не назвал себя. Он подписался: «Сочувствующий II съезду Советов рабочих и солдатских депутатов и народный комиссар». Был указан лишь один инициал: «Г».

...30 марта 1918 года на «Аврору» поднялся по трапу неизвестный человек, одетый в старую солдатскую форму. Он вручил вахтенному какой-то пакет, сказав, что заметил его на льду около форштевня крейсера.

Солдат тут же ушел, и никто, к сожалению, не догадался узнать его имя и поблагодарить за бдительность.

Матросы Ф. Найчук и И. Семенов развернули плотную бумагу и обнаружили в ней взрывчатое вещество и рядом какую-то странную банку.

Вызвали артиллерийского специалиста, одного из старейших авроровцев, Б. Ф. Винтера. Тот приказал отнести взрывчатку в пороховой погреб, а банку взял с собой.

Банку с иностранным фабричным клеймом Б. Ф. Винтер поднес к уху: внутри что-то тикало. Он вскрыл ее и отсоединил часовой механизм от взрывателя.

В каюте командира крейсера Винтер подписал рапорт, который вместе с находкой должен был быть отправлен в адмиралтейство. Затем он вложил разъединенные части взрывателя и часового механизма в банку, и в этот момент раздался взрыв. Винтер упал. Коварные организаторы диверсии предусмотрели ловушку на случай, если адскую машину попытаются обезвредить.

Через три дня петроградская вечерняя «Красная газета» сообщала: «При разборке взорвался патрон-ударник и тяжело ранил моряка».

Б. Ф. Винтер остался жив. После лечения он вернулся в строй, правда, уже не на корабль, а в береговую службу. Многие годы он обучал молодых моряков Балтики артиллерийскому делу.

Умер старый моряк-авроровец в Ленинграде в 1959 году.

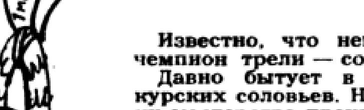
К. ГРИЦИНСКИЙ,
подполковник

ОТ РЕДАКЦИИ:

Мы надеемся, что эту заметку об историческом происшествии прочитают непосредственные свидетели его.

Быть может, они более подробно расскажут о попытке контрреволюции взорвать легендарный крейсер «Аврора» и помогут назвать имена тех неизвестных, кто помешал осуществить подлую диверсию.

СОКОЛЬНИЧЕСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ

Известно, что непревзойденный чемпион трели — соловей.

Давно бытует в народе слава курских соловьев. Но, может быть, их мастерство преувеличено? Этим вопросом заинтересовались любители птичьего пения. Они установили, что в конце прошлого столетия мастерство курских соловьев достигло зенита. Затем по каким-то причинам их искусство ослабело. К 1925 году первенство переходит к киевским соловьям, а через 10 лет — к казанским.

С 1954 года лучшими певцами считаются соловьи Беловежской пущи. Последние годы значительно пополнили свой репертуар и подмосковные соловьи.

Некоторые орнитологи считают, что, как бы ни был одарен молодой соловей, он не умеет петь понастоящему. Птенцы слушают старых, опытных певцов и учатся у них.

Переход славы соловьев одной местности к другим можно, видимо, объяснить исчезновением квалифицированного преподавательского состава.

Несколько лет назад пернатые солисты свили свои гнезда в московском парке «Сокольники». Они поселились близ открытой эстрады. Соловьи во время концертов, вероятно, изучают классиков.

Научный сотрудник музея имени Дарвина П. Смолин приводит такой пример. Соловьи подражают кваканью лягушек. Но это не простое подражание, а своя интерпретация.

Некоторые певчие птицы буквально повторяют услышанное. Орнитолог В. Строков рассказывает о случае, когда скворец так искусно воспроизводил позывные московского радио, что вводил многих в заблуждение.

Музыкальные произведения оказывают благотворное влияние на соловьев-студентов.

Сокольнические соловьи дают такие концерты, что их искусство не уступает былой славе курских и нынешней славе беловежских пернатых.

Репертуар сокольнических соловьев насчитывал прошлой весной до восемнадцати песенных колен.

Е. РОМАНОВ

На первой странице обложки: Новоселы Барса-Гельмеса.

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Весенний мотокросс.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

ЗНАКОМЫЕ МЕЛОДИИ

Рисунки В. ВОЕВОДИНА.

Толкач: — Хочешь, возьми коня любого.
Возьми любой шатер.

Угадай-ка, угадай-ка —
интересная игра.

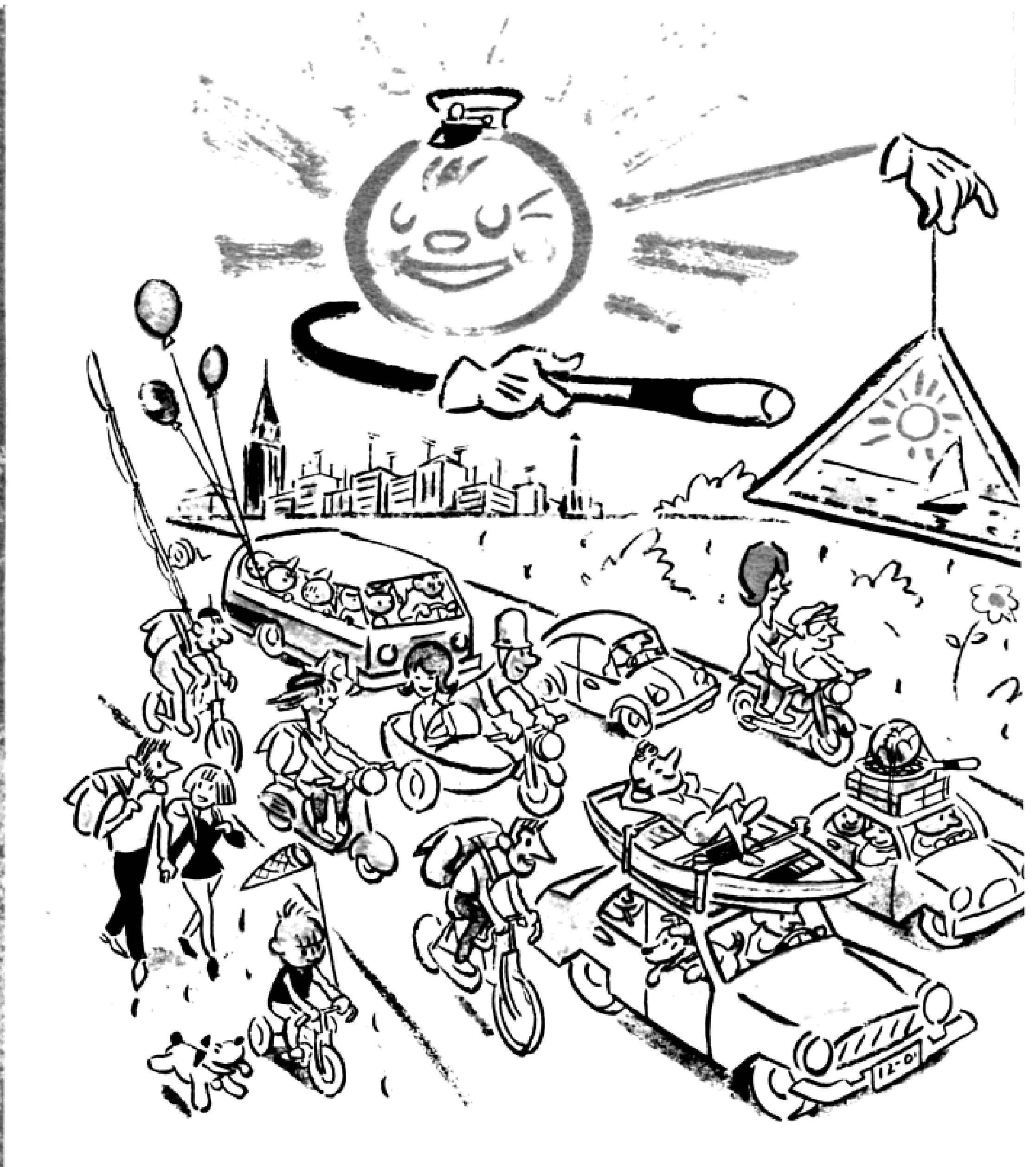
— Уйду с дороги — таков закон: третий должен уйти.

Гастролеры-халтурщики
Уносить свои гитары
Им придется все равно.

...Ходит парень
возле дома моего.
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего.

Регулировщик.

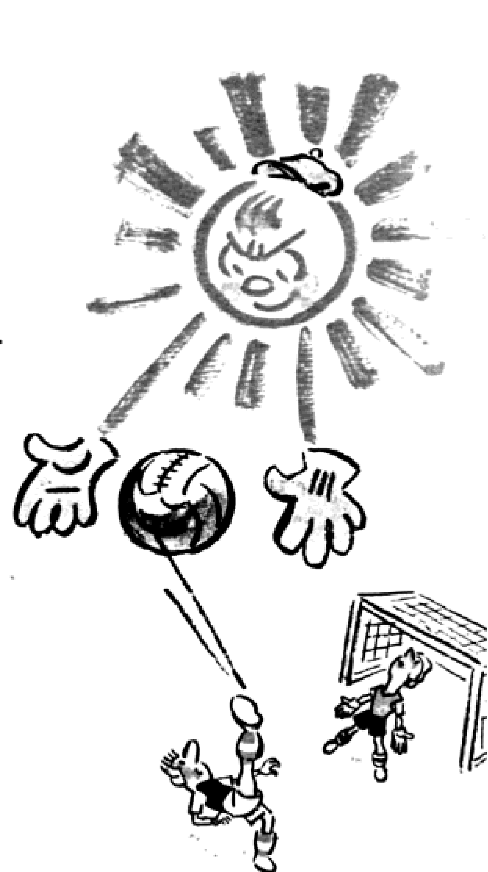
Весенние профессии солнца

Рисунки А. САНИНА.

Пекарь.

Вратарь.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01820. Подписано к печати 20/V 1964 г. **Формат бум.** 70 × 108 1/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 2 045 000. Изд. № 944. Заказ № 1356.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663